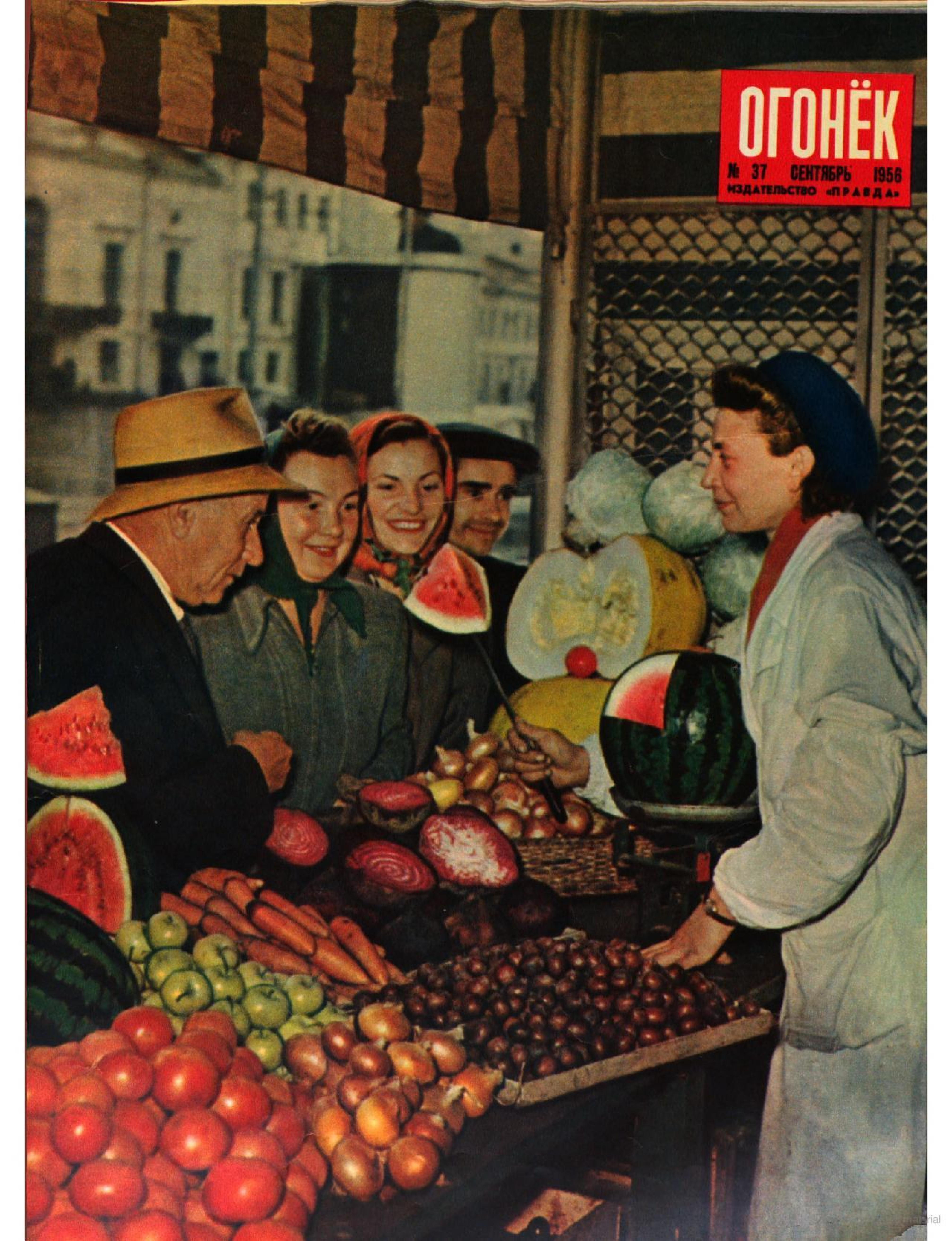
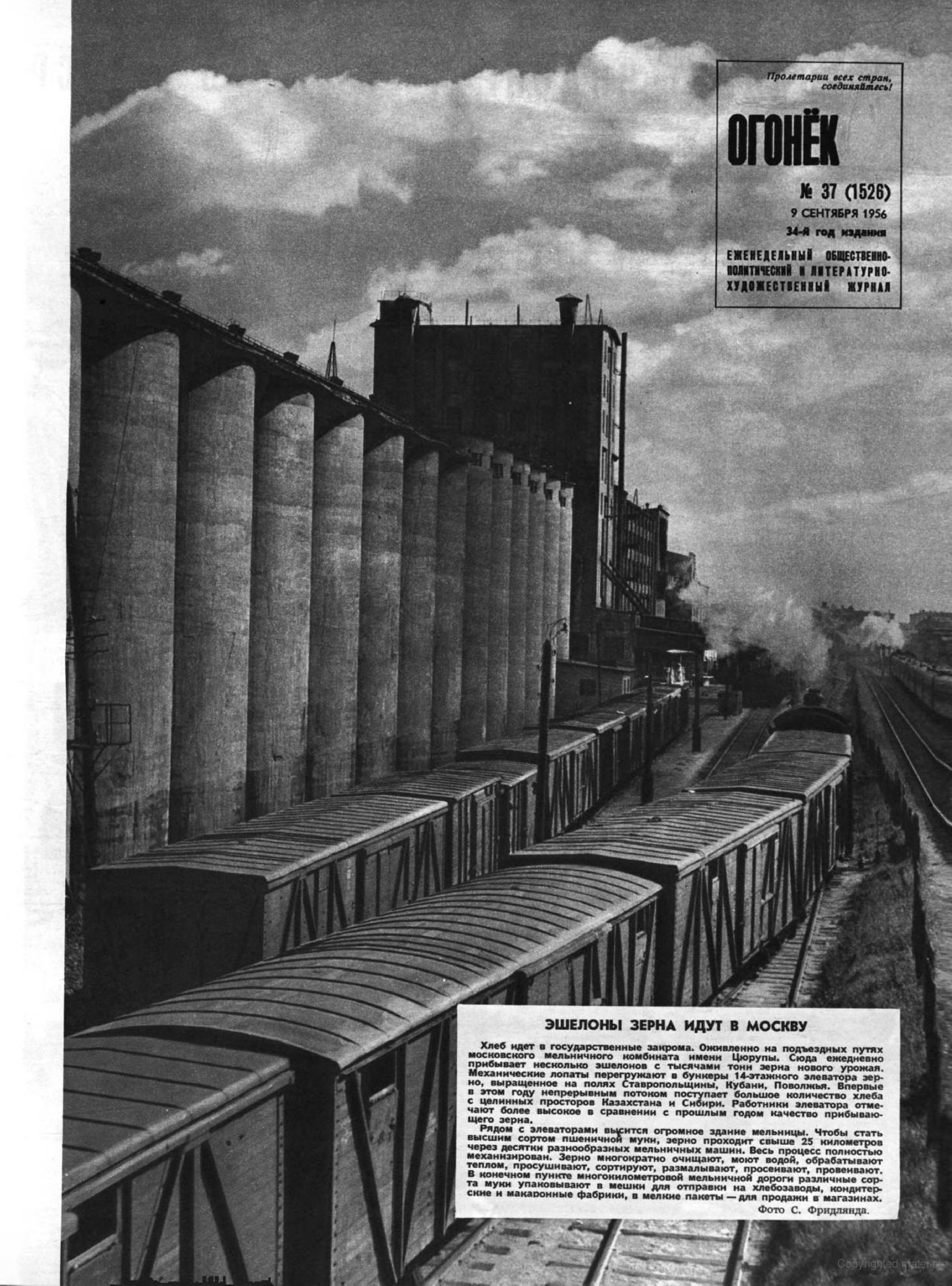

ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Танкисты на привале. Фото Ю. Скуратова.

На первой странице обложки: Арбуз навырез! Продажа овощей и фруктов на Трубной площади в Москве. Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Пейзаж Болгарии. Фото М. Бугаевой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 37 (1526)

9 СЕНТЯБРЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЭШЕЛОНЫ ЗЕРНА ИДУТ В МОСКВУ

Хлеб идет в государственные закрома. Оживленно на подъездных путях московского мельничного комбината имени Цюрупы. Сюда ежедневно прибывает несколько эшелонов с тысячами тонн зерна нового урожая. Механические лопаты перегружают в бункеры 14-этажного элеватора зерно, выращенное на полях Ставропольщины, Кубани, Поволжья. Впервые в этом году непрерывным потоком поступает большое количество хлеба с целинных просторов Казахстана и Сибири. Работники элеватора отмечают более высокое в сравнении с прошлым годом качество прибывающего зерна.

Рядом с элеваторами высится огромное здание мельницы. Чтобы стать высшим сортом пшеничной муки, зерно проходит свыше 25 километров через десятки разнообразных мельничных машин. Весь процесс полностью механизирован. Зерно многократно очищают, моют водой, обрабатывают теплом, просушивают, сортируют, размалывают, просеивают, провеивают. В конечном пункте многокилометровой мельничной дороги различные сорта муки упаковывают в мешки для отправки на хлебозаводы, кондитерские и макаронные фабрики, в мелкие пакеты — для продажи в магазинах.

Фото С. Фридлянда.

ПРЕЗИДЕНТ ИНДОНЕЗИИ СУКАРНО В СССР

В Советском Союзе находится Президент Республики Индонезии Сукарно, который приехал в нашу страну по приглашению Президиума Верховного Совета СССР. Президент Сукарно встретился в Москве с советскими руководителями и совершает поездку по стране.

Тысячи людей тепло встречают почетного гостя. Во время этих встреч Президент Сукарно просил называть себя «брат Карно». И советские люди охотно называют его так: ведь они искренне желают прочной братской дружбы с народом Индонезии, горячим сторонником мирного сосуществования.

Фото специального корреспондента «Огонька» Я. Рюмкина.

Во время осмотра Московского Кремля.

Президент Сукарно нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

Фото С. Раскина.

Президент Сукарно на приеме у Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина. В центре — Министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов.

В Ленинграде индонезийские гости посетили мечеть.

Президент Сукарно и сопровождающие его лица на Металлическом заводе в Ленинграде.

На Ленинградском стадионе имени С. М. Кирова индонезийские гости наблюдали за товарищеской встречей между индонезийскими и советскими футболистами.
На снимке: Президент Сукарно здоровается с советскими футболистами.

В парке Петродворца. Юный фотолюбитель Юра Белов не растерялся...

В Свердловске, на Уральском заводе тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе.

Томас Драйберг в Москве

Имя Томаса Драйберга часто можно встретить на страницах английской газеты «Рейнольдс ньюс». Он член исполкома лейбористской партии и считается одним из самых талантливых публицистов современной Англии. Его беседы с читателями «Рейнольдс ньюс» посвящаются самым животрепещущим темам. В одной из последних, например, говорится о главных чертах социализма.

Мы встретились с Томасом Драйбергом в Москве после его возвращения из Узбекистана. Он сам составил для себя маршрут и из всех советских республик избрал Узбекистан, так как о советской Средней Азии в западной печати появляется много противоречивых сведений. Вспомним хотя бы американского судью Дугласа, который заявлял, что среднеазиатские республики будто бы являются колониями России.

Томас Драйберг — более объективный наблюдатель и более опытный путешественник, и он пришел к противоположным выводам.

С этого начинается наша беседа.

К какому главному выводу пришел Томас Драйберг после недели, проведенной в Узбекистане, что было там для него неожиданного?

— Я присутствовал на национальном узбекском празднике в честь сбора хлопка, — рассказывает он, перелистывая страницы своего дневника,— был на ярмарке, в колхозе, на заводах; всюду имел много интересных встреч.

Ташкент — цивилизованный город, с широкими улицами, большими современными домами, прекрасными бульварами и авеню. Город с хорошим будущим. Перемены, происшедшие в этой республике за годы Советской власти, поистине удивительны.

Не меньше удивил Томаса Драйберга, говоря его словами, «размах децентрализации». Узбекистан — равная республика среди равных! Ему кажется парадоксальным, что в быстро двигающемся вперед Узбекистане, который проделывает вместе со всей страной величественный эксперимент, с уважением относятся к древним традициям. Ему как англичанину это не могло не понравиться. Он с увлечением рассказывает о встречах с узбекскими поэтами.

— Они пользуются почетом и уважением у народа,— говорит Драйберг,— они связаны с народом! На западе поэты—часто небольшая кучка интеллигенции, оторванная от жизни народа. А здесь, в СССР, узбекские поэты мне говорили: мы используем классические формы узбекской поэзии, мы верны ее древним народным мотивам.

В Ташкенте английский гость был принят первым секретарем ЦК компартии Узбекистана тов. Н. А. Мухитдиновым. Какой характер носила беседа?

— Прежде всего,—отвечает Драйберг, — я был очарован умом и обаятельностью Мухитдинова. Я был очень рад тому, что мы могли откровенно обсуждать вопросы, которые меня особенно занимают,— о различиях между советскими коммунистами и английскими социалистами.

— Но ведь есть и общие точки зрения?

— Безусловно. Все же неверно было бы отрицать наличие разных точек зрения.

— Так ли они велики, как это пытаются представить некоторые лидеры вашей партии?

— Очень важно, — отвечал энергично Драйберг, — что расхождения между нашими партиями не настолько велики, чтобы из-за них ссориться.

Как известно, Томас Драйберг был принят Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым.

— Это была чрезвычайно интересная и важная беседа,— говорит Драйберг.

Затем Томас Драйберг показал нам узбекский музыкальный инструмент рубаб, подаренный ему ташкентскими друзьями. Фотокорреспондент Галина Санько засняла Томаса Драйберга, когда он пытался — и не без успеха — извлечь старую английскую мелодию из этого древнего узбекского инструмента.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, открылась выставка Демократической Республики Вьетнам, приуроченная к празднованию 11-й годовщины Республики.
На снимке: посетители осматривают образцы мебели.
Фото Н. Ситникова (ТАСС).

Техник-лейтенант М. И. Вальков на занятиях с курсантами Иваном Морозом, Василием Зайцевым и Иваном Белявским.

Эстафета героизма

Наш путь лежал в Н-скую ордена Красного Знамени гвардейскую танковую часть.

По обеим сторонам дороги тянулись обширные, большей частью уже убранные колхозные поля с густыми порядками хлебных копен и пухлых бабок, выложенных из льняных снопиков, рябили квадраты еще зеленеющих массивов картофеля. Виднелись сады и огороды, подновившиеся деревни и совсем новые усадьбы машинно-тракторных станций.

Глядя на эту отрадную сердцу мирную жизнь, невольно думалось, что добыта она ценою тяжкого ратного подвига нашего народа и его армии, что свою долю в это святое дело вложили и танкисты той дивизии, куда мы направлялись. В годы войны дивизия в огне боев и сражений совершила славный путь от Сталинграда до Берлина.

Просматривая боевую летопись части, нельзя не восхищаться великим множеством героических подвигов ее воспитанников. Достаточно сказать, что много танкистов части удостоены звания Героя Советского Союза.

Напомним одну из первых страниц боевой истории дивизии. Произошло это под Сталинградом. Младший лейтенант Александр Соколов проник на своем танке в глубокий тыл противника. Когда боеприпасы иссякли, Соколов продолжал борьбу другим способом: направил грозную машину на готовившиеся к взлету истребители и молниеносно протаранил три самолета...

Это было в прошлом. А как теперь, в мирное время, поддерживаются лучшие традиции?

Наше внимание привлекает листовка с портретом техника-лейтенанта Михаила Валькова. Читаем:

«Дело было в январе, на тактических учениях.

Ночью по снежной целине танки шли на выполнение учебной задачи. Механик-водитель головного танка, младший сержант Куртян, вел машину по заданному маршруту. На пути оказалась речка. Вдруг лед треснул, осел, и танк моментально погрузился в воду.

Растерявшись, Куртян открыл люк. Ледяная вода с шумом ворвалась в машину. Экипаж выскочил через люк командира танка. Но выключить скорость механик-водитель не успел. «Что делать, как вытащить танк из воды, если двигатель заглох с включенной скоростью?»

В это время появился техник-лейтенант Михаил Вальков. Быстро оценив обстановку, он скинул с плеч шинель, гимнастерку, снял сапоги и бросился в воду.

Первая попытка окончилась неудачей. У Валькова не хватило воздуха, чтобы выжать педаль сцепления. Вынырнув и немного отдышавшись, офицер вторично скрылся под водой. Коченеющими руками он отгреб от педали куски льда, но выключить главный фрикцион не успел.

Нырнув в третий раз, офицер вывел рычаг в нейтральное положение. Казалось бы, все! Но Вальков, передохнув, снова скрылся в ледяной воде: он хотел окончательно убедиться, что скорость выключена...

Отмечая мужество техника-лейтенанта Валькова, генерал наградил его именными часами».

Вот так от фронтовых времен эстафета героизма передается в мирные дни!

Мы встретили комсомольца Михаила Валькова у самоходного орудия, где он проводил практические занятия с курсантами. Вальков удивил своей молодостью — совсем юноша. Впрочем, чему тут поражаться: в боях под Сталинградом Александр Соколов был не старше. Подшефными у Михаила Валькова оказались будущие наводчики орудия Иван Мороз и Василий Зайцев и будущий механик-водитель Иван Белявский. Все трое земляки, из колхоза «Рассвет» на Могилевщине, где председательствует известный всей стране Герой Советского Союза К. П. Орловский.

Мы познакомились с большой и содержательной жизнью танкистов, каждая минута которых, от подъема до отбоя, заполнена полезными занятиями. В светлых многоэтажных корпусах размещены казармы, учебные аудитории, технические кабинеты, клуб. Рядом — спортивные площадки, плацы и лужайки для отдыха. Здесь же гаражи и навесы для хранения техники.

Куда ни глянешь, всюду молодые, бодрые и жизнерадостные люди с увлечением и упорством постигают нелегкое военное дело.

В. ПОНОМАРЕВ

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

В шестой пятилетке значительно увеличивается выпуск детской литературы. Только в нынешнем году Детгиз намечает к изданию свыше 88 миллионов экземпляров книг.

Каков же перспективный тематический план Детгиза? На этот вопрос директор издательства К. Пискунов ответил корреспонденту «Огонька» следующее:

— Пятилетним планом предусмотрено издание до 3 тысяч названий художественной, научно-художественной и научно-популярной литературы. Годовой выпуск к концу пятилетки достигнет 135 миллионов экземпляров.

Одно из основных мест в плане занимает литература для детей дошкольного возраста, в том числе книги-картинки, шутки, загадки, веселые рассказы. Миллионными тиражами выйдут многокрасочные издания произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Толстого, сказки Андерсена, братьев Гримм, Гауфа, Перро, Сетон-Томпсона.

Массовыми тиражами выйдут новые книги о труде и подвигах советских людей, о жизни детей в семье и коллективе, написанные лучшими мастерами детской литературы.

Продолжится издание серии «Школьная библиотека». В эту серию войдут основные произведения русской и иностранной классики, предусмотренные школьными программами.

Особое место в плане занимает современная художественная литература, посвященная труду, подвигам, быту, морали — тем острым и животрепещущим вопросам, которые волнуют юных читателей. Планом предусматривается издание новых книг писателей В. Катаева, Л. Кассиля, Н. Дубова, А. Рыбакова, Л. Воронковой, Л. Пантелеева, Е. Шварца, М. Прилежаевой, А. Мусатова, В. Осеевой, С. Антонова, Ю. Нагибина.

Большое внимание издательство уделяет созданию книг на историко-революционные темы, биографиям выдающихся революционеров — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, Ф. Дзержинского, С. Кирова, В. Куйбышева, Г. Димитрова, Э. Тельмана, деятелей науки, литературы, искусства.

Широко будет представлена литература братских народов нашей Родины.

По разделу научно-художественных и научно-популярных книг предусмотрено издание большого количества произведений в помощь политехнизации школы, раскрывающих основы наук и показывающих, как законы физики, химии, биологии используются в сельском хозяйстве и промышленности.

Расширен раздел научной фантастики и приключенческой литературы.

В 1955 году Детгиз приступил к выпуску подписных изданий. В настоящее время заканчивается издание четырехтомного собрания сочинений А. Гайдара, продолжается издание двадцатитомной «Библиотеки приключений», вышел первый том шеститомного собрания сочинений Майн-Рида. В будущем году готовится выпуск двенадцатитомного собрания сочинений А. Дюма. Намечается издание собраний сочинений Купера, Стивенсона, Конан-Дойля, Сетон-Томпсона.

К сорокалетию Советской власти Детгиз начинает издание подарочной «Золотой библиотеки» избранных произведений для детей и юношества.

М. АМШИНСКИЙ

Почетные медали города Люксембурга

В ответ на посещение нашей страны парламентской делегацией великого герцогства Люксембург группа депутатов Верховного Совета СССР во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Ю. И. Палецкисом совершила поездку в Люксембург.

Советские гости посетили многие города Люксембурга, знакомились с промышленными предприятиями, культурными учреждениями, дружески общались с депутатами парламента и политическими деятелями. В Люксембурге, насчитывающем триста тысяч жителей, работают 32 домны и 5 сталеплавильных печей. По выплавке стали и чугуна на душу населения это государство стоит на первом месте в мире.

На многих приемах и встречах общественные деятели Люксембурга подчеркивали роль советских вооруженных сил в победе над гитлеровской Германией. Вице-председатель палаты депутатов г. Шаус на обеде провозгласил тост за советских воинов, освободивших его и многих люксембуржцев из концлагеря. В городе Эш бургомистр Крир ознакомил гостей с проектом монумента, который будет установлен на кладбище, где похоронены советские воины, погибшие в гитлеровском плену.

Большое впечатление произвел на советскую делегацию город Вильц, известный в Люксембурге как «город-мученик». В Вильце в 1942 году гитлеровские оккупанты провели массовые расстрелы участников антифашистской забастовки. Бургомистр Вильца г. Крайнс сказал: «От всего сердца благодарю наших дорогих гостей и в их лице весь советский народ — народ-освободитель».

В муниципалитете столицы великого герцогства — города Люксембурга — бургомистр г. Гамильюс вручил депутатам Верховного Совета СССР почетные серебряные медали.

ОВОЩИ И ФРУКТЫ ДЛЯ СТОЛИЦЫ

Со всех концов страны, с Украины и Казахстана, из центральных областей и Подмосковья, в железнодорожных составах, на автомашинах и самолетах прибывают в Москву фрукты, овощи, картофель нового урожая.

До конца года их прибудет до полутора миллиона тонн, в том числе многие тысячи тонн дынь, арбузов, яблок, винограда и других фруктов, которые дают Москве южные районы. Особенно много пришлют фруктов и овощей труженики полей Краснодарского и Ставропольского краев.

Ежедневно товарные станции столицы, магазины и колхозные рынки, районные плодоовощные базы принимают тысячи тонн осеннего груза. К концу месяца количество его увеличится в два — три раза.

Только магазины и летние палатки «Мосплодоовощ» — их в Москве 3 200, а в сентябре откроется еще 150 — ежедневно продают населению сотни тонн овощей и фруктов. Одна из палаток — на Трубной площади — показана на обложке этого номера журнала.

До 40 процентов занимает в общем потоке колхозная торговля плодоовощами. На Центральном рынке, например, каждый день продается по 35—40 тонн картофеля, столько же овощей, по 15 тонн фруктов.

Осенью в Москву будет завезено на 20 тысяч тонн фруктов больше, чем в прошлом году.

Ю. ИГНАТОВ

В Казанлыкской долине.

9 сентября, национальный праздник болгарского народа,— День свободы

У БОЛГАРСКИХ ДРУЗЕЙ

М. БУГАЕВА

Фото автора.

Необыкновенно хороша Болгария в дни ранней осени! Множество цветов, чудесные горы на фоне голубого неба, ярко зеленеют долины.

Близится День свободы, который будет праздновать народ в двенадцатый раз после того, как сброшены были железные цепи фашистской диктатуры. Близится десятая годовщина провозглашения Народной Республики Болгарии. В эти дни с особой силой ощущаешь, как радостно меняется облик братской страны. Стремительно растут новые города и рабочие поселки, пересекают холмы и равнины новые железные и шоссейные дороги, в ущельях и в недрах гор сооружаются электростанции, вырастают жилые дома, школы, больницы.

Болгария, некогда отсталая аграрная страна, прочно становится в ряды индустриальных государств. Возникли новые отрасли промышленности, которых не знала Болгария в прошлом, — цветная и черная металлургия, горнорудное дело, электропромышленность, машиностроение, химия.

На улицах Софии и других городов можно встретить много приезжих людей — из Индии, Китая, Кореи, Турции, Германии Франции. Это представители деловых кругов. Экономические связи крепнут и развиваются. Болгария пожинает богатые плоды равноправного экономического сотрудничества со странами народной демократии, с Советским Союзом.

Димитровград. Этот город строила молодежь. Она сооружала цехи химкомбината и жилые дома, монтировала оборудование, потом становилась к станкам и аппаратам в цехах.

Кварталы, носящие имена Толбухина, Коларова, Молодой Гвардии. Как уютно выглядят эти дома с цветниками и скверами, еще более молодыми, чем сам город, деревьями!

Как много в Димитровграде детей и как молоды его жители!

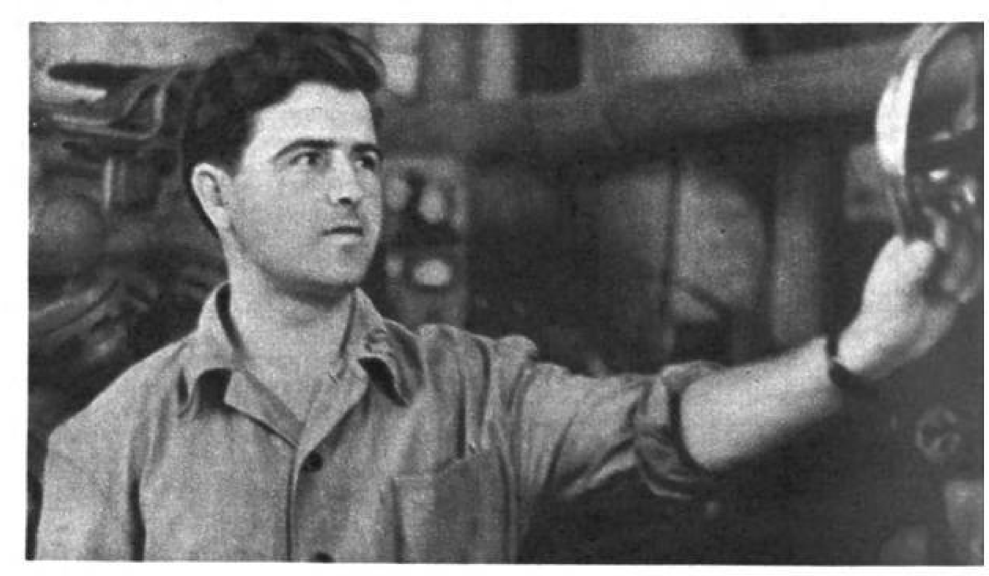
— Скоро, совсем скоро,— говорит молодой архитектор Миланов, — наш город будет красив, как сказка. Приезжайте немного погодя, и вы не узнаете нашего города...

Незабываемо живописна и своеобразна Казанлыкская долина, как магнит притягивающая множество туристов. С Орлиного гнезда, точно на ладони, видна вся равнина. Среди ее садов и виноградников — крыши селений, а вдали голубеет водохранилище имени Георгия Димитрова. Серебряной лентой поблескивают оросительные каналы.

Величественны и радостны картины природы Болгарии, мирного труда ее свободного народа!

Болгарский народ связан с советским народом не только давней дружбой, но и кровью, пролитой в совместных боях за свободу и независимость Болгарии.

Всюду в Болгарии сердечно встречают людей из Советского Союза. Крепнет наша дружба. Она не только в том, что на заводах Болгарии работают советские станки и машины, но еще больше в том, что едиными чувствами полны сердца миллионов советских и болгарских людей.

Димитровградский химкомбинат. Старший машинист Славчо Лозев.

На улице в Софии.

Село Долово.

ДОЛОВЦЫ ВЫБИРАЮТ ПУТИ

Николай ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Заморский «студебеккер» трудно переносил пыльную сельскую дорогу. На каждом ухабе модно скроенное тело машины жалобно стонало, болезненно хрустели ее металлические суставы. А лицо шофера всякий раз изображало мучительное страдание. Поэтому, завидев знакомого крестьянина, возвращавшегося с поля, мой спутник — заместитель председателя уездного кооперативного союза Драгутин Савин — остановил машину.

Председатель задруги Станко Мильчев (справа) и тракторист Милорад Суботич.

— Ты, друже,— сказал он шоферу,— поворачивай свое коло. А мы дальше на конях проедем.

Мы пересели в бричку, которая тоже называлась «коло», ибо этим круглым словом сербы именуют и вагон, и автомобиль, и телегу. Оставляя после себя длинный шлейф пыли и весело подпрыгивая на неровностях пути, громозвучная колесница понесла нас навстречу селу, видневшемуся впереди.

Оно лежало среди привольных полей Воеводины. Великая Средне-Дунайская низменность, в Венгрии ровная, как выструганная доска, перейдя в пределы Югославии, начинает постепенно взбухать и холмиться. А еще дальше, за Дунаем, холмы становятся горами и, достигнув облаков, стремительно обрываются в сказочно синее Адриатическое море. Но почти вся Воеводина раскинулась на равнине. Это край хлеборобов, житница Югославии, страны преимущественно горной.

— Значит, к нам в Долово? Из самой Москвы? — Крестьянин, которого мой спутник называл Живаном, подхлестнул лошадей и заговорил о традиционных чувствах братской дружбы к советским людям, которые сохранились здесь, несмотря на все недоразумения прошлых лет.— Интересуетесь, как живут наши селяки? У нас в Долове вы все увидите. Хотите трудовую задругу — есть две трудовых. Желаете кооператив общего типа — имеется и такой кооператив. Государственное имение тоже есть. Долово — село большое, все есть.

Мы въехали в село. Пастух, щелкая бичом, гнал стадо, и коровы, подойдя к запертым воротам, призывно мычали. Догорала заря. Золотые отблески ее легли на Долово — тысячу шестьсот дворов, три церкви и большой недостроенный Кооперативный дом.

Трудовая задруга

— Вот и наше хозяйство! — сказал Лазар Татомиров, кивком головы указывая вперед.

Сразу за околицей на пологом косогоре стояли сельскохозяйственные постройки, судя по всему, возведенные недавно. Обширный двор еще не огорожен. Его обозначали молоденькие худосочные деревца, жадно тянувшиеся к солнцу. На чешуйчатой черепице амбара виднелась надпись, оставшаяся с весны и уже полусмытая дождями: «Да здравствует Первое мая — день трудящихся!» Это усадьба трудовой задруги имени Жарко Зренянина — здешнего учителя, геройски погибшего в партизанских боях с фашистами.

Старославянское слово «задруга» сейчас, пожалуй, правильнее всего перевести так: товарищество. В современной Югославии существуют два вида кооперативов: задруги общего типа — они объединяют индивидуальные хозяйства, и трудовые задруги, где крестьяне ведут хозяйство сообща, коллективно.

Лазар Татомиров, человек с горящими цыганскими глазами,— управляющий задруги. К нему то и дело подходили люди, требуя распоряжений или подписи на бумагах. Однако управляющий — должность не выборная. Татомиров — служащий задруги. До него тут был другой управитель, вел хозяйство неважно. Задругарцы его рассчитали и подыскали себе другого, знающего дело, толкового человека. В будущем, когда в республике будет достаточно квалифицированных кадров, они предполагают иметь управляющим агронома.

Управляющий — своего рода технорук хозяйства — работает под руководством правления задруги. Семнадцать членов правления ежегодно переизбираются на общем собрании. В прошлом году председателем правления был Жива Коларский. В этом — избран тракторист-механик Станко Мильчев, а Жива попрежнему работает в поле, так же, как и тогда, когда он был председателем.

Станко Мильчева мы отыскали близ механической мастерской. Он с помощниками трудился над сооружением какого-то странного агрегата. Рядом стояли пять тракторов, приобретенных на кредиты кооперативного банка. Среди них был один колесный «Задругар» — первенец югославского тракторостроения.

— Строим «большую механизацию»,— улыбаясь, говорит председатель.— Вы слышали, наверное, некоторые теоретики пишут, что для нашего села нужно производить маленькие машины. А нам нужны большие машины!

Я действительно слышал о такой «теории», получившей осуждение на пленуме Центрального кооперативного союза Югославии, ибо авторы таких теорий видят перед собой лишь развитие частного, а не кооперативного земледелия.

Агрегат, который строили сельские механики, состоял из большой прямоугольной рамы на колесах. К одной его стороне на цепях прикреплены 4 маленьких конных культиватора. На другой стороне устроены сиденья. Четыре человека сидя будут управлять культиваторами.

Станко Мильчев повел меня показывать хозяйство. Задруга имеет 57 молочных коров. Недавно построены новый коровник, силосные ямы. Конюшня на 50 лошадей. Имеется свиноферма, телятник, 600 овец. Под большим навесом стояли 3 молотилки, локомобиль, десятки жнеек-самовязалок, сеялки.

Все это общественная собственность. При вступлении в

задругу крестьянин вносил только землю. А машины и скот куплены на отчисления от доходов кооператива.

В прошлом году кооператив намечал иметь доход около 30 миллионов динаров, а получил 45 миллионов (динар — около $^{1}/_{75}$ рубля). Увеличение дохода объясняется не только развитием производства, но и ростом сбытовых цен.

Часть дохода выплачена членам задруги за работу и земельную ренту (в Югославии крестьяне, вступив в члены кооператива, сохраняют частную собственность на землю). Часть пошла на погашение кредитов Народного банка и кооперативного союза. Более восьми миллионов динаров отчислено на общественное хозяйство и на амортизацию машин.

Государство предоставляет задруге существенные привилегии. За каждый гектар земли кооператив платит налог меньший, нежели частный хозяин. Ренту за используемую им государственную землю задруга оставляет у себя, с тем, однако, непременным условием, чтобы она пошла на общественные нужды или, выражаясь нашей колхозной терминологией, «в неделимый фонд» задруги.

В полях

Бригадир полеводческой бригады Стеван Траилов, высокий, улыбчивый, с кокетливыми черными усиками молодой парень, повез меня в поле. В задруге две бригады: полеводческая и животноводческая. Стеван расставляет людей, принимает и учитывает работу. Все сам, помощников и учетчиков у него нет.

Едва мы выехали в степь, как сразу забылось, что ты где-то далеко, на Балканах. Казалось, будто это то ли Одесщина, то ли Ставрополье: горячий воздух, напоенный медовыми ароматами поля, яркое солнце, синее небо, пение жаворонка. Но что-то еще, самое главное... Ну, конечно, нивы! Глазам уже примелькалась пестрая чересполосица индивидуальных наделов, которые делают степь похожей на лоскутное деревенское одеяло. А здесь большие массивы коллективных посевов. Широко разметнулись кооперативные поля пшеницы.

Стеван остановил лошадей, мы вошли в пшеницу, и она скрыла нас почти с головой. Пахучий степной ветер боролся с колосьями и, обессиленный, сдавался.

— Доброе уродилось жито,— говорит бригадир.— В частном секторе ни у кого такого жита нет. А вон там наша сахарная свекла.

За дорогой виднелись ровные грядки. Длинная шеренга женщин медленно двигалась по полю, размеренно взмахивая тяпками. До чего ж хорошо поют девчата в Долове! Звенит песня над степью, задушевная, мягкая,— заслушаешься. Пройдут поле насквозь, там бочка с холодной, колодезной водой, заботливо прикрытая рядном. Попьют, отдохнут минут пять — и снова за дело. А песня не утихает ни на отдыхе, ни на работе.

— Как относятся к работе? — переспросил Стеван.— Добре относятся. У нас такой порядок: сломал машину по своей вине — плати за ремонт. Другой какой ущерб сделал — возмещай убыток из своего кармана. Поэтому стараются, чтобы все было как следует.

Вот недавно приехал я на кукурузу. Смотрю, один ряд плохо прополот. «Чей ряд?» — спрашиваю. Все молчат и смотрят на Цвету Петрович. «Твой,— говорю,— переделай заново». Ух, как накинулась она на меня — жены у нас голосистые! «Командир нашелся, я на тебя управу найду!» Это она на своего мужа — члена правления задруги — намекала. «Не переделаешь,— говорю,— работу не принимаю, получишь за сегодняшний день ноль-ноль динаров». Она еще больше кричать. Но, смотрит, никто ее не поддерживает, а все очами упрекают. Утихла и переполола ряд. Люди понимают: один плохо сработал, а убыток всем. Ну, а если селяк совсем не хочет как следует трудиться в задруге, то мы его...— И Стеван изобразил рукой жест, которым выгоняют провинившихся.

— Состоял в задруге Ива Джурджев, по прозвищу Дипломат,— рассказывает Стеван.— Половину земли оставил себе, а половину внес в задругу, чтоб меньший налог платить и участок иметь ближе к селу. На работу приходил только тогда, когда плата за нее была высокая.

Управляющий кооперативом общего типа Милевой Павлов.

А остальное время торговал да на своем поле копался. Задругарцы поставили о нем вопрос на общем собрании, вывели на чистую воду и исключили из кооператива. А он еще нахально смеялся и говорил: «Я теперь купил пару добрых коней, новое коло, сам могу хозяйствовать».

Тьфу, спекулянт чертов! — закончил рассказ Стеван и сердито сплюнул в мягкую пыль дороги.

...На большом кукурузном поле работали человек двадцать. Я попросил управляющего остановить лошадей, чтоб поговорить с людьми и сделать фотоснимки.

— Их не надо фотографировать. Они не члены задруги.

— Эта кукуруза кооператива?

— Да. Но люди эти — сезонные рабочие.

В горячую пору полевых работ кооперативу не хватает рабочих рук. Тогда нанимают работников из числа безземельных и пришлых крестьян. Они получают оплату поденно. Разумеется, большинство их хотело бы вступить в задругу, но их пока не принимают. Впрочем, одного все-таки приняли.

Бригадир полеводческой бригады Стеван Траилов.

Мы приехали на сенокос, где задругарцы дружно метали в стога великолепное, душистое сено. Среди них выделялся уже немолодой человек, с ясно обозначавшейся лысиной на курчавой голове. Он трудился с таким упоением, что было неудобно отвлекать его расспросами. Но вскоре косари расположились на полдник, развернув каждый свой узелок с грубой, но здоровой крестьянской снедью. Тут мы и разговорились.

Слободан — так звали заинтересовавшего нас косаря — жил раньше в горном районе Старой Сербии. Пахотной земли в тех местах совсем мало. Он продал там свою хату и купил домишко в Долове. Денег на покупку земли не было, и Слободан с женой нанялся в задругу. Работник он был отменный: где только видел в хозяйстве непорядок, немедленно вмешивался, помогал, советовал.

— Что ты хлопочешь, Слободан? — говорили ему.— Ты не член задруги, какое тебе дело? Это наша задруга!

Но Слободан уже несколько раз приходил в правление с одним вопросом:

— Почему я не могу стать членом задруги?

Наконец ему сказали:

— Подожди год. Пусть все увидят, какой ты работник.

В январе он подал заявление. Было собрание.

— Что вы думаете о Слободане? — спросил председатель у задругарцев.

Грешно было не принять такого золотого работника. Голосов «против» не было...

Быстро закончив полдник, Слободан заторопил товарищей. Молодой вихрастый парень, завязывая в узелок оставшуюся пищу, спросил:

— Слушай, Слободан. А если б у тебя были деньги, ты б купил землю и сам хозяйствовал?

— Землю купил бы немедленно. Но и в задругу вступил бы обязательно.

Кооператив общего типа

Мирослав Павлович поплевал на пальцы и два раза пересчитал выданные кассиром деньги. После долгих раздумий он законтрактовал в кооперативе свою пшеницу, которая еще колосится в поле, и получил аванс. В этом году многие селяне, главным образом те, кто ощущает особую нужду в деньгах, контрактуют посевы. Получив аванс, они обязаны продать урожай по установленной цене. Мужики покрепче — каждый себе на уме! — не торопятся. Они охотно продают через кооператив молоко, яйца, шерсть. Но хлеб предпочитают реализовать сами.

Контора кооператива общего типа имени Светозара Марковича находится на главной сельской улице, между старой церковью и недостроенным Кооперативным домом. Дом этот стали строить несколько лет назад, возвели стены. Но завершить работу не хватило средств. Так пока и стоит он, большой, с уже обозначившимися красивыми формами, но еще без крыши и окон.

У конторы всегда толкутся доловские мужики, члены и не члены кооператива. Один приехал за удобрениями, другой — просить машину, третий — просто узнать

Слободан, новый член задруги.

новости. Кооператив имени Светозара Марковича в отличие от трудовой задруги — снабженческо-сбытовая организация крестьян.

Управляющий кооперативом Милевой Павлов родился и вырос в Долове. Здесь он знает всех, и все его знают. Когда немецкие фашисты оккупировали Югославию, солдат Павлов оказался в плену. Затем вместе с группой советских военнопленных бежал из лагеря, из Западной Германии пробрался в Швейцарию. В лагере интернированных было несколько югославских коммунистов, которые организовали ячейку. Там, на чужбине, Павлов вступил в партию.

В Долово он возвратился, когда страна уже была освобождена от оккупантов. Здесь в 1947 году он был одним из организаторов первого кооператива. Сейчас он авторитетный в селе человек, депутат Союзной Народной Скупщины — высшего органа государственной власти в стране.

— Главная задача нашего кооператива,— сказал мне Милевой Павлов,— поднять уровень сельскохозяйственного производства. Вы ведь знаете, в югославской деревне он еще не высок. Развитие сельского хозяйства в нашей стране едва достигло довоенного уровня, а население городов сильно выросло.

Помимо снабженческих функций, кооператив оказывает крестьянам различные услуги: предоставляет машины, сортовые семена, улучшает породность скота и т. д. Этими услугами пользуются иногда и крестьяне — не члены кооператива, но во вторую очередь и за несколько более высокую плату.

За последние три года число членов этого земледельческого кооператива увеличилось почти в четыре раза, хотя он и объединяет пока лишь пятую часть доловских индивидуальных хозяйств.

Доловские девушки в поле.

«Малое министерство»

Есть в Долове старый-престарый берест. Меня серьезно уверяли, что он здесь рос, когда еще и села не было, и что с этого места Долово стало строиться. Рядом стоит дом Чешка Бишича. На крыше важничают журавли, а под деревом и на завалинке истари, по традиции, собираются по вечерам и праздникам мужчины потолковать о делах. Здесь, на колоде, восседают главным образом солидные, зажиточные селяки. Обсуждаются всевозможные проблемы, новости и политические события. Поэтому место под берестом издавна прозвали «малым министерством». Однажды и я пришел в «малое министерство» послушать, о чем толкуют люди.

«Глиша» — Станко Стокич.

Недавно здесь установили на столбе репродуктор. Одно сообщение, услышанное по радио, и было предметом обсуждения двух хорошо одетых крестьян. Они спорили, можно ли теперь будет «самостоятельному хозяину» купить трактор. В югославской печати были опубликованы сведения, согласно которым за прошлый год в Воеводине у кооперативов общего типа было около трехсот тракторов, а в частных руках — более восьмисот. Радио передавало статью, в которой в связи с этим критиковалась деятельность торговых предприятий и Народного банка.

Состав «министерства» все время менялся. Придет человек, послушает, скажет свое слово, пойдет дальше. Пришел 68-летний дед Милан Влашки — известный на селе тем, что пережил шестерых жен. Часть своей земли он продал крестьянину, приехавшему из горного края, остальную сдает в аренду. Кому?

— Да тут одному человеку.

— А разве это секрет?

Старик в ответ лукаво улыбается. После мне пояснили, что закон запрещает одному крестьянину владеть более чем десятью гектарами земли. Но бывает, что зажиточные хозяева тайно, в обход закона, арендуют и больше,— поэтому и огласки в этом деле не любят...

Присели под берестом сразу трое Главоничей — Добра, Сербисла и Душан. Появился Станко Стокич, прозванный за красноречие «Глиша»; был такой адвокат Глиша, знаменитый в округе оратор. Стокич был тут единственный член кооператива общего типа. Раньше он был безземельным и получил десять ютро (ютро — 0,57 га) по аграрной реформе. Недавно еще прикупил два гектара земли. «Глиша выбивается в люди»,— говорят про него на селе.

Зашел разговор об урожае, и Глиша заметил, что в этом году в обоих трудовых задругах хорошие кукуруза и жито. Человек в черной паре и котелке вспылил:

Миша Пешич.

— Да где это вы видели в задруге жито? Это не жито, а слезы!

— Ну это ты зря, Светозар,— сказал Добра Главонич.— Дай бог нам каждому такое жито.

Человек в котелке сердито махнул рукой и ушел. Кто-то сказал, глядя ему вслед:

— Когда у человека по реформе отобрали сорок гектаров земли, так на ней хоть райский сад вырасти,— он все равно будет твердить: слезы.

Кооператив завоевывает доверие

Воскресный день клонился к вечеру. По-праздничному одетые девчата стайками тянулись к главной улице на гуляние. В этом году в маршрут их прогулок включен и молодой садик, посаженный на пустыре за церковью членами местной молодежной организации. Пожилые, степенные мужики небольшими группами сидели на скамеечках перед хатами.

Мы шли по улице с сотрудником управления кооператива общего типа Душаном Богдановым и отвечали на многочисленные приветствия. Душан ведает в кооперативе контрактацией посевов.

Нас догнал пожилой крестьянин с пустым ведром в руке. Ожесточенно жестикулируя, он стал говорить моему спутнику, что у него на сахарной свекле завелась вошь. Паразит грозит серьезно попортить растения.

— Когда же задруга будет опрыскивать свеклу? — спрашивал Миша Пешич.

Богданов ответил, что в первую очередь химикатами опрыскиваются поля членов кооператива. А Миша Пешич не член задруги. Его свекла будет обработана, но во вторую очередь.

Я спросил у Пешича, почему он не вступает в кооператив.

— Там надо платить вступительный взнос, а у меня нету лишних денег,— ответил он.

Вступительный взнос невелик — 1 200 динаров. Но, вступая в кооператив, крестьянин берет на себя ответственность за его деятельность, в том числе и материальную. Он подписывает гарантию, в десять раз превышающую вступительный взнос, на случай финансового краха объединения. Вот это порой и смущает некоторых хозяев.

— Пока большинство селяков еще не в задруге,— говорит он.— Селяк — человек консервативный, ко всякой новизне он относится осторожно. Но кооператив постепенно завоевывает его доверие. Вот вчера к нам еще два заявления поступило...

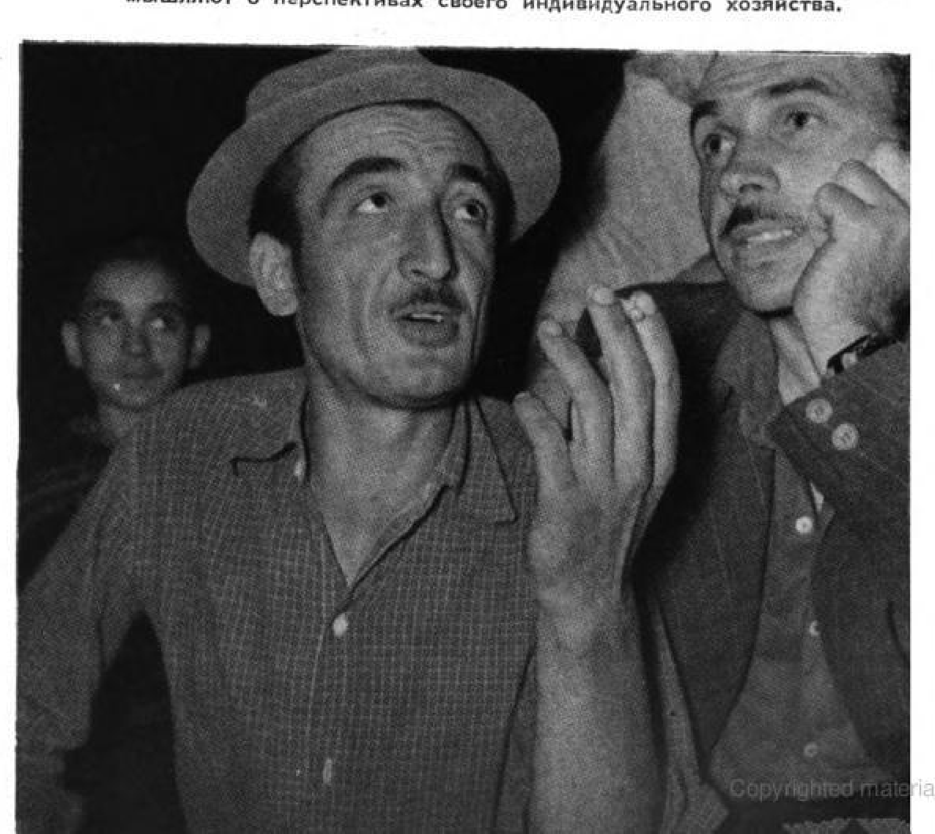
Поля Воеводины.

Фото Н. ДРАЧИНСКОГО.

Зора Пиркова работает в полеводческой бригаде трудовой задруги.

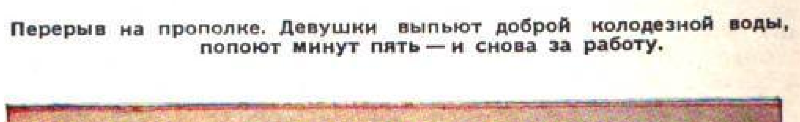

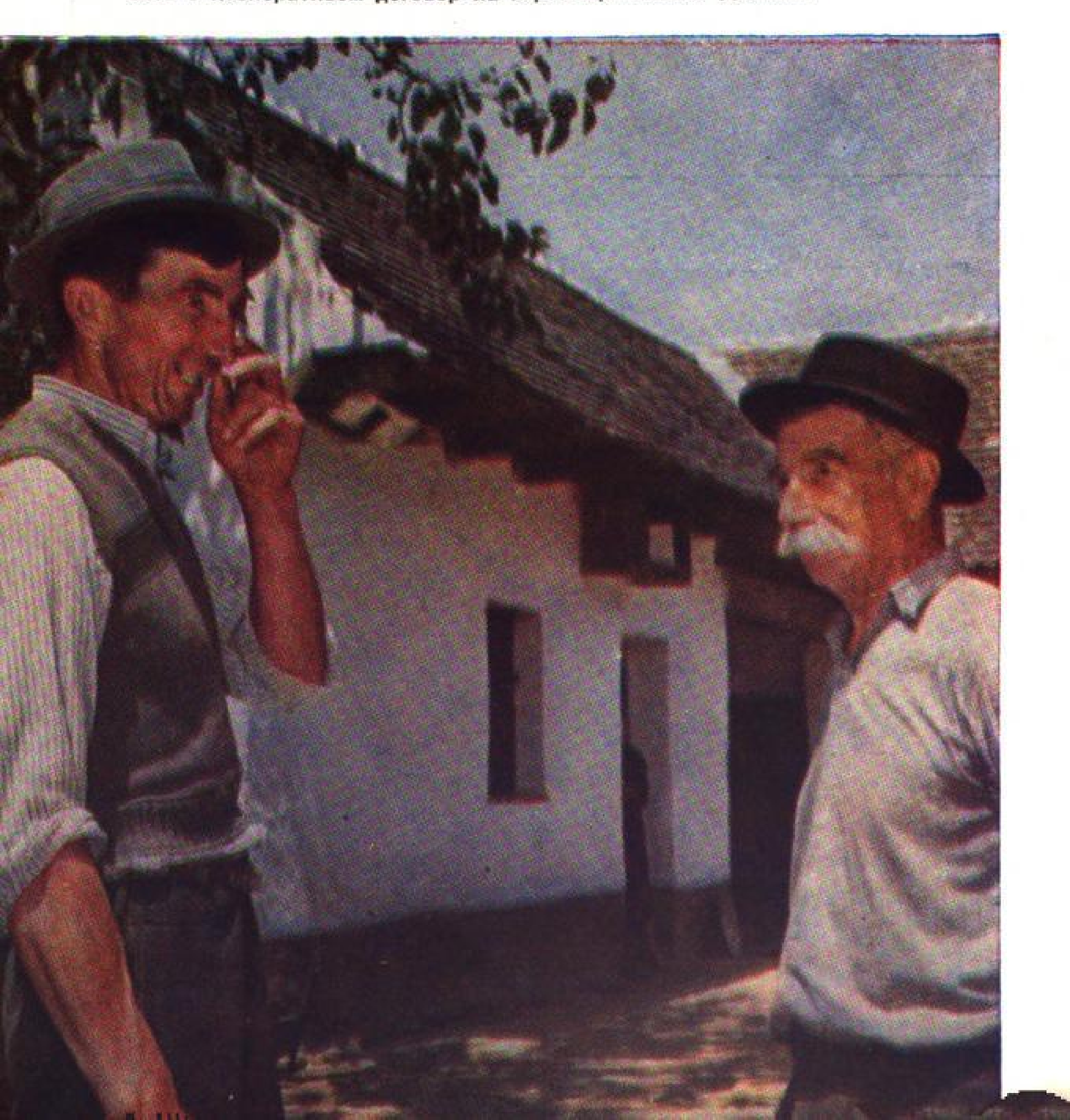
Катуца Разуменко — один из доловских крестьян, которые сейчас много размышляют о перспективах своего индивидуального хозяйства.

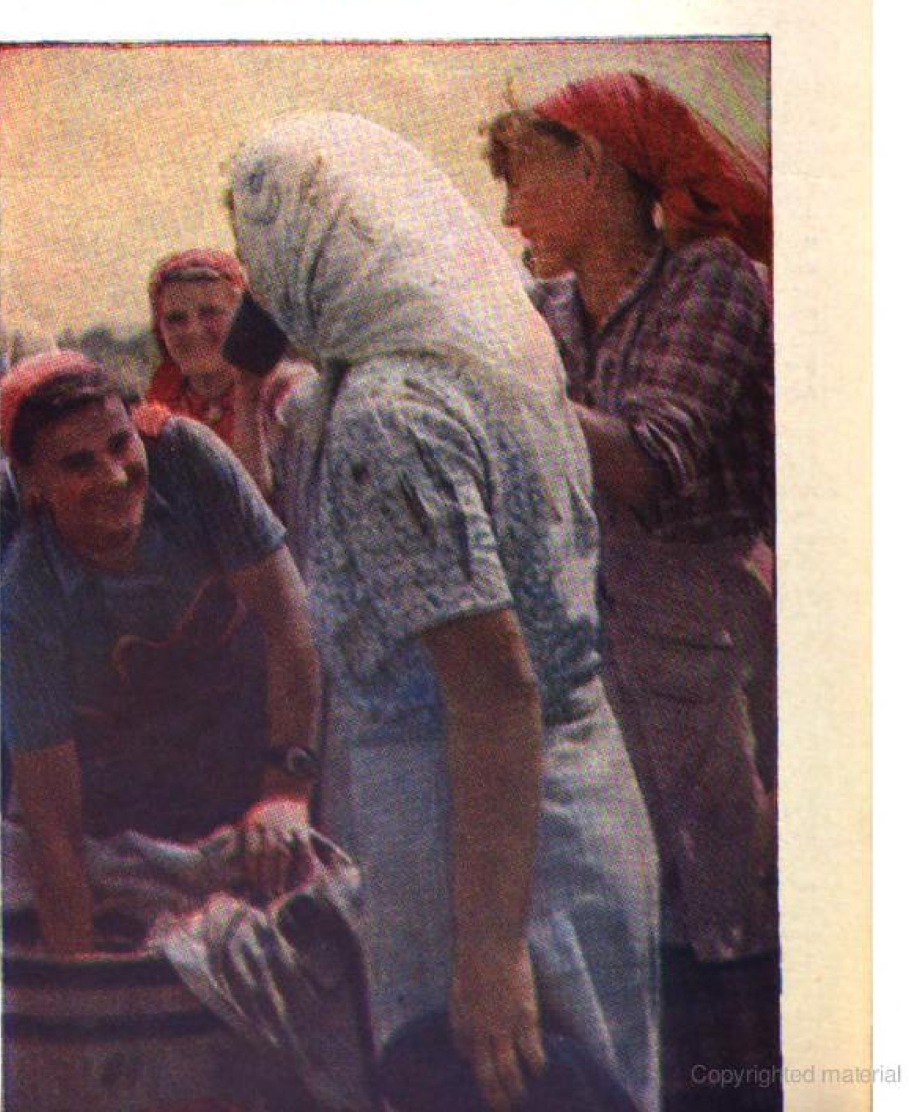

Полдник на коллективном сенокосе.

Во дворе Миле Пешича. Миле и его отец обсуждают: не пора ли и им заключить с кооперативом договор на гарантированный урожай?

Перерыв на прополке. Девушки выпьют доброй колодезной воды, попоют минут пять — и снова за работу.

СВЕТЛЕЕ СОЛНЦА

Рассказ

Вера СПИРИДОНОВА

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

1

В деревне Дубны под Малтой живет мой приятель Кирсан Коляда. Когда я бываю в тех краях, то обычно останавливаюсь у него. Дом у Кирсана просторный, каменный, что редко встретишь в Латгалии. Крыт он, как большинство местных хуторов, соломой, которая давно уже потемнела, слежалась и поросла мхом. Зато над коньком красуется деревянный петух с отгнившим от времени, будто выщипанным в драке хвостом, а полинявшие наличники над окнами, несмотря на ветхость, сохранили затейливые резные узоры.

Да и сам хозяин немало занимал меня. С виду он неказист, жидковат в кости, с острыми, подвижными плечами. Лицо красноватое, с реденькой клинышком бородкой и тяжелыми приспущенными веками. Левый глаз у Кирсана слегка косит, будто подмаргивает. Рыжеватые с проседью волосы сбились на лбу в хохолок, придававший хозяину задиристый, петушиный вид. Что же касается характера Кирсана, то при первом же нашем знакомстве он так обрисовал себя:

— Мне что в голову взбрело, колом оттуда не вышибешь. Надорвусь, да упрусь. Из-за этого самого упорства я и на Авдотье своей женился...

Мы сидели на согретых солнцем щербатых ступеньках крыльца. Близился вечер. Сладко пахло липовым цветом, скошенной желтой ромашкой, мелкими валками разбросанной по двору. Мимо нас с тонким свистом хлопотливо проносились ласточки, почти касаясь крылом земли. Посматривая на них, Кирсан задумчиво продолжал:

— Авдотья по тому времени, надо сказать, недосягаема для меня была. У отца хутор имелся, выходит, хозяйская дочь. Но не подумай, за богачеством не гнался. Нет, на чужое добро не зарился, этого за мной не водилось. Так, полагаю, блажь ударила в голову, не иначе. Снарядился свататься. А авдотьин отец и принялся меня совестить: «Ты, что, Кирсанка, в своем уме? У тебя три кола вбито да небом покрыто, а я человек состоятельный. Как же я за тебя, голодранца, дочь отдам?» Так разве я со своим характером отступлюся? Уговором девку взял. В чем была, в том со двора и ушла.

— Дура была, вот и ушла! — буркнула под нос Авдотья.

Она сидела тут же на крыльце и надвязывала мужу носок. Это была складная, еще моложавая женщина с волнистыми черными волосами, небрежно заколотыми на затылке гребенкой. Одета она была в старенькую короткую юбку и цветастую ситцевую кофту, перехваченную у пояса полосатым передником. Не в пример словоохотливому мужу Авдотья была молчалива, но зато уж если скажет слово, как ножом отрежет. Мне казалось, что Кирсан побаивался ее острого языка и хотя наружно перед ней хорохорился, но иной раз посматривал на жену с опаской.

Авдотья только что пришла с огорода, откуда принесла целое решето мелких пупырчатых огурцов. Равнодушно, не поворачивая головы, словно ее и не касалось, она слушала разглагольствования мужа и то шугала кур, которые взлетали на решето, намереваясь поклевать огурцы, то почесывала спицей за ухом и громко позевывала.

— А характер свой, я так полагаю, от родителя в наследство получил, — продолжал Кирсан. — Я хоть и самый меньшой был в семье, а весь в отца удался. В корешок отросточек пошел! — хвастливо добавил он.

Подергивая острыми плечами, Кирсан проворно сбежал с крыльца и критическим взглядом оглядел свое жилище.

— Посмотришь со стороны, дом как дом, никаких узоров на нем не написано. А спроси, как он построен? Почему на этом месте стоит? Из-за одного упрямства отцовского...

Я попросила Кирсана растолковать его мысль, и он, снова взобравшись на крыльцо, с видимой охотой продолжал:

— История тут незатейливая. Отец мой, надо сказать, всю жизнь с нуждой да горем не расставался. В деревне с большой семьей одной полоской не разживешься, так он по Курляндии ходил, дома богатеям ставил. Вот раз возьми и рассердись родитель-то мой. «Что это, — говорит, — за жизнь растреклятая? Людям хоромины строю, а у самого ни угла, ни притулья. Да где же справедливость-то? Куда она подевалася?» И взяла думка отца: «Жив не буду, а дом себе поставлю!» В те времена у нас на полях камней этих было, как поганок в лесу. Отец и приглядел их. Как с заработков вернется, где бы отдохнуть, а он навезет камни на межу да понемножку и обтесывает. Так годиков с десяток дело и шло. Да столько же, если не больше, дом строил. Стариком уж новоселье справлял.

Кирсан задумчиво оглядел травянистый двор, старые ветлы у колодца, возле которого плескались две серые утки. Видимо, он весь ушел в прошлое, в свои воспоминания. Но вдруг снова вскинул плечами и торопливо заговорил:

— Только немного обжились, вышла тут оказия. Пришел на деревню приказ: переселяться всем на хутора. Кто ослушается, у того землю станут отрезать, а тем, кто переселится, обещали надел прибавить. Народ в голос завыл: шутка ли, хозяйство ворошить, с места подниматься! А что поделаешь, от начальства приказ! Тут родитель мой и показал свой характер. «Зачем я буду родное гнездо зорить? Сколько лет по камешку его собирал». Ему грозят: «Ополовинят у тебя землю». Старик только рукой махнул: «Пускай берут, все одно мне с топором да рубанком по людям ходить. Не мать мне, видно, земля, а мачеха». Так и не тронулся с места, сколько ни пугали. Вот и получилось, что от всей Дубны один наш дом разъединственный и остался.

Словно в доказательство, Кирсан широким жестом показал на прилегавшие к хутору поля. Почти к самым пряслам двора подступали овсы, местами уже начавшие желтеть. Время начисто стерло следы вконец разоренной столыпинской реформой латгальской деревни. Только кое-где, словно древние стражи, стояли среди хлебов забытые ветлы, оставленные переселенцами...

В разгар нашей беседы на дороге, ведущей к хутору, показался велосипедист. Кирсан еще издали заприметил его и беспокойно забегал глазами, словно присматривая, куда бы улизнуть.

— Бригадира черт несет! — недовольно пробормотал он.

При этих словах Авдотья быстро поднялась и, подобрав рукоделье в фартук, шмыгнула в избу.

— Здорово, Никита, куда гонишь? — первым поздоровался Кирсан.

— К тебе, куда больше? — хмуро отозвался приехавший, прислоняя запыленный велосипед к крыльцу. Был он небрит, черен от солнца, под глазами, должно быть, от недосыпания, темнели круги. Старенький, кургузый пиджачишко, порванный на локтях, был усыпан на плечах мелкой кострикой. Не глядя на хозяина, Никита порылся в полевой сумке и, стараясь быть кратким, сказал: — Завтра с утра выходи на молотьбу.

— На молотьбу? — удивленно переспросил Кирсан. — Как это на молотьбу, когда я по плотничьей части?

— По плотничьей сейчас нет работы, не хуже моего знаешь.

— А почему не строите? Опять телят на зиму некуда будет ставить. Разве это дело?

— Дело, да не наше с тобой.

— Как так не наше? — строптиво ответил Кирсан. — Мы кто, не хозяева?

— Об этом начальству докладывай, не мне, — отрезал Никита, доставая из кармана кисет.

— И скажу, мне не впервой.

Никите, видать, не в диковинку были эти разговоры. Он смотрел на них, как на уловку Кирсана уклониться от главной темы. Поэтому, не вдаваясь в спор, снова повторил:

— Ты мне зубы не заговаривай! Завтра к семи утра в третью бригаду.

— От работы не отказываюсь, только надо по справедливости, — обиженно заметил Кирсан. — Скажи, есть у меня специальность? Плотник и столяр. Так чего же вы меня то навоз возить, то на молотьбу гоняете? Раз душа к этому делу не лежит, не приневоливайте.

— Так ведь народу не хватает, одни бабы. Надо же помочь.

— Помочь — другое дело, с моим великим удовольствием, — неожиданно переменил тон Кирсан. — С этого бы и начинал. А что силком, то не согласен.

— Норовистый ты мужик! — с укоризной сказал Никита. — Каждый раз надо с подходцем.

— А ты как думал? — хитровато подморгнул Кирсан. — Я ведь тоже живой человек.

— Хозяйка твоя где?

— Вот ее припеки, — ухмыльнулся Кирсан. — Сейчас здесь сидела, мух ртом ловила. Гляди, в избу уметнулась.

В эту минуту Авдотья вышла из избы, придерживая под фартуком бутылку водки. Она поставила ее на ступеньку крыльца, достала из кармана тусклый граненый стаканчик и пододвинула ногой решето с огурцами. Никита переглянулся с Кирсаном и смягченно улыбнулся.

— Ну-ка, дерни с устатку! — разыгрывая роль радушного хозяина, угощал Кирсан, наливая до краев стаканчик. — За день-то, поди, умаешься — в ногах гудит.

— С вами загудит. Каждого упрашивай да уговаривай.

— Такая твоя собачья должность: хочешь не хочешь, а гавкай, — сочувственно поддержал Кирсан. — Доведись до меня, ни за какие бы деньги не сманили.

— Надо же кому-то, — выбирая из решета огурец и обтирая его ладонью, вяло оправдывался Никита.

— Это точно, кому-то надо в лямку впрячься.

он. — Согласно полученной установке, мы должны форсировать молотьбу и хлебопоставки. Какая же, следовательно, стоит перед нами первоочередная задача? Немедленно ликвидировать все наши отставания. У кого есть какие вопросы?

Бригадиры молча смотрели себе под ноги. Никита, сморенный усталостью и вином, беззастенчиво посапывал носом, прислонившись к оконному косяку. Да и другие, чувствуя, что встреча с председателем грозит быть затяжной, устраивались поудобнее, чтобы в случае чего можно было минутку подремать. Только дед Клим, сидевший впереди, на виду у Гостинцева, бодрствовал и, моргая слипавшимися глазами, честно силился что-либо понять.

— Тогда я буду вызывать персонально, — помолчав, продолжал председатель.— У тебя, Клим, есть вопросы?

— У меня насчет кузнеца. Жатки задерживает.

— Почему не сигнализировал своевременно?

— Сколько раз твердил. И вам докладывал. Все без внимания.

— В мой адрес критика неосновательна. Я мог забыть...

В это время на крыльце послышался шум, глухая возня, и в рамке распахнутой двери показался Кирсан. Лицо его раскраснелось, рыжеватый хохолок на лбу воинственно взбит. Из-за плеча выглядывал кузнец. На его круглом закопченном лице блуждала глупая ухмылка. Он подталкивал Кирсана вперед и хитровато подмигивал бригадирам: смотрите, мол, кого я вам привел. Мне показалось, что он не так уж пьян, а больше куражится для вида.

Стараясь не встречаться взглядом с женой, он потянулся к бутылке и тоже налил себе. Авдотья покосилась на него, но смолчала.

Когда Никита уехал, Кирсан мрачно сплюнул под ноги и, не обращаясь ни к кому, с досадой сказал:

— Гонять — это они умеют! А спроси, из-за чего спину ломать? С лета посулов много, а как осень придет, получать нечего. Был позапрошлый год у нас председатель Петр Иванович, обещал дать на трудодень килограмм. Осень подошла — хлеб под снег ушел, а председателя учиться направили. С кого спрашивать? Теперь нам Гостинцева Павла Семеновича райком рекомендовал. Птица важная, заместителя председателя райисполкома должность справлял. Одна беда: мимо бутылки не любит пройти.

— На себя бы лучше взглянул! — сердито оборвала его Авдотья, убирая пустую посуду. — Пить да глотку драть, на это тебя взять.

— Мое дело другое, — миролюбиво ответил Кирсан. — В начальники меня не ставили, с меня не взыщется.

Он поднялся и, как был в одной рубахе и без картуза, пошел тропинкой через овсы. Авдотья сумрачно посмотрела ему вслед.

— К дружку отправился, к кузнецу. Теперь закуролесят...

Авдотья словно в воду смотрела. Часа через полтора я оказалась свидетельницей любопытной сцены, где главным действующим лицом был Кирсан Коляда. Действие происходило в кабинете председателя колхоза. Гостинцев сидел за столом обрюзгший, с набрякшими мешками под глазами и, медленно ворочая головой на короткой шее, спокойно и уверенно, с видом знающего себе цену руководителя оглядывал бригадиров.

— Что мы, товарищи, имеем на сегодняшний день? — сипловатым голосом спрашивал

Гостинцев, насупившись, уставился на непрошенных гостей.

— Ну что там такое? Закройте дверь и прекратите безобразие! — строго крикнул он, нервно перебирая бумаги.

— А безобразия никакого и нет, все чинно и благородно, — насмешливо ответил Кирсан и смело перемахнул порог кабинета. — Ты лучше, Павел Семеныч, вот что мне скажи: почему сам под крышей живешь, а скотину на зиму без помещения оставляешь? Положим, человек ты здесь временный, вроде как бы гостя, а нам ведь жить да жить. Вот душа-то и болит.

— У нас сейчас другие вопросы на повестке дня, — не глядя на Кирсана, сухо ответил Гостинцев. — Давай освободи помещение, а завтра будем иметь с тобой персональный разговор.

— Уйти я завсегда могу, — с готовностью согласился Кирсан. — Но ты подумай одно: хороший хозяин с лета шубу припасает.

— Выведите наконец его! — теряя терпение, крикнул председатель и, заметив высунувшегося на шум из соседней комнаты счетовода, приказал: — Петрович, штрафани-ка его трудоднем на пяток.

— Не положено! — упрямо замотал головой Кирсан. — За критику штрафовать не положено. Нет таких законов. Ты ее выслушай и вникни в суть...

Бригадиры оживились, пересмеивались между собой, с нескрываемым удовольствием наблюдая разыгравшуюся сцену. Даже Никита, и тот ухмылялся спросонья, хотя и не все понимал. Один Клим осуждающе косился на Кирсана и, наконец не выдержав, с укором сказал:

— Бедовый ты, Кирсанка, мужик. Как есть горлопан. Откуда у тебя и слова такие берутся?

Но Кирсан даже не взглянул в его сторону. Он вплотную подошел к столу председателя и небрежным жестом положил растопыренную ладонь на разложенные бумаги.

— В бумагах ты силен, тут тебя не перескачешь, — усмехнулся он. — А ты бы, чем ими обкладываться, в душу мне заглянул, полюбопытствовал, как живу, чем дышу. С большой-то дороги не грех и в сторону иной раз свернуть, с народом посоветоваться...

Кирсану не суждено было закончить свою речь. В комнату неожиданно ворвалась запыхавшаяся Авдотья. Она молча оттеснила в сторону кузнеца и, подталкивая мужа в спину, выпроводила его из кабинета.

Утром Кирсан, как ни в чем не бывало, ушел на молотьбу. Я уехала по делам в соседний колхоз и пробыла там несколько дней. Когда же снова вернулась в Дубны, то нашла Кирсана на его излюбленном месте, на крыльце, с забинтованной головой. На мой вопрос, что с ним такое, он мрачно ответил:

— Ты спроси, как живой остался? Как на тот свет подлецы не отправили?

— Да что случилось?

Кирсан поправил повязку и поморщился от боли.

— Есть у нас ухари! Хозяина настоящего в колхозе нет, так они тащат, кому что приглянется. Иду на днях с молотьбы через лесок. Вижу: впереди воз едет, хлеб с токов в амбары перевозят. Один мешок будто ненароком и свались с воза. Только я хотел возчика окликнуть, гляжу, а мешка на дороге нет. Подхожу к тому месту, а он в канавке лежит и сверху травой прикрыт. Мне бы смолчать — видал не видал, не мое дело. Да разве это в моем характере! Побежал в правление, доложил: так, мол, и так, в лесу, в канаве, мешок с зерном лежит. Вызвали возчиков, пошли в лес. А там и следа от мешка не осталось. Возчики на меня: «Ты, рыжий черт, спроворил с воза мешок да на других грешишь!». А вечор задержался на молотьбе, темненько уж стало. Иду мимо ветряка, там кусты у нас. Как кто-то выскочит из-за ветел и звезданул меня палкой по затылку. До сих пор в голове трезвон стоит.

— За твой язык, — язвительно заметила Авдотья.

— За него, — охотно согласился Кирсан. — И скажи, из-за этого своего языка страдаю не первый раз. Один раз красного петуха пустили, хорошо, что дом каменный, одни сенки занялись. И все за правду, за справедливость эту.

— Укоротил бы немного язык, лучше бы дело-то пошло, — не унималась Авдотья.

— Укоротить-то недолго, — задумчиво ответил Кирсан, — да ведь надо же кому-то и правду говорить. А я своим умом так думаю: пускай хоть жгут, хоть бьют, хоть штрафуют, что хотят делают, а характер свой не переменю. Стоял и буду за правду стоять! Она ведь, правда-то, светлее ясного солнышка. Ее, как ни прячь, не утаишь!

2

Больше двух лет я не была в Дубнах, и вот я вновь встретилась с Кирсаном. День выдался ненастный. Дождь зарядил с утра и был такой назойливый, такой мелкий, точно там, наверху, кто-то терпеливо просеивал его через мелкое сито. Я не узнала Дубны. По обе стороны кирсанова хутора, как грибы после дождя, выросли новые дома под шиферными и черепичными крышами. И в этот воскресный непогожий день на улице было шумно, оживленно. По грязной, разъезженной дороге медленно двигались подводы, груженные бревнами, с прилипшими к ним мочками мха, оконными рамами, дверными косяками. От взмокших лошадей валил пар. С конца улицы, где ставили избу, доносились приглушенные крики: «Раз, два, взяли!»

— Хутора перевозят, опять в Дубны народ перебирается, — с радостным вздохом встре-

тила меня Авдотья. — Хоть на людях поживем.

Хозяина дома не было. Он вернулся только к обеду, когда шум на улице стал постепенно стихать. Кирсан снял вымазанные глиной сапоги, сбросил на скамейку отсыревший ватник и в одних шерстяных носках прошел к окну.

— Видала орла-то нашего? — поздоровавшись, спросил он и кивнул головой в сторону улицы.

— Какого орла?

— А председателя, Ивана Матвеевича. Вон погляди, полюбуйся.

У обочины дороги, рядом с забуксовавшим грузовиком, стоял человек в полинявшем, военного покроя плаще, который от сырости коробился на спине. Внешне новый председатель был ничем не приметный: узкий в плечах, с белыми пятнами бровей на загорелом, обветренном лице и светлыми, закрученными на кончиках усами, придававшими ему простоватый вид.

— Он больше похож на мокрого петуха, чем на орла, — чтобы подзадорить хозяина, сказала я.

Кирсан с сожалением посмотрел на меня и покачал головой, словно хотел сказать: «Эх ты, неразумная, а еще в газеты пишешь!»

— С виду он, верно, щупловатый, — вынужден был согласиться Кирсан. — Зато по делам, по размаху — орел. Ты доярку описывать приехала, а скажи, кто ее к этой точке привел? А то вот взгляни на меня и скажи, кто я есть?

За время знакомства с Кирсаном я привыкла к его чудачествам. Но на этот раз нелепый вопрос поставил меня в тупик. «Уж не выпил ли он стаканчик?» — зная о его слабости, невольно подумала я. Но Кирсан угадал мою мысль.

— Ты думаешь, я выпимши? — с укором спросил он. — Не употребляю. Раньше, верно, не скрою, грешил. А теперь звание не позволяет. Ты шутишь: в ревизионную комиссию меня избрали! — Он подозрительно покосился на меня и, видимо, решив, что ему не поверили, обиделся. — Вот так и другие думают, что зря, понапрасну на это дело меня поставили. Кто такой был Кирсан? Первый крикун и горлопан. А спроси, почему я кричал? Порядка требовал.

— Мало тебя, дурака, били за эти порядки. А теперь и вовсе башку отвернут! — с сердцем сказала Авдотья и вышла из избы, громко хлопнув дверью.

Кирсан усмехнулся и подмигнул мне косившим глазом.

— Видала, баба-то какая у меня? Языкаста! Теперь и ее угомонил, по струне ходит.

— Каким же это образом? — не поверила я, зная, что Авдотья не давала спуску мужу.

— Тут надо сказку начинать с самого начала, — усаживаясь рядом на скамье, оживленно начал Кирсан. — Я ведь, грешным делом, первый против Ивана Матвеевича руку поднял. А все почему? Из веры у нас вышли эти председатели. Что ни изберем, то пьяница, то бездельник. Никак не нападем на настоящего! А тут, слышим, после Гостинцева посылают нам нового, тридцатитысячника. Собрались мы в правлении, сидим, ждем: какого на этот раз выведут? Смотрим, выходит к столу щупленький такой, из себя не представительный, да еще с усиками. Мы с дружком Савелием Пятаковым посмеялись между собой. Всяких, говорим, у нас перебывало, а вот чтобы с усами, не припомним. Ну начинает этот, с усами, рассказывать про себя: кто он да откуда. Молодым, говорит, был, Комсомольск-на-Амуре строил, во время войны батальоном командовал. После в Риге директором завода работал. А вот теперь партия в деревню направила хозяйство поднимать...

Я по своему характеру не стерпел и кричу: «Эти запевки мы и от других слыхали. Знаем, что не по своей охоте приехал. Хвост, должно быть, замаран, вот и послали. К нашему берегу не привалит хорошее дерево». А дружок-кузнец другое кричит: «Ты в сельском хозяйстве чего кумекаешь?» Усатый только головой трясет: «Как есть ничего, но с вашей помощью научусь». Меня тут совсем разобрало. «Зачем, — говорю, — ты нам нужен такой? Неуча и в попы не ставят. Здесь науки проходить некогда, здесь работать надо». Кузнец, дружок мой, опять насмешки строит: «Ты нам лучше скажи, с какой стороны подходить к лошади, когда на нее хомут надевают?» За нами, смотрим, и другие поднялись. Спор начался: как оплачивать председателя, если его изберем? На трудодень-то опять ничего не пришлось, выходит, надо ставить на оклад. А где деньги взять? Бабы крик подняли: кто-то, дескать, спину будет гнуть, а кто-то денежки получать!

Смотрю, приезжий потемнел весь в лице. И другие, видать, приметили, потому что тихо вдруг стало. Поднялся он и говорит: «Тяжело мне вас слушать, так тяжело, что взял бы сейчас и уехал. Но не могу я этого сделать, на обман партии не пойду. Пока давайте договоримся так: три месяца буду работать бесплатно. Справлюсь с делами — положите оклад, не подойду — распрощаемся». Тем и купил мужиков. Раз бесплатно, не жалко, работай. А может, думают, и выйдет толк; исподволь и сырые дрова разгораются.

Кирсан поднялся, напился из ведра воды и, вытирая рот тыльной стороной руки, снова уселся на свое место.

— Прошло так дней с пяток. Гляжу, ранень-ко поутру заявляется ко мне новый председатель. «Зашел, — говорит, — вас проведать». «Ну, что ж, — отвечаю, — это неплохо». «Как живете?» А я ему загадками: «Живем пыльно, курим дымно, окурки есть, а выкурки нет. Так и перемогаемся». «И давно перемогаетесь?» «Да вот как председатели начали меняться. Без хозяина и дом сирота». Он и говорит мне: «На днях мы с долгами будем рассчитываться. У вас много трудодней?» «Не знаю, — говорю, — не упомню». Достает он из кармана книжечку и показывает: «Не так-то их трудно запомнить, за последний год больше ста не наберется. Вот весь ваш и капитал». А сам посмеивается.

— И гляди, через недельку всю задолженность покрыл. Ссуду раздобыл. Народ сразу ожил. Мы с Авдотьей, конечно, не обрыбились, а другие получили подходяще. Жена корить начала: «Работал бы, как все, свой упрямый характер не показывал, были бы теперь и с деньгами и с хлебом». «Ты тоже, — говорю, — не надсадилась. Поругались даже, вот до чего дошло!»

В скором времени опять Иван Матвеевич ко мне заворачивает. «Понравился, — говорит, — мне ваш сарайчик. Зря он пустует, а нам, пока не отстроимся, свиней на беконный откорм некуда ставить. Может, приспособим? Авдотья Марковна ходить за ними будет, ей сподручно»...

Так у нас дело и наладилось. Авдотья за свиньями стала ходить, я по своей плотничьей части занялся. Задумали коровник да телятник ставить. И не было дня, чтобы председатель к нам на стройку не заглянул, все поторапливал. Как-то припоздали мы, идем с ним вместе домой. Я и расскажи ему про всякие случаи, как за правду терпел. Он подумал, подумал и говорит: «Это хорошо, что ты в каждом деле справедливости добиваешься. Таких людей мы должны ценить. Только криком одним немного возьмешь. Вот мы изберем тебя в ревизионную комиссию, ты и действуй по всем законам». И попал я промеж косяков в дверь.

Он усмехнулся своей незамысловатой шутке и важно разгладил всклокоченную бороду.

— Чем же плохо? — невольно улыбаясь, спросила я.

— Про это не говорю. Хлопотное только дело. В народе или пьяному кричать — одно, там большого ума не надобно. А тут докладывай по всей форме, чтобы все по закону. К примеру, живут у нас мать с дочкой. Дочь была замужем, пишется на другую фамилию. Показывают, будто у них две семьи и у каждой, заметь, по земельному участку. А на проверку выходит одна семья. Ну и доложил на правлении, что не по праву...

Он с опаской оглянулся на дверь и снизил голос почти до шепота.

— Теперь вот с Авдотьей вышел этот случай. Околел у нее поросенок. Спрашивает меня председатель: «Как ты думаешь, Кирсан Никодимович, кто в этом виноват?» И так зорко на меня посматривает: «Ничего, — говорю, — не знаю». Раньше-то как у нас было заведено: подохнет скотина, акт составят, на этом дело и кончится. Как произошло, почему, никто не допытывался. А он, видишь, по-другому повернул. «Иди, — говорит, — выясни причину и доложишь на заседании правления». Пришло время, докладываю. «Порядок, — говорю, — есть порядок. Выяснил, что по вине Авдотьи, моей, значит, жены, пал поросенок. Недоглядела, застудил легкие. Пускай и расплачивается за него из своего кармана». А она тут же сидит, на заседании...

— Попало, наверное, от нее?

— Попылила маленько, без этого не обошлось. В бабу ведь что ни влей, все кипит, — с философским спокойствием заметил Кирсан.

В избу вошла Авдотья. Снимая у порога шубейку, она сказала не без иронии:

— Твой дружок катит, гляди, не к тебе ли?

Кирсан бросился к окнам и, опершись руками о косяки, выглянул на улицу.

— Верно, своей персоной! — радостно воскликнул он. — На вороном жеребце.

Дверь распахнулась, и на пороге появился кузнец. Я только тут как следует разглядела его. Лицо у него было смуглое, нос большой, шишковатый. Брови мохнатые, прямые, словно выведенные по линейке, глаза черные холодноватые, будто два потухших уголька. Одет в короткий ватный пиджак, шея обмотана пестрым гарусным шарфом, на ногах высокие, до блеска начищенные сапоги. Он вытер их об ветошку и, пройдя вперед, сунул всем по порядку руку.

— Где ты таким зверем разжился? — не скрывая восхищения, спросил Кирсан, кивая головой на окно.

— У Михея-конюха, — небрежно ответил кузнец. — Пристал: подкуй да подкуй жеребца, дело к зиме. Приводи, говорю, в воскресенье, в другие дни не могу. Он и привел...

— Ну, ухарь! — прыснул Кирсан.

Кузнец самодовольно усмехнулся и, присев к столу, забарабанил по нему короткими, как обрубки, пальцами.

— А я за тобой. В Орневке у Хломовых сегодня праздник...

В глазах у Кирсана заискрились озорные огоньки. Он протянул было руку к шапке, но быстро отдернул, словно обжегся.

Я посмотрела на Авдотью. Она опустила на колени недовязанный чулок и молча, исподлобья следила за каждым движением мужа.

— Потеха! — снова рассмеялся Кирсан. — А от Ивана Матвеевича тебе за эти штуки не влетит?

— Он мне не указ. Ну как, едем? — Пятаков поднялся, не желая, видимо, тратить время на пустые разговоры.

— А я, пожалуй что, и не поеду, — неуверенно пробормотал Кирсан, косясь все же на шапку.

— В монахи записался или в активисты? — едко спросил кузнец.

— А как ты думаешь? Под старость и черт в монахи идет, — попробовал отшутиться Кирсан.

В нем явно боролись противоположные чувства, и эта трудная внутренняя борьба угадывалась по его лицу. Оно то мрачнело и както сразу старело, то в глазах снова мельтешили молодые огоньки. Искус был велик! Разве плохо прокатиться на таком «звере» и распить с дружком бутылочку?! Да и погода стояла такая, что только водку пить! Но какая-то неведомая сила, которой он, может, и сам был не рад, удерживала его.

— Нет уж, бог с тобой, поезжай один, — все еще нерешительно сказал Кирсан и, как бы оправдываясь перед другом, добавил: — Про других мы первые шумим, вот, мол, выбрали, доверили, а он пьет...

— Вольному воля, спасенному рай, — насмешливо ответил кузнец, направляясь к выходу. — Было бы предложено, а компанию к бутылке завсегда найдем.

— На это компания найдется. На что другое... — уныло согласился Кирсан.

Кузнец, не простившись, вышел из избы. В окно мы видели, как он ловко вскочил в бричку, намотал на вытянутые руки вожжи и застоявшийся жеребец понес его по дороге. Кирсан с грустью проводил дружка взглядом. Куда девалась его словоохотливость! Сгорбившись, он понуро сидел на скамье, словно с уходом кузнеца потерял что-то дорогое. И мне казалось, внутренняя борьба еще не кончилась, и неизвестно, как бы поступил Кирсан, если бы кузнец вдруг вернулся и повторил приглашение.

— Что ему не пить, что не гулять! — словно желая восстановить душевное равновесие мужа, заговорила Авдотья. — И хлебом и деньгами засыпался. Шутка сказать, каждый месяц семьдесят пять трудодней идет! Про других ты мастер кричать, — накинулась она вдруг на мужа. — А вот почему ты про дружка своего не расскажешь?

— Не нашего ума с тобой дело, — угрюмо оборвал ее Кирсан. — Собрание постановило, — значит, закон. Не сам он себе их выписывает.

— Небось, постановишь, когда угрозами запугал! «Повешу замок на кузницу, если не положите, сколько прошу». Положили. А замок как висел, так и сейчас висит.

Я попросила Кирсана рассказать мне, в чем дело.

— Да что понапрасну воду в ступе толочь! — неохотно отозвался Кирсан, мысли которого, должно быть, были в Орневке. — Сказал кузнец: «Я квалифицированный специалист, и должны меня оплачивать соответствующе. Положите семьдесят пять трудодней, буду работать, нет — ищите другого дурака». А председателем тогда у нас был Петр Иваныч, в хозяйстве не смыслил ничего. Ну, кузнец и подковал его на все четыре ноги...

Он усмехнулся и настороженно посмотрел на дверь, за которой что-то стукнуло. В избу с трудом перевалился через высокий порог мальчонка в большущем, сползавшем ему на глаза картузе, какие до сих пор носят в Латгалии старики.

— Чего тебе? — сердито спросил Кирсан, не освободившись еще от мрачных размышлений.

— Дяденька, иди скорее, тебя председатель звал.

— По какому такому делу?

— Не знаю, велел придти, — замотал мальчонка головой, так что картуз закрыл ему все лицо.

— Ну ладно. Скажи, сию минуту предстану.

Когда Кирсан ушел, Авдотья, обернувшись ко мне, с каким-то затаенным удивлением сказала:

— Смотри, удержался, не поехал с кузнецом. Не поддался!

3

На следующий день я встретила Кирсана в правлении колхоза. Вид у него был растерянный, шапка сбилась набок, на лбу сиротливо торчал примятый хохолок. Он подошел к столу председателя и глухо сказал:

— Уж ты уволь меня от этого дела, Иван Матвеевич. Прямо говорю — уволь.

Председатель поднялся из-за стола и весело взглянул на Кирсана.

— Почему? Да ты присядь, может, немного отойдешь.

Кирсан с безнадежным видом махнул рукой.

— Не поднять мне это дело. Характером слаб!

Иван Матвеевич испытующе посмотрел на него.

— Давно ли? А я считал тебя человеком принципиальным.

— Видать, закваска не та, — тяжко вздохнул Кирсан.

— Напрасно ты сомневаешься. С женой ведь уладил дело, — уже серьезным тоном продолжал председатель.

— То жена, — развел руками Кирсан. — Семейное дело изживчивое. А тут не могу. Веришь, ночь не спал.

Иван Матвеевич нахмурился и, пощипывая кончики усов, наклонился к Кирсану.

— Скажи мне по совести, как ты сам считаешь: справедливо это?

Мне показалось, что он с особым ударением произнес любимое словечко Кирсана.

— Где же справедливо? Кто об этом говорит? — встрепенулся Кирсан и снова поник головой.

— Как же тогда получается? — зорко присматриваясь к Кирсану, продолжал Иван Матвеевич. — На словах мы за правду, за справедливость, а как до дела, так в кусты. За глаза можем критиковать, а на людях закваска не позволяет? Как это понимать?

Кирсан долго сидел в молчаливом раздумье, затем медленно встал, словно у него подламывались ноги.

— Вот незадача, так незадача, хоть выворачивайся наизнанку! — ни к кому не обращаясь, сказал он и, нахлобучив шапку на лоб, вышел из комнаты.

— Видали! — усмехнулся ему вслед Иван Матвеевич. — Второй день с ним канителюсь. Поговорю — соглашается, раздумается — опять бежит обратно: уволь. А все из-за дружка. Других критиковать он может, а тут вдруг заело...

Мне очень хотелось посмотреть на Кирсана в роли общественного обвинителя и ради этого пошла на заседание правления. Первый, кто бросился мне в глаза, когда я зашла в кабинет председателя, был кузнец. Он сидел с независимым видом, небрежно развалившись на стуле, и по привычке барабанил пальцами по столу. Можно было подумать, что не его собираются обличать, а он выступит в качестве обвинителя. Кирсан явился последним. Не глядя ни на кого, он пробрался в уголок. От волнения его левый глаз косил больше обычного, и без того тяжелые веки набрякли, словно после бессонной ночи.

Когда подошло время докладывать, он неловко поднялся, задел ногой стул и долго усердно одергивал снизу пиджачок, хотя в этом не было никакой надобности. Кузнец в упор смотрел на своего дружка, стараясь встретиться с ним взглядом, но Кирсан упрямо уставился в одну точку на противоположной стене.

— Дозвольте доложить, какие такие у нас завелись непорядки, — дрогнувшим голосом начал он. — Непорядки такие: по какому праву кузнец Савелий Пятаков получает в месяц семьдесят пять трудодней?

— Тебя завидки берут? — оборвал его кузнец. — Выпить не на что? То-то я смотрю, ты и заделался от безденежья активистом...

Кирсан отшатнулся, словно его ударили по лбу. Председатель постучал карандашом.

— Конечно, если за дело, — другой разговор, — немного оправившись, продолжал неискушенный докладчик. — А что у нас получается: как ни приди, кузница завсегда на замке. А то на днях учудил номер. Заместо того, чтобы подковать жеребца, взял да и укатил на нем в Орневку.

— А ты свисти больше! Не знал, что такими делами занимаешься, — побагровел кузнец.

Он сердито двинул стулом и отъехал на нем почти на середину комнаты. Кирсан тяжело моргал косившим глазом.

— И это не все, — передохнув, продолжал он. — От бригадиров жалоб целая куча. Телеги лежат разбиты, колеса порассыпались. Работа не движется, а трудодни вынь да положь. Разве это справедливо?

— Не бей в чужие ворота плетью, как бы в твои не ударили дубиной! — угрожающе прохрипел кузнец, поедая дружка недобрым взглядом.

— Вот я все напрямки и обсказал, — облегченно вздохнул Кирсан, обращаясь к председателю.

— Какое будет твое предложение? — спросил его Иван Матвеевич.

— А уж это как вы решите. Мое дело доложить, — попытался увильнуть Кирсан.

— Нет, так дело не пойдет, — запротестовал Иван Матвеевич, и в голосе его прозвучали суровые нотки.— Тебе поручили разобраться в этом вопросе — доводи дело до конца.

Кирсан тяжело вздохнул, словно ему предстояло взбираться на крутую гору.

— На сдельщину перевести. Сколько выработал, столько и получай. По-моему, будет по справедливости...

Кузнец презрительно фыркнул и, отшвырнув стул, тяжелыми шагами вышел из комнаты. Кирсан оглядел всех медленным взглядом, точно спрашивал, все ли он сделал, что требовалось от него, и вытер платком градом катившийся со лба пот.

«Ваш сын теперь здоров...»

Ир. ИЛЬИЧЕВА

Леня лежал неподвижно, не по-детски печальный. Мать, как могла, утешала сына. Но что скажешь четырехлетнему малышу, если он не в силах двигаться, стоять и даже сидеть? Мальчик перенес полиомиэлит — детский паралич,— и болезнь оставила тяжелые последствия: частичный паралич мышц ног, рук, шеи...

— Доктор, неужели он таким и останется?

— Постараемся помочь. Отправим вашего сына в «Аксай», — ободрял Андреановых врач.

Примерно год назад Леню Андреанова увезли в «Аксай», детскую больницу, созданную в Казахстане специально для борьбы с последствиями эпидемического полиомиэлита. Совет Министров Казахской ССР отдал под больницу прекрасный дом отдыха, расположенный недалеко от Алма-Аты, в живописных предгорьях Заилийского Ала-Тау.

В «Аксае» большой фруктовый сад, тенистые, заросшие цветами аллеи, прозрачный горный воздух, просторные дачи и, главное, хорошо оборудованный лечебный корпус. В нем лаборатории, рентген, кабинеты лечебной физкультуры и физиолечения, операционная. Здесь лечатся сто пятьдесят детей. Рядом строится грязе- и водолечебница с ванным залом и бассейном.

...В кабинете лечебной физкультуры никого не приходится уговаривать и убеждать. Еще бы! Несколько месяцев дети почти не двигались, и накопленная энергия ищет выхода. Гимнастическая стенка, прикрепленные к полу велосипеды, разноцветные мячи, булавы, специальные спортивные снаряды — все это забавляет выздоравливающих.

Четырехлетний Саша Калинин, которого еще недавно сестра кормила с ложечки, ходит, держась одной рукой за перила.

— Сашенька, на сегодня хватит.— Врач Гульзина Юсуповна Маубеева глядит на часы.

— А я хочу еще.— Мальчик поворачивается к врачу и отрывает руку от опоры.

Доктор пристально смотрит на ребенка.

— Ну, хорошо, иди! — Она протягивает к нему руки. Саша самостоятельно делает шаг, второй, третий...

Так случается в «Аксае» почти каждый день. Сегодня Саша Калинин оторвался от перил и шагнул. А светловолосая Томочка Кутахина сделала самостоятельно уже семь шагов. На два больше, чем вчера! Трехлетний Саша Перевалов, который при поступлении не мог даже держать голову, сидит в кроватке и сам завтракает.

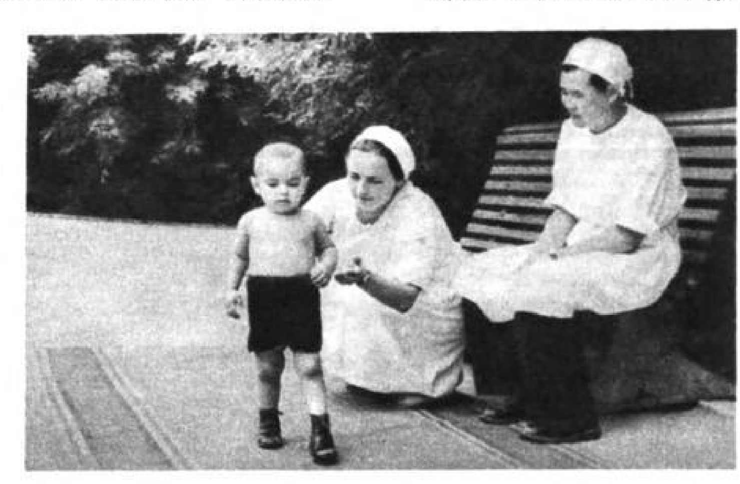
Врач берет историю болезни Саши Калинина, сына алма-атинской работницы, и записывает: «Ребенок пошел сам!»

За этой фразой, за восклицательным знаком в медицинском документе — месяцы упорных исследований и стараний врачей, сестер, санитарок.

Массажи, различные прогревания — электротоками, лучами мощных ламп, парафиновыми компрессами, — гимнастика, ванны, множество других процедур... И вот в ослабленной мышце начинает прибывать сила, ребенок слегка сгибает ногу или руку. Теперь новые процедуры, другая, более энергичная гимнастика: велосипед, занятия на стенке, подниманне гирек; те мышцы, которые «подают надежды», необходимо разработать, успех должен быть закреплен... И наконец ребенок делает первый шаг после болезни.

Конечно, не всегда бывает так просто и благополучно. Иной раз медики бьются месяцами: ни тепло, ни массаж, ни гимнастика не помогают пораженной параличом мышце. Но и тогда врачи не прекращают борьбы. В электрокабинете больницы есть новый аппарат электродиагностики и электростимуляции мышц.

— Принесите мальчика из третьей палаты,— говорит санитарам физиотерапевт Любовь Павловна Пашкова.

Первый шаг... За ребенком наблюдают главный врач Л. Н. Ким и врач В. М. Чепелева.

Фото Н. Степанова.

Шестилетнего Володю З., перенесшего тяжелейшую форму полиомиэлита, бережно укладывают на стол. Врач включает аппарат и осторожно водит похожим на карандаш электродом по неподвижным рукам, плечам, ногам мальчика. Вдруг на щите загорается лампочка. Это добрый знак! Значит, мышца не совсем «потеряна», в ней еще теплится незаметная на глаз жизнь. По указанию врача сестра делает пометки в истории болезни. Завтра же начнется лечение электротоком этих «полуживых», как их называют медики, мышц. Слабый электрический ток вызывает первые сокращения мышцы, затем электрогимнастика постепенно усиливается, подготавливая больного к обычному курсу лечения.

— Бывают ли случаи, когда вы бессильны помочь? — спрашиваю я главного врача больницы Льва Наумовича Кима.

— Бывают, — печально отвечает врач.— Чаще всего, когда к нам поступают дети, перенесшие полиомиэлит несколько лет назад. Наибольших результатов можно достичь в борьбе с последствиями этой болезни примерно в первые пять—шесть лет. Позже очень трудно восстановить атрофировавшиеся мышцы, но можно приспособить пострадавшего к новым условиям: научить его некоторым трудовым навыкам и полезным, интересным для больного занятиям. Иногда помогает также ортопедическая операция. Наш хирург Истуре Уразакович Уразанов, производя пересадку мышц и другие сложные операции, вернул к нормальной деятельности многих почти полных инвалидов.

Мы идем с главным врачом через больничный парк, по-южному густой и цветущий. Издали слышны веселые ребячьи голоса, звонкий смех. Летом дети проводят весь день на воздухе, одни гуляют, других выносят на террасы и балконы. Это тоже один из видов лечения — климатотерапия.

Выздоравливающие играют на лужайке. Кудрявая первоклассница Танечка, чуть прихрамывая, ловит десятилетнего Толю. И у «кошки» и у «мышки» ликующие лица: им недавно разрешили бегать без ограничений. Дети хорошо выглядят, румяные, крепкие.

— Да, они у нас поправляются,— говорит главный врач.— Режим, питание, богатое фруктами и ягодами, горный воздух делают свое дело. За полтора года в нашей больнице лечилось около трехсот детей. В прошлом году из ста семидесяти человек тридцать один вышли из больницы совершенно здоровыми, почти все остальные — со значительными улучшениями. Но результаты могли бы быть лучше, гораздо лучше...

Врач показывает на недостроенный корпус грязелечебницы, которая крайне необходима больнице. Грязи и ванны очень эффективны при лечении последствий полиомиэлита. А в бассейне многие парализованные дети приобретают подвижность: ведь в воде двигаться в десять раз легче.

— Все это мы не раз объясняли работникам Министерства городского и сельского строительства республики,— с горечью говорит врач,— но слышим от них одни обещания. Вы понимаете, медлительность строителей мешает нам лечить детей!..

Внезапно он останавливается на полуслове, лицо его меняется, светлеет. Из-за угла недостроенного здания выбегает стройный мальчуган в матросском костюме.

— Дядя Ким! — Так зовут многие малыши главного врача.— Мы с мамой приехали в гости.

— Леня! Андреанов! Какой ты стал молодец!

Доктор подхватывает мальчика на руки, быстрыми профессиональными движениями ощупывает его ножки, поправляет шнурок специального ботинка. Чуть запыхавшись, подходит и мать.

— Сын так бежал к вам, я еле догнала,— смеется женщина.— Мы приехали показаться.

— Леня лежал у нас полгода, — рассказывает Лев Наумович.— Он стал сидеть, ходить, но полностью не излечился. Как видите, выздоровление пришло позже. Так часто бывает. Поздравляю вас,— обращается он к Андреановой.— Месяца через три можно будет снять и эти ортопедические ботинки. Ваш сын теперь здоров!

Врач опускает Леню на землю, и мальчик весело бежит по аллее, залитой мягким вечерним солнцем.

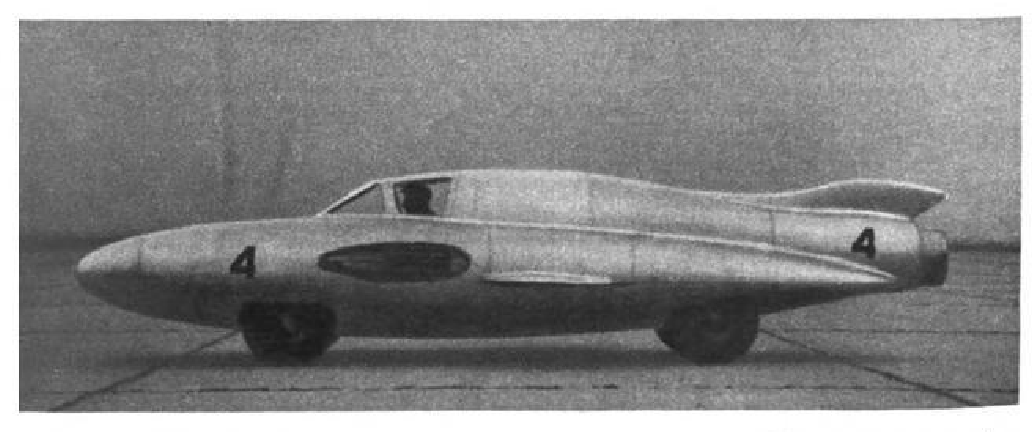
«Волга».

МАШИНЫ,

Полуторатонный грузовик «ГАЗ-56».

КОТОРЫХ

Экспериментальный автомобиль с турбореактивным двигателем.

МЫ ЖДЕМ

Когда начнется серийный выпуск «Волги»?
Какие новые автомобили ожидаются в скором времени? Над какими проблемами работают сейчас конструкторы?
Какие изменения предвидятся в ближайшие годы на заводе?
С такими вопросами корреспондент «Огонька» обратился к исполняющему обязанности главного инженера Горьковского автозавода имени Молотова Г. Тауриту. Вот что он рассказал:

— Немногим больше года прошло после государственных испытаний «Волги». Осенью и зимой новые машины вновь держали экзамен. Они шли в дождь и пургу, по новым асфальтовым автострадам, горным дорогам и пескам, пересекли ряд областей Российской Федерации, Прибалтику, Украину, Белоруссию, Кавказ. Машины покрыли расстояние, превышающее 29 тысяч километров. Испытания показали, что уже можно перейти к серийному выпуску «Волги»,— она заменит «Победу», производство которой вскоре прекратится.

Не многим пока что удалось поездить на новых машинах: их всего восемь экземпляров. Но в этом году «Волга» будет отдана на суд самого массового и придирчивого критика — пассажира такси. На улицах Москвы, Киева, Ленинграда и других городов появятся такси «Волга». В сентябре завод приступит к их сборке и до конца года выпустит большую партию.

Новый верхнеклапанный двигатель увеличивает мощность машины, автоматическая коробка скоростей облегчает управление, изменения во внешнем виде и внутреннем устройстве — широкие сиденья, новый радиоприемник и другие — сделают ее красивой и комфортабельной.

С будущего года мы приступим к освоению автомобиля «ЗИМ-12В». Мощность мотора увеличится, будут улучшены тормоза и поставлена автоматическая коробка скоростей, испытанная на «Волге». Внешние изменения невелики: более удлиненные крылья, цельное стекло, перекочевавшая на крышу антенна.

Зато совсем не узнать будет другой машины, принадлежащей к классу «ЗИМ», над которой завод начал работать недавно. Трудно сказать, как ее назовут. Конструкторы изготовили опытный макет, на одной стороне которого выведено: «Чайка», а на другой: «Стрела». Общий вид ее можно охарактеризовать одним словом — стремительность. Спереди и сзади машина приближенно напоминает «Волгу», а кузовом — «ЗИМ». Но нельзя забывать, что это первый макет, впереди еще много исканий. Предполагается применить автоматику в управлении новой машины, увеличить мощность двигателя вдвое по сравнению с существующим «ЗИМом».

Любопытен созданный заводом автомобиль-ракета, похожий на гоночный. В испытаниях на 2 тысячи метров машина развила скорость 200 километров в час, но она может достичь и значительно большей. На ней установлен реактивный двигатель. Сейчас конструкторы работают над созданием газотурбинных двигателей. Машинам с высокими скоростями принадлежит будущее.

Выпускаемый заводом «ГАЗ-47» уже завоевал прозвище «чудо-газик». Он проходит даже там, где с трудом пробирается человек. Пески, горные дороги, грязь, снега, болота, реки ему не преграда. Он заслужил благодарность исследователей Антарктиды, взбираясь на ледяные горы.

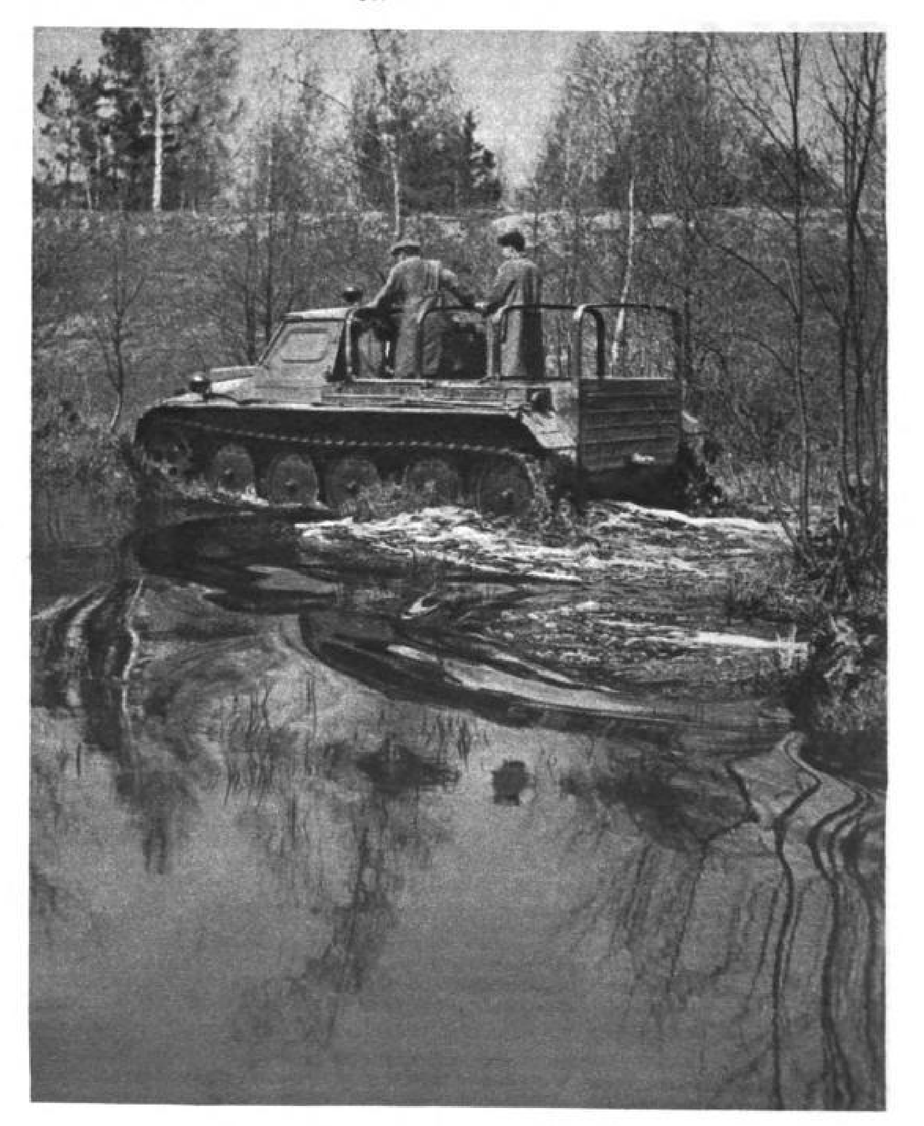
Новые грузовые машины — «ГАЗ-56» и «ГАЗ-52». Первая, полуторатонка, создана нашими конструкторами. Она проходит сейчас испытания и будет собираться в дальнейшем на Ульяновском автозаводе. «ГАЗ-52» придет на смену широко распространенному «ГАЗ-51». Его преимущества — лучшая проходимость, более мощный верхнеклапанный двигатель с новым, предкамерным принципом зажигания, который обеспечит полное сгорание паров бензина, и облегчающая управление новая коробка скоростей. В опытной модели иначе выглядит передняя часть машины: она как бы становится солидней.

Как изменится завод за годы шестой пятилетки?

Прежде всего значительно расширится применение автоматики. Сейчас на заводе девять автоматических линий, а к концу пятилетки их будет пятьдесят семь. Тишина и чистота крепко подружатся с кузницами, в которых сейчас грохот и копоть. Установки электронагрева размером со стол заменят огромные мазутные печи, а вместо шумных падающих и паровых молотов встанут новые прессы, они будут вдавливать металл в матрицы. Эти прессы резко сократят механическую обработку деталей, которая уносит в стружку половину металла. Лишь на изготовлении одной детали — клапана — будет экономиться 300 килограммов металла в сутки.

Много нового будет в производстве машины «Волга». Пневмомеханические руки возьмут листы железа, подадут в прессы, а оттуда выйдут готовые части кузова, которые поступят в сварочные автоматы, где сварка производится сразу в 200—300 точках. Трудоемкость сборки «Волги» по сравнению с «Победой» уменьшится в три раза. И так на всех этапах, от первого до последнего.

Надо полагать, что торжество автоматики будет по душе не только тем, кто делает автомобили, но и тем, кто их приобретает: машины станут красивее и долговечнее.

Гусеничный вездеход «ГАЗ-47».
Фото Н. Добровольского.

Вл. ЛИДИН

Рассказ

ДРЕВНЯЯ ПОВЕСТЬ

Рисунок Г. Храпака.

Во время весенних экзаменов профессор Василий Иванович Стахеев встретил как-то в коридоре института молодую женщину, которая показалась ему знакомой. Женщина замедлила шаг, посмотрела ему в глаза своими красивыми, почти сапфирового цвета глазами и сказала:

— Вы меня не узнаете, Василий Иванович? Я ваша бывшая студентка Нечаева.

И Стахеев сразу вспомнил совсем юную, тогда только что окончившую школу девушку, которая пришла к нему лет шесть или семь назад, решив во что бы то ни стало сделаться филологом. Специальностью Стахеева была древняя русская литература, и девушка сразу расположила его к себе своим знанием и древних русских повестей, и апокрифов, и своей любовью к истокам русского слова... Но, поступив в институт, Нечаева проучилась в нем всего два года и как-то внезапно ушла, почти не пояснив причины своего ухода. Вероятно, ей было трудно и зарабатывать и учиться.

— Как я рад вас видеть, — сказал Стахеев, пожимая руку молодой женщины и как бы прозревая в ее изменившихся, теперь вполне женских чертах черты юной Ксенечки Нечаевой. Время нанесло уже свои отметины на это по-новому красивое лицо, и можно было почувствовать, что не одно испытание пришлось узнать молодой женщине.

— Вы так внезапно ушли тогда из института, что я просто потерял вас из виду. А я поначалу надеялся, что вы станете хорошим знатоком древней литературы.

— Нет, Василий Иванович, не получилось у меня это, — ответила Ксения. — Я избрала себе совсем другую специальность, стала журналисткой... работаю понемногу в газетах.

— Вот как, — сказал он чуть разочарованно. — А вы ведь чуть ли не наизусть знали в свое время «Слово о погибели Русской земли».

— Я и сейчас помню, — улыбнулась она. — «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! и многыми красотами удивлена еси...»

Они помолчали.

— Ну что же, очень рад был видеть вас, — сказал Стахеев, как бы расставаясь с образом той студентки, на которую возлагал в свое время надежды.

— Вы не позволите мне, Василий Иванович, зайти к вам как-нибудь? — спросила Ксения несмело. — Я хочу показать вам одну старинную рукопись, которую отыскала во время своей последней командировки в Онегу.

— Вот как, — обрадовался Стахеев. — Значит, вы еще не совсем остыли к древней литературе? Ну что ж, приходите, мне будет приятно.

Он достал записную книжку, справился по ней о расписании экзаменов, и они условились, что Ксения Нечаева придет к нему в четверг вечером.

Два года назад Стахеев потерял жену. Она умерла трагически в клинике для нервнобольных; до этого полгода она страдала психическим расстройством, и вся жизнь Стахеева была нарушена, он сам стал мнителен и както внутренне ослабел, вместе с тем негодуя на себя за свою слабость. Детей у них не было, и он остался один. Одиночество сразу испугало его; потом оно вошло постепенно в привычку, и, как в давние годы, началась холостяцкая, неустроенная жизнь. Как обычно, надежными спутниками в испытаниях являются для человека книги, и теперь весь досуг Стахеев отдавал поискам книг, хождениям по букинистическим магазинам и своему основному труду о памятниках литературы Киевской Руси.

Ксения пришла очень точно, как они условились. Шумная и тревожная весна сменялась постепенно летними днями — шел уже июнь, заканчивались экзамены, впереди были каникулы.

— Ну, показывайте, какую вы там рукопись разыскали? — сказал Стахеев, переходя прямо к делу.

Это была рукопись конца XV века, написанная славянской вязью с киноварными заглавными буквами отступов, и Стахеев привычно вдохнул пленительный для него запах старой бумаги.

— Гм, — сказал он минуту спустя, — это список повести об основании тверского Отроча монастыря, и, пожалуй, предчайший. Вы не могли бы оставить мне эту рукопись?

— Я, собственно, хотела подарить вам ее, Василий Иванович, — сказала Ксения, чуть краснея. — Вы так много сделали для меня в свое время, и, когда нашла эту рукопись, я в первую очередь подумала о вас.

Она почти с нежностью смотрела теперь на этого невысокого человека, с коротким, чуть седеющим на висках бобриком волос, с простым русским лицом, освещенным изнутри душевностью.

— Ну, знаете ли, такие подарки делать... — покачал головой Стахеев. — Для ознакомления я у вас эту рукопись возьму, а там передадим ее в какое-нибудь хранилище.

— В общем, поступайте с ней, как вам захочется, Василий Иванович, — сказала Ксения. — А рукопись все-таки позвольте подарить вам. Она находилась у мастера деревообделочного завода в Онеге... по его словам, она переходила из поколения в поколение.

— Ну что ж, спасибо, — ответил Стахеев, бережно откладывая рукопись в сторону. — Мне это тем более приятно, что в повести говорится о зело прекрасной девице Ксении. Ну, а теперь расскажите о себе... как у вас все сложилось в жизни и почему вы бросили институт и стали журналисткой?

Ксения помедлила минуту. Книги в профессорском кабинете стояли до самого потолка, немые свидетели жизни Стахеева, о которой она тоже ничего не знала.

— На третьем курсе в институте я встретилась с одним человеком... он был моряк и уехал работать на Север. Ну, и я поехала с ним, — сказала она прямо.

— Жалко все-таки, что вы бросили институт... я, откровенно говоря, возлагал на вас большие надежды. Не так-то много специалистов в этой области. А я вот остался один... — сказал Стахеев вдруг, как-то остро ощутив потребность в сердечном участии. — Два года назад умерла моя жена. Так-то, Ксения... не помню вашего отчества.

— Не нужно отчества, — сказала она.

— Так-то, Ксенечка... — повторил он грустно. — Вы в какой же газете работаете?

— Сейчас я заканчиваю книгу очерков для издательства, — сказала Ксения. — А потом

будет видно. Мне разъезжать не так-то просто, — добавила она с некоторым усилием. — Дело в том, что у меня сынишка, ему всего шесть лет... оставлять его не с кем. Мама моя живет в Белоруссии... отвозить туда далеко.

— Ну, а с отцом разве он не может оставаться? — спросил Стахеев.

— С мужем я разошлась три года назад, — ответила Ксения не сразу.

— Так, так... — нашелся только сказать Стахеев, ероша свой бобрик. — Сложная она штука — жизнь. Знаете, как в былине о Садко говорится: «А-й как много стало ведь тонуть народу да в синем море».

Ему было сердечно жаль эту, видимо, перенесшую немало, когда-то с отроческими припухлостями под глазами Ксенечку Нечаеву. И что-то общее оказалось в их сдвинутых с мест жизнях.

— А вы приведите ко мне как-нибудь вашего юношу, — предложил он. — Я, откровенно говоря, питаю слабость к этим молодым деятелям... право, Ксенечка, мне будет очень приятно.

И они как-то просто и душевно договорились о том, что послезавтра Ксения придет с сыном, а он, Василий Иванович Стахеев, приготовит для юноши некоторые приятные неожиданности.

Ксения ушла. Рукопись, оставленная ею, как бы хранила в себе не только старинную поэтическую повесть, но и повесть о ее, Ксении Нечаевой, жизни, которой Стахеев не мог не сочувствовать.

На другой день, возвращаясь перед вечером из института, он удлинил путь и зашел в магазин игрушек на Арбате. Человеку, неопытному в обращении с детьми, совершенно невозможно представить себе, что может интересовать шестилетнего мальчика, — лото или бильбоке, настольный крокет или пистолет, стреляющий палочкой с резиновой присоской. И Стахееву пришлось довериться опыту продавщицы и приобрести аквариум, из которого можно выуживать картонных рыбок удочкой с магнитом на леске. К детям Стахеев относился болезненно: страстная мечта жены иметь ребенка так и не сбылась.

Назавтра, как они условились, Ксения пришла к нему с сыном. Может быть, оттого, что Стахеев знал их судьбу, мальчик показался ему особенно трогательным. Он был похож на мать, глаза у него были такого же глубокого сапфирового цвета.

— Ну вот, очень рад новому знакомству, — сказал Стахеев, протягивая руку мальчику. — Меня зовут дядя Вася. А тебя как зовут?

Но мальчик молчал, и только после того, как из аквариума была выужена не одна рыбка, мальчик сообщил, что его зовут Коля и что их сосед по квартире Иван Борисович тоже любит удить рыбу и всегда, когда возвращается, привозит сетку с рыбой, а один раз он подарил ему маленькую рыбку, и она долго плавала в банке с водой.

Потом они втроем пили чай; конфеты Стахеев покупал без чьего-либо совета, и здесь он не ошибся: «Мишка на севере» и «Ну-ка, отними» оказались самыми любимыми.

— Вот мы и подружились с вашим сыном, — сказал Стахеев, когда Ксения уже собиралась уходить. — А знаешь, что, Коля, — воодушевился он вдруг, — как бы ты отнесся к тому, если бы я пригласил тебя посетить со мной зоопарк? На будущей неделе я буду уже вполне свободен, и давайте-ка заберу как-нибудь с собой вашего Николая, Ксенечка... вы там дорабатывайте вашу книгу, а мы с ним погуляем в полное удовольствие, как свободные люди.

Несколько дней спустя Стахеев заехал за Колей, повез его в такси в зоопарк, в котором сам не был, наверное, не менее десяти лет, и они действительно погуляли оба в полное удовольствие, посмотрели молодняк, покормили медведей.

Как это зачастую бывает с людьми, душевная жизнь которых нарушена, они находят глубокое удовлетворение в общении с детьми. Дети и сами сердечны и отзывчивы на сердечность. Мать всегда испытывает благодарность к тому, кто нашел путь к сердцу ее ребенка, особенно если ребенок по той или иной причине обездолен. И как-то незаметно случилось, что Ксения все чаще и чаще стала бывать в квартире с ее строгими полками книг, были и долгие разговоры о древней литературе, которая едва не стала специальностью Ксении, и о журналистике с ее требовательными законами, и о том, что человек никогда не знает, где и что он потеряет и где и что найдет.

Вероятно, и Стахеев не смог бы ответить себе, как случилось, что эта исчезнувшая когда-то из поля его зрения Ксения Нечаева вошла в его жизнь, вошла в пору, когда он особенно нуждался в чьей-нибудь сердечной близости, и все более и более становилась ему необходимой. Необходимым становился и мальчик, уже тянувшийся к нему, как тянутся к мужской руке лишенные отеческой близости дети, и в профессорском кабинете появились и кубики на полу и даже велосипед с настойчивым звоночком. Летом Ксения приезжала к Стахееву на дачу, опустевшую после смерти жены, и мальчик оставался иногда у него на несколько дней; потом они вместе возвращались в город. Стахеев не смел признаться себе, что не только привязался к Ксении, но и испытывает по временам то смутное и необъяснимое чувство, когда человек без причины счастлив...

В начале августа Ксения сдала книгу в издательство и приехала на дачу за сыном, который гостил здесь уже несколько дней. Август был знойный, еще шумели по временам грозы летней стремительной силы, и до начала занятий в институте, до зимы казалось бесконечно далеко. Наблюдая за Ксенией, Стахеев замечал, что и она как-то внутренне изменилась и в ней появилось что-то новое, успокоенное и в то же время тревожное... Но ведь именно в сочетании тревоги и душевной удовлетворенности и заключается подлинное счастье.

Они остались вдвоем на садовой скамейке. К вечеру сильно и томно пахнул табак. Георгины, солнечно-желтые и исчерна-красные, тоже были еще полны летней силы, и только ранняя вечерняя прохлада говорила о близкой осени.

— Какой вы добрый, чудесный человек, Василий Иванович, — сказала Ксения, — я так благодарна вам за все. А сердце Николаши вы прямо завоевали... не знаю, как с ним теперь и быть, только и твердит о своем дяде Васе.

— Ах, Ксенечка, Ксенечка... — сказал Стахеев грустно и мечтательно, — если бы к этому всему еще немного и вашего сердца! Как я мог бы быть с вами обоими счастлив.

Она сразу вдруг стала серьезной и сидела теперь молча, глядя перед собой. Он коснулся ее руки.

— Вам нечего ответить мне? — спросил он робко.

— Я стольким обязана вам, Василий Иванович, — сказала она, и в ее глазах блеснули слезы. — И мне так хочется, чтобы вы были счастливы.

Он хотел произнести: «это в ваших руках», — но не решился.

— В моей жизни произошли некоторые изменения, — сказала она. — Я чувствовала себя очень одинокой все эти годы, да и жить мне было нелегко. Я встретила одного человека, с которым мне будет не одиноко. Он тоже журналист, сейчас назначен корреспондентом в Сибирь.

— Вот какие дела... — произнес Стахеев только.

Он смотрел на исчерна-красный георгин и щурился.

— Сибирь — это, конечно, далеко... придется мне на время расстаться с Колей, отвезти его к матери.

— Вот какие дела... — повторил Стахеев. — А я ведь для Коли даже комнату собирался приготовить, потесниться со своей библиотекой, — добавил он, жалко улыбнувшись. — Думал, пускай почаще приходит, чтобы не мешал вам...

Она сидела, опустив голову и словно впервые осознав то, о чем ни разу не задумывалась прежде. Как могла она не почувствовать, что вошла в его жизнь в пору наибольшей ее пустоты и, может быть, заполнила многое для этого одинокого сердца?

— Боже мой, как я перед вами виновата, Василий Иванович! — сказала она почти в отчаянии. — Я никогда не прощу себе этого.

— Да нет, что же... все идет правильно, Ксенечка, как и должно идти. Повесть наша с вами древняя, и сколько бы ни прошло веков, все повести будут такими же или более благополучными, пока живет, ищет, находит и теряет человек. Сейчас вы счастливы и не усложняйте вашу жизнь... помните только, что для меня вы не тучка, прошедшая мимо, а нечто гораздо большее.

Они поднялись и медленно пошли к дому.

— Да, и вот еще что, — сказал Стахеев. — Сибирь велика, и неба над ней много... но человеку нужна еще и крыша. Если вы почувствуете себя под этим небом когда-нибудь бесприютной, а я искренне не желаю вам этого, моя крыша всегда будет ждать вас.

Они вернулись в дачу, и Ксения помогла мальчику собрать его игрушки.

— Дядя Вася, вы завтра приедете в город? — спросил мальчик деловито, словно между ними все давно уже сговорено. — Вы в котором часу приедете?

— В двенадцать, — сказал Стахеев. — Ровно в двенадцать.

Потом они шли к станции, и мальчик, держа Стахеева за руку, старался попасть в мужской шаг.

— Я завтра у вас целый день пробуду, дядя Вася, — пообещал он, как бы желая облегчить ему одиночество предстоящего вечера на даче. — Мама меня к двенадцати приведет к вам, и я целый день у вас пробуду.

Вернувшись со станции, Стахеев не зажег в даче света. Было уже темно. Осень холодела за окнами. Он вышел на террасу и, сунув руки в карманы пиджака, долго стоял в темноте; иногда по легкому шороху можно было понять, что это слетел лист с дерева. И все же, прощаясь с тем, к чему потянулось было его сердце и что ушло, так и не заглянув в него, Стахеев думал о том, что именно в поисках счастья и заключается полнота жизни человека, даже если счастье и не всегда забредает к нему...

СПУТНИК

Юрий ЯКОВЛЕВ

Теряются рельсы в пространстве.
Гудок пропоет — и замрет.
И ветер походов и странствий
Невольно за сердце берет.

Стучат подо мною колеса.
Коробится дым над рекой.
А мальчик стоит у откоса
И машет мне с грустью рукой.

И так ему хочется, видно,
Забраться в бегущий вагон,
И так человеку обидно,
Что я у окна, а не он...

Но поезд проносится с треском,
Степной растревожив покой.
И скрылась за редким пролеском
Фигурка с застывшей рукой...

И я, как во время похода,
Лишь лягу — и сразу усну.
А утром, с лучами восхода,
На пост заступаю — к окну.

И грустно сейчас без мальчишки,
Что где-то отстал вдалеке.
Кедровые грузные шишки
Тайга мне выносит в руке.

И вдруг у таежного дома,
Гудку улыбаясь с тоской,
Я вижу, мальчишка знакомый
Мне машет упрямо рукой.

В глазах его та же тревога,
Все то же: «Возьмите с собой!..»
Дорога.
Дорога.
Дорога.
И спутник с завидной судьбой.

Из иллюстраций к роману А. Н. Толстого «Петр I».

СИЛА ТАЛАНТА

В. А. Свешников.

Не так давно в Выставочном зале Оргкомитета Союза советских художников была открыта выставка работ Владислава Андреевича Свешникова — художника, имя которого почти не было известно. Выставка сразу же вызвала восторженные отзывы.

Мне довелось быть на обсуждении работ Свешникова, читать книгу отзывов о его творчестве и слышать мнение самых различных зрителей — все они горячо и единодушно выражали восхищение искусством художника.

Творческая деятельность Свешникова оборвалась очень рано. Он умер 27 лет. В 1951 году Владислав Андреевич окончил графический факультет института имени Репина и за год с небольшим самостоятельной творческой работы успел сделать удивительно много и так блестяще, что это могло быть под силу только человеку большого дарования.

При входе в залы выставки висел портрет юного автора. С фотографии на зрителя смотрели внимательные, устремленные вдаль глаза. Весь чистый и поэтичный облик художника как бы раскрывал зрителю тайну его таланта.

В рисунках Свешникова поражают разносторонность интересов, широкий диапазон его творчества. Иллюстрации к «Пиковой даме» Пушкина, к рассказу Антонова «Поддубенские частушки», к «Стране Муравии» Твардовского, к «Тихому Дону» Шолохова, к «Рудину» и «Нови» Тургенева, к «Сказке о

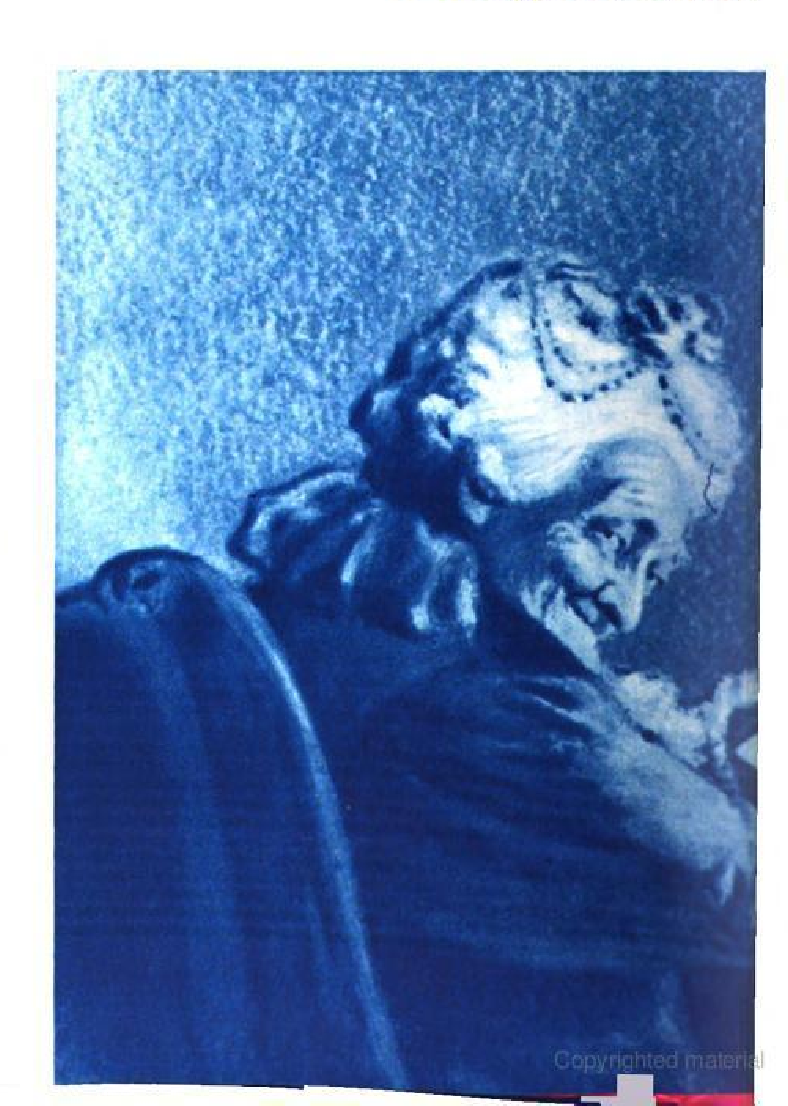
наравне с законченными иллюстрациями больших мастеров.

Свешников великолепно чувствовал характер материала и умел подчинять его своему замыслу, добиваясь большой выразительности рисунка. Посмотрите на иллюстрацию к рассказу Антонова «Поддубенские частушки». Как хорошо переданы атмосфера теплого летнего вечера и на темном фоне фигуры трех озорных подружек, уходящих вдаль по деревенской дороге! Так и слышишь их звонкие голоса, разносящие по деревне мотив веселых и задорных частушек...

Из иллюстраций к повести А. С.

Из иллюстраций к повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». 1951—1952.

попе и о работнике его Балде» Пушкина, станковые рисунки, портреты, пейзажи, натюрморты.

Удивительно разнообразны и технические приемы. Художник виртуозно работал в технике перового рисунка, в офорте, линолеуме, деревянной гравюре, карандашом, тушью, кистью, то есть ему был подвластен весь арсенал средств художественного выражения.

Рисунки, многочисленные варианты иллюстраций, наброски всегда содержательны, в них ощущаешь живую мысль автора, вдумчивый взгляд, умевший проникать в суть изображаемого. Этот драгоценный дар сочетался у Свешникова с необычайно тонким художественным вкусом, или, по выражению одного из зрителей, «с огромным артистизмом», который очаровывает и покоряет в каждом его произведении.

Работа Свешникова-иллюстратора основана на тщательном изучении литературного материала. Большой интерес представляют его подготовительные рисунки; благодаря им мы имеем возможность проникнуть в самый процесс творчества художника. Свешников серьезно и упорно изучал эпоху, когда приступал к работе над иллюстрациями к «Пиковой даме» — своей дипломной работе. Он досконально знал костюмы того времени, вникал в каждую мелочь. Художник нашел дом, в котором, по описанию Пушкина, развертывается действие «Пиковой дамы», долго и настойчиво искал модель для образа графини, и, наконец, в Ленинградском доме для престарелых актеров художник увидел женщину, которая послужила ему прототипом для героини. Думается, пройдет немного времени — и иллюстрации Свешникова к «Пиковой даме» получат широкое признание по глубине проникновения во внутренний мир героев повести, тонкости прочтения пушкинского текста, драматической насыщенности и мастерству рисунка.

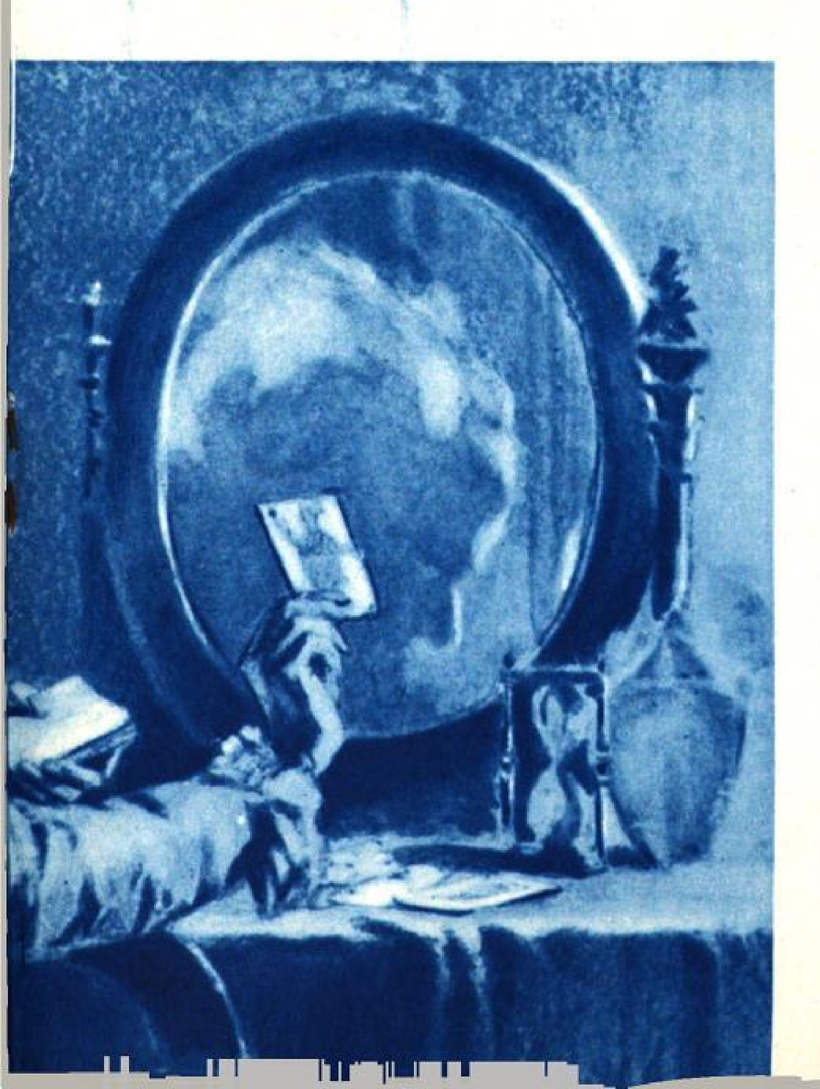
Одной из последних работ Свешникова были эскизы к роману Тургенева «Рудин». Несмотря на то, что это только еще эскизы, издательство художественной литературы сочло возможным поместить их в книге

В молодом художнике поражает удивительная сила воображения и в то же время искреннее, вдумчивое отношение к жизни, которые в счастливом сочетании помогали Свешникову создавать яркие и точные образы героев иллюстрируемых им произведений.

При необыкновенном трудолюбии и необычайно быстрой, я бы сказал, «рождаемости образов» Свешников всегда очень долго внутренне готовился, вынашивал замысел. Задумав иллюстрировать «Тихий Дон», художник постоянно возвращался к этому произведению, обдумывал, неоднократно

ушкина «Пиковая дама». 1951—1952.

Из иллюстраций к роману И. С. Тургенева «Рудин». 1953.

ездил в станицу Вешенскую. К сожалению, он успел сделать только несколько рисунков к «Тихому Дону», но и то немногое, что осталось, говорит о даре композиции, которым обладал художник, о глубоком и свободном прочтении шолоховского текста. Бесконечно жаль, что ранняя смерть не позволила ему завершить начатое.

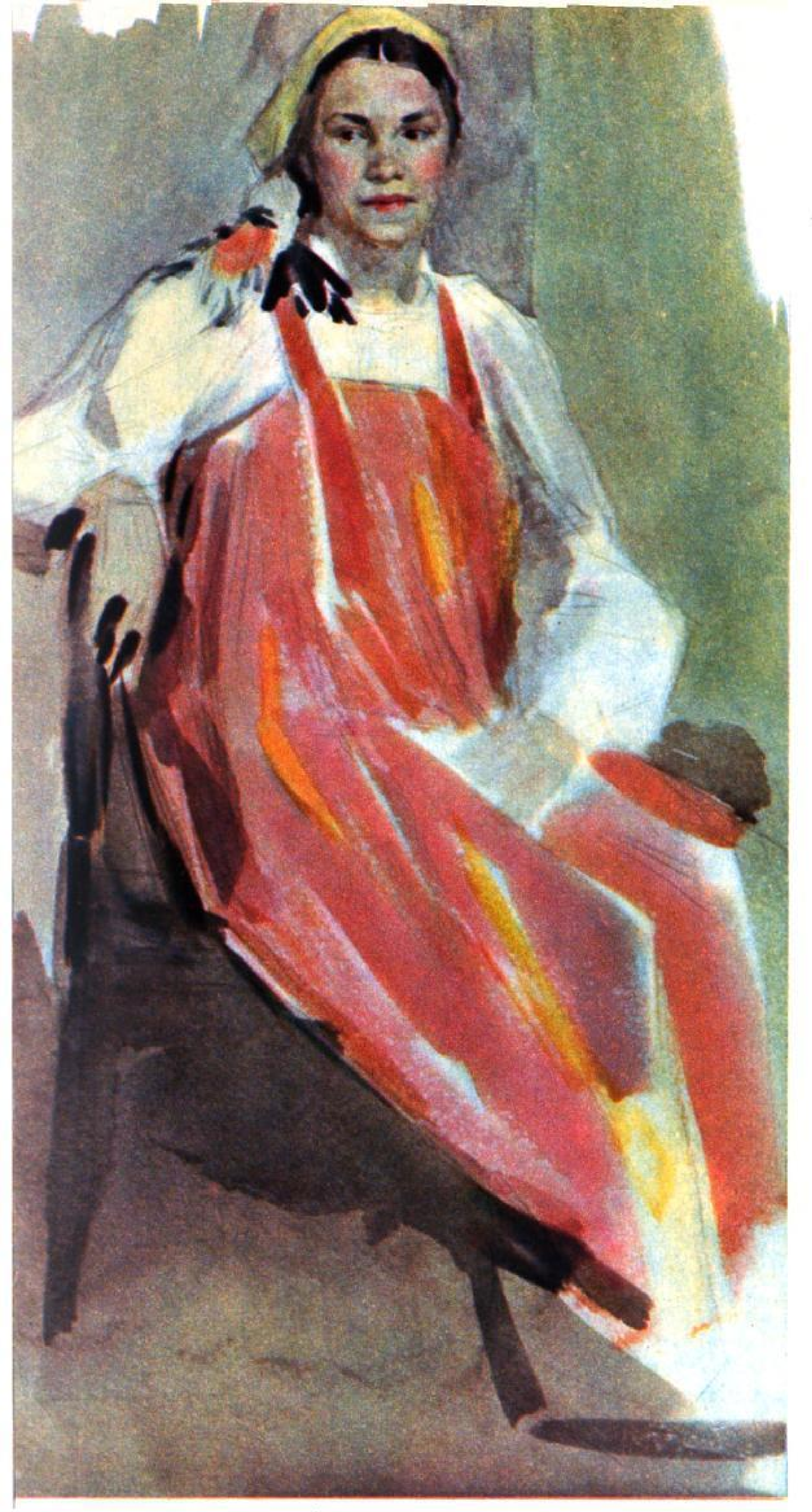
Все, что оставил нам Свешников,— это первые шаги молодого художника, только еще набиравшего силу для разбега по широкому и трудному пути творчества. Этот путь был начат смело и самобытно.

Что греха таить, многие молодые художники, чуть успев создать свое первое самостоятельное произведение, зачисляют себя в разряд «гениев», перестают работать над совершенствованием мастерства, теряют чувство требовательности к себе, к своему творчеству. У нас есть много примеров того, как после первой удачной вещи художник повторял в дальнейшем сам себя, повторял уже раз найденное им и неминуемо начинал топтаться на месте, теряя драгоценные качества, без которых немыслимо творчество: требовательность к себе, стремление достичь лучших результатов.

Необычайная требовательность к своему творчеству, неугасимое стремление идти вперед, личная скромность помогли Свешникову в короткий срок создать столь многое и так ярко. То, что успел сделать Владислав Андреевич, должно служить предметом широкого изучения и примером для художников, особенно для молодых.

На обсуждении выставки Свешникова выступал его товарищ по годам учебы в институте имени Репина Геннадий Шкловский. Благодаря его инициативе и энергии была организована эта выставка. Он рассказал собравшимся о своем товарище с искренней любовью, теплотой и волнением. Только человек широкой души и большого обаяния мог оставить по себе такое чувство дружбы, такую благодарную память в другом человеке!

Народный художник РСФСР
Н. ЖУКОВ.

Акварель.

Набросок.

Из иллюстраций к «Сказке о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина.

Живет Балда в поповом доме...

«...Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей».

Из подготовительных рисунков к роману А. Н. Толстого «Петр I». Слева: «В приказной избе». Справа: «Дьяк в приказной избе».

Три книги

Заметки писателя

Еще не закончилась публикованием автобиографическая трилогия Федора Гладкова, как вышли в свет три произведения, повествующие о давно минувшем детстве: «Березовый сок» Степана Щипачева, «Хуторок в степи» Валентина Катаева, «Заре навстречу» Вадима Кожевникова.

Обращение к прошлому не всегда означает, что автор приблизился к «мемуарному» возрасту. Толстой писал свое «Детство» в возрасте 23 лет. Герцен вспоминает в введении к «Былому и думам»: «Мне было лет двадцать пять, когда я начинал писать чтото вроде воспоминаний».

Дело, повидимому, не в возрасте, а в непреодолимой потребности художника осмыслить свое время. Но отстраниться от самого себя, увидеть себя в эпохе и эпоху в себе можно, только поднявшись на вершину творческой зрелости. Одним это удается раньше, другим позже, иным никогда.

В упомянутых произведениях Катаева, Кожевникова и Щипачева отражены примерно одни и те же годы: первые десятилетия нашего века. Другая точка соприкосновения — несомненный и сильный автобиографический элемент, особенно в повести С. Щипачева, которая временами впадает в жанр записок. Дальше идут различия. Три повествования — три общественные среды. Герои «Березового сока» — крестьяне. В романе Катаева мы встречаем те же две семьи, интеллигентскую и рабочую, которые действуют в повести «Белеет парус одинокий» и в романе «За власть Советов», сливающихся вместе с новым произведением в некую «сагу» о семьях Бачей и Черноиваненко. В повести Кожевникова изображены люди дореволюционной партийной среды, профессиональные революционеры, политические ссыльные — материал редкий в нашей художественной прозе.

Далеко отстоят друг от друга эти три произведения и по своим художественным приемам. Легкое акварельное письмо Щипачева, плотная живопись Катаева, обстоятельное психологическое повествование Кожевникова как бы демонстрируют безграничную, по существу, емкость реалистической манеры. Даже самые недостатки этих трех произведений резко разнятся друг от друга.

Что сразу же бросается в глаза, когда читаешь «Березовый сок»? Поразительный контраст между мрачной темой повести и ее светлыми красками. Поначалу это кажется необъяснимым.

Действительно, в повести преобладает прозрачная, воздушная и какая-то, я бы сказал, радостная образность. Даже не зная имени автора, можно было бы угадать руку поэта по тщательному отбору слов и заботе о звучании фразы. Фраза Щипачева легка, но устойчива, хорошо сбалансирована. Звучная и соразмерная, она течет естественно и непринужденно: «Проснулся я утром не от петушиного пения, как, бывало, в деревне, а от побудного гудка, от железного рёва, сотрясавшего воздух».

Сравните это с фразой из повести «Заре навстречу», где каждый образ хорош в отдельности, но, собранные вместе, они делают фразу грузной и вязкой, до духоты населенной эпитетами: «Из низкого кресла с кривыми, как у таксы, лапами, синий от усилий, вылезал аккуратный плешивый старичок и с достоинством кланялся».

Осуждая излишество образов, Чехов писал Бунину по поводу его рассказа «Сосны»: «...это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона...»

Щипачев хорошо знает, что выразительность достигается не количеством художественных деталей, а их емкостью. Потому именно так экономна и строга проза его, что детали ее всегда существенны, всегда несут большую нагрузку, и чувственную и идейную.

И вот перед нами этот странный контраст: темное, диковатое царство дореволюционной деревни и светлая, почти ликующая фактура повести.

Откуда это противоречие?

Может быть, потому так сладко вспоминать все это мрачное и мучительное, что знаешь, — оно не вернется? О наслаждении вспоминать говорит и сам автор: «Каким бы ни было детство — пусть даже тяжелым и горьким, — это светлая и милая сердцу пора».

Надо признать, что немногие отрадные моменты этой «светлой и милой сердцу поры» не в состоянии перекрыть нарисованные повестью ужасающие картины страшного быта: эти свадьбы, на которых по старинному варварскому обычаю гости во всеуслышание выкрикивают «самые срамные слова про жениха и невесту»; это пренебрежение к школе, куда крестьяне не посылали детей, ибо, как говорили, «сохе грамота не польза»; эта продажа посуды в обмен на кошек, которых продавец тут же душил «на шнурке и вешал вдоль грядки телеги», и многое и многое другое, столь же дикарски-отвратительное и бесчеловечное.

И самое страшное: убивают отца героя повести, убивают зверски «кольями и железными тростями». Известно, кто его убил, — «сыновья зажиточного старика Трофима». Но из повести не видно, чтобы у сына убитого или вообще у кого-нибудь в деревне это преступление возбудило естественную жажду справедливого возмездия.

Нет! Этот страшный уклад жизни не рождает ни в герое повести, ни в ком из его персонажей чувства протеста, желания бороться, опрокинуть чудовищный «идиотизм деревенской жизни».

Все несправедливости, издевательства, насилия воспринимаются покорно, как рок, как неотвратимая судьба.

И эти лучезарные краски еще больше оттеняют всю невыносимую тяжесть дореволюционного крестьянского бедняцкого быта, заставляют читателя негодовать, возмущаться, сжимать кулаки.

Если такова была цель автора, то он достиг ее. Но была ли она такова? Не случилось ли тут обратное: страшный жизненный материал попер против намерений автора, смял светлую гамму этих нежных акварельных красок и, помимо воли поэта, напитал едкой горечью березовый сок его воспоминаний.

В отличие от повести Щипачева в книгах Кожевникова и Катаева нет и тени этой безропотности. Обе они проникнуты духом борьбы.

В. Катаев — писатель резкий в чеховском понимании этого слова (Чехов говорил Бунину: «Вы резче меня»). Южная яркость ощущений свойственна всем его героям. Вероятно, живописная манера Катаева не была бы такой впечатляющей, если бы она не одухотворялась лиричностью, иронией и внутренним движением образа.

Обычно говорят о прозе Катаева, что художественные детали ее точны, свежи, осязаемы. Но, кажется мне, мало кто заметил основную их особенность: этот писатель не ограничивается внешней лепкой образа, а неукоснительно изображает и то действие, какое образ произвел в душевном мире героя.

Набросав портрет стамбульского гида, который патетически клянчит бакшиш, Катаев заключает эту насмешливую зарисовку словами: «Все это могло бы показаться обыкновенным шарлатанством, если бы не настоящее человеческое горе, светившееся в его испуганных каштановых глазах». Образ, казалось, рассчитанный поначалу только на эффект комический, вдруг повернут, углублен, наполнен волнующим чувством. И тотчас — отражение его в сознании героя: «Василий Петрович не выдержал, и в протянутую руку гида посыпалась последняя турецкая мелочь, которая нашлась в карманах Василия Петровича».

Запечатлев несколькими штрихами берега Босфора, как они видятся Пете, — «надмогильные столбики мусульманского кладбища, беспорядочно и косо белеющие между черными кипарисами, маково-красный флаг с полумесяцем над таможней или дерновые кронверки береговых батарей», — Катаев, применяя свой излюбленный прием, тут же обогащает зрительные впечатления мальчика душевным переживанием: «...вместе с острым любопытством Петя вдруг почувствовал мгновенный прилив никогда не испытанной им раньше острой тоски по родине...» Это соединение в одном образе видимого и переживаемого, человека и мира делает образ многосторонним, динамичным и глубоким.

Мне приходилось слышать мнение, что те эпизоды романа, где Петя отправляет письмо Ленину, выглядят наивно. Не берусь судить, насколько этот способ подпольной связи был распространен в дореволюционной партийной практике, но в романе он выглядит убедительно. Если тут и есть наивность, то такая, о которой Чехов писал в письме к О. Л. Книппер: «Осенью» Бунина сделано несвободной, напряженной рукой, во всяком случае купринское «В цирке» гораздо выше. «В цирке» — это свободная, наивная, талантливая вещь...»

Слово **н а и в н а я** здесь употреблено в положительном смысле, как противоположное надуманности, натужности, искусственности, от которых, кстати сказать, несвободны порой и некоторые произведения, слывущие мастерскими.

Движение, как мне кажется, составляет стихию прозы Катаева. Стремителен сюжет, динамичны образы, растут характеры. Люди не остаются равными себе на всем протяжении «Хуторка в степи». Растут не только мальчики Петя и Гаврик. Растет взрослый пожилой человек Василий Петрович, отец Пети. В начале романа «Он был просто добрым интеллигентным человеком, мыслящим, порядочным — что называется, «светлая личность», «идеалист». Он чурался «политики», даже самое слово это устрашало его. К концу романа он начинает испытывать «мучительное, безвыходное состояние доверчивого человека, который вдруг увидел, что его все время грубо обманывали... Он, в действительности, вместе со всеми своими прекрасными, возвышенными мыслями... был не более чем рабом, таким же самым рабом, как миллионы других русских людей — рабов церкви, государства и так называемого общества».

Есть заметное сходство в образе Василия Петровича с отцом Тимы из повести «Заре навстречу», Петром Григорьевичем Сапожковым. Тот же возвышенный строй души, доходящий до своеобразного героизма, при подчеркнутой жизненной непрактичности, доходящей порой до беспомощности. Даже в их манере выражаться есть что-то общее — та же интеллигентская интонация. Тут нельзя предполагать взаимно-

го влияния, поскольку оба произведения вышли почти одновременно. Родились ли эти пожилые близнецы потому, что Кожевников и Катаев прельстились одним и тем же подкупающим образом непрактичного, но чистого духом героя, или действительно у обоих художников была идентичная модель, но сходство между двумя отцами не могут разрушить даже их абсолютно несходные биографии.

Надо сказать, что образы детей выглядят в повести Кожевникова несравненно ярче, чем образы взрослых. Картины ночной рыбной ловли Тимы и Якова и того, как голодные мальчики подбирают мучную пыль, которую стряхивают с себя рабочие мельницы, сцена продажи Тимой веников на базаре, самый мыслительный процесс мальчика, рассуждения Тимы в форме внутреннего монолога о том, что такое мозг, и почему богатые мучают бедных, и какой у мамы замечательный голос, и т. д., — все это тонко и верно раскрывает детскую душу.

Но хоть взрослые в этой повести и не так выразительны, как дети, все же поэтический образ матери Тимы прелестен. Трогателен латыш Ян Витол, у которого поселился Тима. Иногда портрет дается одним штрихом, но столь метким, что человек встает, как живой: «Пояснения давал начальник эпидемического отряда, тучный подпоручик с застенчивыми вороватыми глазами».

Портреты — вообще сильное место Кожевникова. Описание действий уступает по выразительности характеристикам. Иногда мотивы поведения представляются неясными или спорными, как, например, в том эпизоде, где ушедшая от мужа Софья Александровна не встречается со своей дочерью, хотя имеет такую возможность и хочет этого.

Все в повести, что относится к изображению среды политкаторжан, ново, свежо и читается с увлечением. Но некоторые интересные образы показаны как-то скачкообразно, отрывочно. Жаль! Герцен писал по поводу «Былого и дум»: «...Я не хотел пожертвовать интересом, который имеет жизнь, искренно рассказанная, — целомудренной лжи и коварному умалчиванию».

Как досадуешь, когда повесть Кожевникова бросает Тиму и соскакивает на беллетризованную публицистику.

Какой каприз или просчет заставил автора надолго увести из повествования так хорошо начатый образ большевика Рыжикова? Вновь появившись, он до того обесцвечен, что читатель отказывается признать в нем героя, в которого он уже начал влюбляться. А как интересно можно было развернуть его «жизнь, искренно рассказанную» хотя бы на страницах, потраченных на описание шаблонизированного образа меньшевика Савича!

Пока произведение в рукописи, у него один хозяин — его автор. Но как только оно появляется на страницах печати, тотчас становится оно достоянием всеобщим. Когда появляется на свет Петя Бачей или Тима Сапожков, читатель чувствует себя обогащенным. И, наоборот, — обокраденным, когда вместо жизненной правды ему подставляют «целомудренную ложь и коварное умалчивание».

Лев СЛАВИН

На киностудии «Мосфильм» идут съемки фильма «Урок истории». Фото А. Новикова.

ФИЛЬМЫ ДВУХ СТРАН

И. ВЕРШИНИНА

«Производство киностудии «Мосфильм» и индийской фирмы «Найя-Сенсар», «Производство греческой фирмы «Анзервос» и советской...», «Производство французской фирмы...» — такие надписи скоро увидят советские кинозрители на афишах, анонсирующих новые фильмы.

С каждым днем советское искусство находит все больше почитателей и приверженцев за рубежами нашей страны. Известные иностранные фирмы за последнее время обращаются с предложениями о совместном создании кинофильмов.

Греческая фирма «Анзервос», фильм которой «Фальшивая монета» вышел сейчас на наши экраны, намечает привлечь наших киноработников к экранизации античной трагедии «Эдип» Софокла.

В Москве побывал один из крупнейших кинопромышленников Америки, мистер Майкл Тоод, владелец наиболее совершенной системы широкого экрана (особенность ее заключается в том, что фильмы, снятые по этому методу, можно демонстрировать и на широком и на обычном экране). Он приехал, чтобы договориться с советскими киноработниками о совместном производстве фильмов. И первый такой фильм он предложил посвятить советскому искусству: во время пребывания в Москве мистер Тоод знакомился с нашими балетом, оперой, драматическим театром, эстрадой, цирком, которые ему очень понравились.

Корейские писатели Ким Сын Гу, Се Ман Ир и советский писатель А. Первенцев заканчивают работу над сценарием фильма из жизни корейского народа. В начале этого года А. Первенцев и будущий постановщик фильма режиссер Московской студии имени М. Горького И. Лукинский побывали в Корее. Лукинский рассказывает:

— Мы были там свидетелями огромного трудового подъема всего народа, который буквально на пепелище, среди землянок, воздвигает многоэтажные дома, ведет огромные стройки. Тысячелетия насчитывает история Пхеньяна, много в нем было сооружено прекрасных памятников зодчества, но никогда этот город не знал такого масштаба строительства. В восстановлении своей страны участвует весь народ. 38-я параллель расколола не только территорию Кореи, но и многие семьи, и народ тяжело переживает эту трагедию. Судьба одной из множества таких семей, разделенных 38-й параллелью, находится в центре нашего фильма. Время действия — от первого дня после окончания войны до завершения восстановительных работ на Супхунской ГЭС: гидростанции в экономике Кореи играют очень большое значение, это отражено даже в гербе республики.

Мы покажем в фильме и труд специалистов из СССР и стран народной демократии, отдающих свои знания и опыт корейскому народу. После утверждения сценария мы в Корее проведем кинопробы актеров, выберем места натурных съемок с тем, чтобы вместе с корейскими кинематографистами начать работу над созданием фильма.

— Выключить свет!

Вслед за этой командой послышалось какое-то пощелкивание, и в павильоне воцарился полумрак. Кадр был отснят. «Еще один!» — произнес по-болгарски стоявший рядом с нами человек.

Мы познакомились. Это был Христо Писков, молодой болгарский кинорежиссер. В прошлом году он окончил московский Всесоюзный государственный институт кинематографии и сейчас участвует в создании фильма «Урок истории», который совместно снимают советская киностудия «Мосфильм» и болгарская студия художественных фильмов в Софии.

Картину ставит советский кинорежиссер Л. Арнштам, он же и автор сценария. Несколько лет назад режиссер задумал создать фильм о славной и героической жизни выдающегося деятеля международного рабочего движения Георгия Димитрова.

Одиннадцать тысяч страниц — десять томов стенограмм лейпцигского процесса — вот материал, который был положен в основу сценария. Арнштам незадолго до смерти Димитрова встретился и беседовал с ним, и эта короткая встреча прибавила немало новых страниц в сценарии. А после пребывания режиссера в Болгарии, знакомства и бесед с людьми, знавшими Димитрова и его семью, появилась и новая сюжетная линия, связанная с матерью Димитрова, с ее борьбой за судьбу сына. События развертываются в Берлине, Лейпциге, Париже, Лондоне, Копенгагене, Нью-Йорке. Фильм не ограничивается рамками инсценированного судебного процесса. Он рассказывает о рабочем классе Германии, о подпольной группе болгарских коммунистов, о борьбе прогрессивных сил мира против войны и фашизма.

Среди действующих лиц Эрнст Тельман, Максим Горький, Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Мартин Андерсен Нексе, Марсель Кашен. Среди действующих лиц и те, кто насаждает войну и фашизм, — немецкие капиталисты, немецкие нацисты. И, наконец, среди действующих лиц трудящиеся разных стран, выступившие в дни

лейпцигского процесса против фашистского произвола.

Роль Георгия Димитрова играет заслуженный артист Народной Республики Болгарии Стефан Савов. Мать Димитрова, Парашкеву, — старейшая болгарская актриса Цветана Арнаудова; в остальных ролях снимаются болгарские и советские артисты.

...Перерыв окончен. Христо Писков дает команду осветителям. Зашипели, словно брызнул кто-то водой на раскаленное железо, мощные прожекторы. Актеры встали на свои места, гримеры бесцеремонно, как манекенов, припудрили их, пригладили волосы. «Мотор!» — скомандовал режиссер. «Кадр 338!» — громко сказал Писков. Съемка продолжалась...

А неподалеку от угрюмой и торжественной декорации зала рейхстага — праздник красок, цветов, света: солнечная, яркая, цветущая Индия. Режиссер В. Пронин проводит пробы советских актеров для фильма «Путешествие Афанасия Никитина». Фильм снимают совместно киностудия «Мосфильм» и индийская фирма «Найя-Сенсар», которой принадлежит хорошо известная советскому зрителю кинокартина «Ганга». Индийские актеры уже подобраны. Чампу, девушку из индийской деревни, в которую влюблен Афанасий Никитин, будет играть Наргис — исполнительница главной женской роли в фильме «Бродяга», Сакарама — кукольника, впоследствии самого близкого друга Афанасия Никитина, — Балрадж Сани, известный у нас по фильму «Два бигха земли».

Исполнители были отобраны во время пребывания постановщика фильма В. Пронина и одного из сценаристов, М. Смирновой, зимой этого года в Индии, где совместно с известным индийским писателем Ахмадом Аббасом заканчивался сценарий о русском «торговом человеке» Афанасии Никитине, первом европейце, приплывшем в Индию.

Советские кинематографисты посетили места, где побывал Афанасий Никитин, — порт Чаул, тут он высадился, город Бидар, который так красочно описывает русский путешественник в своей книге, деревни, где он жил. Они беседовали с премьер-министром Неру, с литераторами и историками, с множеством простых людей Индии.

— Эти консультации, рассказы очень помогли нам, — говорит В. Пронин. — Признаться, без них мы не смогли бы даже взяться за дело. Много трудностей встречалось на нашем пути, некоторые уже устранены, надеемся совладать и с другими. Прежде всего надо было объединить в фильме разные взгляды, вкусы, выразительные приемы его авторов. Кроме того, у индийской кинематографии есть своя специфика. Там фильмы выпускаются значительно бо́льшие по объему, чем у нас. Если метраж наших фильмов не превышает 3 тысяч метров, то в Индии минимальный — 4 тысячи. Фильм там идет обычно весь вечер с 5—10-минутным перерывом. Индийский зритель очень любит песни и танцы и привык к тому, что они непременный компонент каждого фильма. Мы решили для индийского варианта, который будет озвучиваться на языке хинди, делать более длинный метраж, ввести специальные танцевальные эпизоды. Трудности у нас были и в работе над сюжетом. Нам хотелось показать любовь Афанасия Никитина к индийской девушке Чампе. Но после того, как в Индии похозяйничали колонизаторы, многие индийцы с предубеждением относятся к девушке, которая любит иностранца. И нас мучили сомнения, как же зритель отнесется тогда к нашим героям, не осудит ли их большое, чистое, целомудренное чувство...

Фильм снимается в двух вариантах — для широкого и простого экрана. В октябре советская съемочная группа должна выехать в Индию для натурных и частью павильонных съемок. Зимой съемки продолжатся в Москве, и в них примет участие вся объединенная съемочная группа, индийские актеры и музыканты.

Индийские кинематографисты, среди которых Наргис, Аббас, Радж Капур, радостно встретили на аэродроме сценаристку М. Н. Смирнову и режиссера В. М. Пронина (в центре).

Памятник Ингольфуру Арнарсону, первому поселенцу Исландии.

В ИСЛАНДИИ

Жан-Пьер ШАБРОЛЬ,
французский писатель

Произошло нечто необычайное: я побывал на огромной американской военной базе в Кефлавике. Это одна из самых больших, если не самая большая база НАТО. Приехал я туда в исландской полицейской автомашине в сопровождении самого начальника полиции Кефлавика.

Туманный Туле

Исландия с ее ста тремя тысячами квадратных километров — самый большой после Великобритании остров Европы. Греческий географ Пифей за четыре века до нашей эры назвал его Туманным Туле. В 864 году викинг Флоке наименовал его «Ледяной землей» — Исландией.

Страна насчитывает 160 тысяч жителей; здесь живет один из самых малочисленных народов Европы. Первые поселенцы обосновались в исландской пустыне, на земле вулканов и ледников, в 874 году. То были викинги, поднявшиеся против норвежского короля Гаральда Гаарфагра. И с тех пор на протяжении одиннадцати веков ничто: ни извержения вулканов, ни землетрясения, ни ледяная блокада, ни чума, ни английские пираты, ни голод, ни датское иго — не могло сломить поселенцев и их потомков. Викинги разбили свои палатки на том месте, где сейчас находится Рейкьявик, столица республики. За шестьдесят лет они сумели создать свое государство. Их законодательное собрание — альтинг — самый старинный в мире парламент.

Сколько неожиданностей и контрастов ожидало меня в этой стране! И к каждой такой загадке я получал ключ. Исландцы обычно владеют несколькими языками: исландским, датским, норвежским, английским, а нередко

и немецким. Повсюду мне с первой же встречи оказывали самый теплый прием. Не бывать бы счастью, да несчастье помогло: говорил я по-английски довольно неуверенно, и минуту спустя после знакомства меня уже не считали... американцем.

Интересная деталь: все здешние автомашины, «кадиллаки» и «студебеккеры», работают на советском бензине. Бензоколонки Шелла, «БП» или Мобиль-ойль отпускают только советское горючее. И даже автотранспорт находящихся в Кефлавике американских войск вынужден снабжаться... «красным бензином».

Исландский народ, отличающийся исключительным свободолюбием и на протяжении веков боровшийся против зависимости от Дании, не имеет ни армии, ни оружия. Чтобы купить здесь охотничье ружье, требуется изрядно походить по учреждениям, заручиться множеством всяких справок, в том числе удостоверением от врача, что ты в здравом рассудке. Как мне говорили, во всей стране сейчас сотня полицейских, и то невооруженных.

В 1955 году профсоюзы, которые здесь очень сильны, объявили стачку под лозунгом повышения жизненного уровня рабочих. Стачка длилась 6 недель. Рабочие заняли заводы и другие жизненно важные пункты. И вот руководители забастовки распределяли талоны на бензин всем, включая правительство и полицию. А в стране, где нет железных дорог и где все передвижение осуществляется по шоссе или по воздуху, горючее имеет особенно большое значение. Американские оккупанты были взбешены:

— Да здесь командуют коммунисты!

Под знаком «Американцы — домой!» прошли последние всеобщие выборы. Это было воспринято Уолл-стритом как пощечина, а маленький народ Исландии выдвинуло на авансцену мировой политики. Во время моего пребывания в Исландии обсуждалась возможность образования левого правительства. Накануне отъезда я пришел попрощаться с Эйнаром Олгейрссоном, председателем Единой социалистической партии Исландии, возникшей перед войной в результате слияния коммунистической партии с левым крылом социал-демократической партии.

— Избиратели, — объяснил он мне, — голосовали на выборах за те партии, которые требовали эвакуации американских войск из Исландии. Именно по этой причине консерваторы и потеряли большинство.

Он показал мне книгу. Это был сборник поэм 1944—1954 годов, навеянных борьбой за независимость страны. Эпиграфом к сборнику послужили первые строки очень древней поэмы, поэмы «далеких времен»:

Наша мать должна быть
свободна,
Как ветер в океане,
Как слова на языке поэта,
Как блуждающие огни в горах,
И не скована ничем другим,
Кроме льдов океана...

Молодая свобода

Когда после недельного пребывания в Исландии я очутился в огромном американском авиационном лагере, все показалось мне там нелепым, грубым, неуклюжим, я бы сказал даже, просто непристойным. В пятидесяти километрах от мирной исландской столицы — проволочные заграждения, реактивные истребители с крыльями в нейлоновых чехлах, глухое урчание военных грузовиков, кабачки «Бар-Рио». Все это грубо нарушает очарование Туманного Туле.

Этот укрепленный лагерь площадью свыше тридцати квадратных километров занимают под командованием бригадного генерала Уайта пять тысяч офицеров, инженеров и солдат.

Американцы собирались еще больше расширить аэродром, продолжить его до порта, который они задумали построить для своих надобностей. Решение исландского парламента, потребовавшего эвакуации иноземных войск, нарушило эти планы.

Сто шестьдесят тысяч граждан... Маленький народ мореходов, гордый своей культурой, своей родиной. И этот народ смотрит с достоинством и заслуженным превосходством на шумливых заокеанских вояк. У въезда на американский аэродром расположился пост исландской полиции. Надо было видеть, как безоружные полицейские останавливают выезжающий из ворот «кадиллак», который ведет подвыпивший капитан-янки. Капитана вежливо просят вылезть из машины: надо проверить, не везет ли он на черный рынок сигареты или спирт. Предлагают приподнять сиденье, осматривают машину и затем произносят: «Проезжайте!»

Американские военнослужащие не могут покидать лагерь без пропусков, выданных исландскими властями. Они имеют право оставаться в Рейкьявике до полуночи только раз в неделю — во вторник, то есть в тот день, когда по всей Исландии воспрещена продажа спиртных напитков.

Рейкьявик. Резиденция правительства.

Вековая мечта

Независимость — вековая мечта исландцев. Теперь она завоевана.

В 1264 году Исландия сделалась норвежским владением, впоследствии подпала под власть Дании. В 1602 году на территории страны утвердилась монополия торговых датских компаний. Беспрерывная борьба маленького народа за свою независимость, борьба, которой руководили люди, ныне глубоко почитаемые как национальные герои — Эйнарссон, Тораренсен, — дала свои результаты: в 1843 году был восстановлен альтинг. Его роль, однако, оставалась пока исключительно консультативной.

В 1854 году Исландия завоевывает для себя свободу торговли со всеми странами, в 1874-м добивается новой конституции, но все это только этапы борьбы. В 1885 году представители народа провозглашают в Тингведлире свое требование о полном отделении от Дании. И, наконец, «Акт Союза» от 30 ноября 1918 года оставляет за Данией только право представлять Исландию в международных делах. В «Акте» предусматривалось, что Исландия сохраняет за собой право начиная с 1940 года потребовать его отмены или пересмотра.

17 июня 1944 года, после народного плебисцита, в Рейкьявике была провозглашена независимая Исландская Республика. Все депутаты отправились в Тингведлир. Усевшись под проливным дождем на уступах из лавы, они провели первое заседание нового парламента на том самом месте, где некогда заседал альтинг их предков-викингов.

Временный десант «холодной войны»

Исландские писатели, поэты написали об этой вековой борьбе много хороших книг. Редко бывает, чтобы о ней не упомянули здесь в любом разговоре. Двенадцать лет — пора молодости свободы. Но уже с первых шагов исландцам пришлось встретиться с большими заботами. Морская война, которую вели гитлеровские пираты, причинила Исландии большие потери в людях и судах — торговых и рыбачьих. Однако когда в 1940 году явились англичане, чтобы в целях предупреждения немецкой оккупации обосноваться на острове, исландцы были не весьма довольны.

С тревожной оглядкой в июле 1941 года подписали они с США, которые тогда еще не вступили в войну, договор с очень четкими условиями: Америка обязуется обеспечить оборону Исландии, но эвакуировать свои войска, как только закончатся военные действия. Дело, однако, обернулось по-иному: руководители США воспылали большой страстью к районам Арктики и в особенности к этому острову, колоссальному естественному «авианосцу», расположенному на полпути между Нью-Йорком и Москвой. Вначале были выдвинуты как предлог «американские обязательства, вытекающие из факта оккупации побежденной Германии». И понятно, почему с такой силой выступало население Рейкьявйка против участия Исландии в НАТО, которое должно было бы увековечить иноземную оккупацию. Исландцы не забыли, что некоторые американские сенаторы предложили после войны просто-напросто аннексировать Исландию, не обращая особенного внимания на... «эскимосов». «Нью-Йорк американ джорнэл» от 26 июля 1945 года предлагала сделать то же, почтив Исландию званием «49-го штата США».

Во время патриотических выступлений в 1949 году в стране, где нет оружия и полицейские ходят невооруженными, в народ бросали слезоточивые бомбы. Консервативная партия была настолько мало уверена в возможности удержаться у власти легальными средствами, что создала свои собственные части для «поддержания порядка».

«Кадиллак» и «Победа»

Народ Исландии никогда не проявлял тяготения ко всякого рода антисоветским походам. Этот живущий посреди океана народ не чувствовал себя «атлантическим» в американском понимании этого слова. Он никогда не налагал запрета на торговлю с Востоком; наоборот, принципы дружбы и равноправия, последовательно проводимые Советским Союзом и странами народной демократии, побуждали исландцев расширять торговые отношения с ними. Число советских «Побед» и чехословацких «Шкод» все растет на улицах Рейкьявика.

Исландский правительственный статистический бюллетень сообщает интересные данные. За первые четыре месяца текущего года Исландия вывезла в СССР на сумму 68 914 тысяч крон, а в США — на 45 964 тысячи крон. За тот же период прошлого года стоимость вывоза составляла соответственно: 25 643 и 40 913 тысяч крон. Эти цифры в балансе внешней торговли Исландии наиболее значительные, так как СССР и Америка — главные ее партнеры. А внешняя торговля — вопрос жизни для этой страны.

«Неблагодарная страна»

Мы катили по дороге между Хабнарфьердур и Рейкьявиком. Шофер, глянув на часы, включил радио. Незадолго до того вышли в море на летнюю путину первые рыбачьи суда. И вдруг лица моих спутников засветились радостью. Информационный правительственный бюллетень сообщал, что первые донесения о ходе лова великолепны. Сидевшие в машине исландцы всю дорогу до столицы распевали песни. В Рейкьявике улыбался весь город.

Я видел и другое. Видел американских офицеров, которых обыскивали исландские полицейские. Видел, как американцы слушают по радио сообщения о нарастающем движении за удаление иностранных войск. Американцы бледнели, слушая это.

Сейчас, когда я дописываю этот краткий репортаж о полной своеобразия, волнующей Исландии, там создано новое правительство, провозгласившее программу мира. Но уже во время моего пребывания там чувствовалось, что американские «гости» теряют вкус к тому, чтобы обставлять последнее свои исландские квартиры. Я представляю себе примерное содержание писем, идущих в Америку:

«Дорогая, быть может, тебе все-таки не стоит приезжать сюда ко мне. Это было бы для тебя слишком долгим и утомительным путешествием, если учесть, что твое пребывание здесь может оказаться кратковременным. Исландия, в конечном счете, оказалась неблагодарной страной...»

ДОМНА-АВТОМАТ

Ал. ОЗЕРСКИЙ

Фото В. Скоробогатова.

— Пойдет! Не мешай!

И вот уже появлялся начальник смены, спешил за ним с руганью заместитель начальника цеха:

— Опять, Гурьянов, мудришь! Печь задергал! Долго ты будешь мучить домну? Запрещаю! Машинист! На площадку!

Машинист неуверенно поднимался на площадку. А в это время вагон плавно трогался, вся система приходила в движение.

Было...

Теперь тут все кажется простым, ясным. Шестиметровые зонды — металлические шесты, опущенные в печь сверху, точно показывают заданный уровень засыпи, например, два метра. Эти шесты, как разведчики, подают сигналы: выше уровня засыпь — автоматика стоит, точно на уровне — автоматика действует. Счет ведет машина.

Вот вагон ссыпал в скипы шихту. Идет к третьему бункеру за агломератом — машина считает. У третьего бункера реле выключает ход, воздушные тормоза сразу стопорят. Другое реле включает набор. За секунды из бункера ссыпается, скажем, семь тонн, стрелка весов на циферблате доходит до цифры 7, и реле отключает набор. Включается движение вагона к следующему бункеру...

Так набирается из десяти бункеров по заданной программе 25 тонн. Тем временем скипы также автоматически принимают и поднимают на колошники кокс. И так круг за кругом. Точно, без остановок и происшествий, без былых неожиданностей, которые до автоматики нарушали ровность хода печей.

...Кузнецкие домны поглощают десять поездов шихты за одни сутки. Несколько поездов на каждую — вот масштаб! И невозможно представить, сколько здесь, возле каждой домны, работало бы людей, если бы загрузка производилась вручную.

Но домны загружаются машинами, а при них люди — семеро в смене. И нигде нет еще домен, даже маленьких, которые «шли бы» сами собой, автоматически, без людей. Уж не фантазирует ли Василий Григорьевич Гурьянов, задумавший домну-автомат?

Первый раз мы встретились с ним в цехе. Он стоял на площадке у машинного зала и, задрав голову, неотрывно наблюдал за вершиной домны. На мое приветствие Гурьянов порывисто обернулся и быстро пожал руку:

— Одну минуту! Погодите!

Затем, закончив свои наблюдения, сразу заговорил, словно знал, о чем его спросят:

— Да, домна должна работать автоматически. Одна! Вне всякой зависимости от настроений людей. Домна — это химия, где главное — точность, пропорции во всем: во времени, в тепловом режиме, в наборе шихты, в загрузке, где работа на глазок, на вкус — архаизм, дикость! Как работают в подбункерном машинисты вагоновесов? Видели? Присмотритесь! Их труд самый напряженный. За три минуты надо набрать из разных бункеров шихту — двадцать пять тонн, затем за четыре секунды ссыпать ее в скипы и снова вести вагон по узкому коридору. И в секунды, учтите, в секунды, набирать шихту по программе: столько-то агломерата, руды, известняка... и все это делать точно, без ошибок, в строгой последовательности.

— Погодите-ка, Василий Григорьевич. Но ведь работают же всюду на вагоновесах машинисты!

— Да, работают! А в каких условиях? Сколько пыли в подбункерных! Мы увлажняем материалы, но все увлажнять нельзя! Да, есть и вентиляция. Но ведь тонны шихты ссыпаются из бункеров в карманы вагона каждую минуту! И хотя машинисты работают в смене вдвоем и меняются через час, разве не бывает так: одно забудет машинист, другое... Вдруг печь начинает разогреваться или холодеть. А знакомы ли вам расстройства печи: канальность, подвисание шихты? И невозможно тут винить мастера, машиниста. Я виню обстоятельства. Идемте в подбункерное, покажу!

Пошли. По железной лестнице спустились в тесное подземелье. Громадные бункеры с агломератом, коксом, рудами, мартеновским шлаком стояли здесь, образуя узкий коридор, в котором двигался по рельсам вагон с высоко приподнятой площадкой. Все здесь, казалось, в движении, и даже неподвижные бункеры будто качались от нетерпения, готовые немедленно раскрыть свои пасти и выдать многотонные порции. Все обволакивала густая темная пыль. Ее мог вынести отсюда лишь ураган, и никак не могли сделать этого мощные вентиляторы.

Помнится, было недавно так. Стоял на площадке вагона машинист. Он видел по приборам все, что делалось там, наверху, и двигал рычагами, водил свой вагон, набирал шихту. Он делал все как бы механически, не оборачиваясь, не глядя вниз, сберегая время и силы. Теперь на площадке машиниста не было. Вместо него в стеклянной кабине стоял ребристый многорукий робот. Он водил вагон, делал все точно, спокойно и, казалось, хитро подмигивал цветными глазками: робот отлично знал, когда, как и в какой последовательности все делать.

— Вот тут и есть начало домны-автомата,— объяснил Гурьянов.— Мы автоматизировали вагоновесы. Где машинист? Он пока наблюдает со стороны. Дело не только в рублях, не в экономии на заработной плате. Дело в миллионах рублей выгоды от точности работы автоматов, дело в дополнительном чугуне, наконец, дело в облегчении труда человека — а эта цель главная. И получилось так у нас, конечно, не сразу,— признался Василий Григорьевич.

Да, не сразу. Не сразу Гурьянов и его товарищи — электрики цеха — приступили к вагоновесам. Начали они с грохотов. Затем автоматизировали сортировку, погрузку кокса. Потом начались расчеты по автоматизации вагоновесов.

На Кузнецком комбинате не очень-то удивляются смелым новаторским предложениям: уже привыкли. И все же предложение Гурьянова — автоматизировать вагоновесы — смутило многих: домна не станок! Даже приятели подтрунивали:

— Брось ты мечтать о луне! Держись за землю! Не будь Дон-Кихотом! Ученые годами занимаются этим, а ты простой инженер...

Приятели при этом имели в виду, конечно, Уральский политехнический институт, там автоматизацией вагоновесов занимались давно и израсходовали на это не один миллион рублей. Представители министерства ставили в пример институт: там работу ведут последовательно и обстоятельно, а нетерпеливый Гурьянов хочет все с одного маху. Они даже советовали Василию Григорьевичу:

— Куда вы спешите? Займитесь пока хотя бы одним взвешиванием!..

Но Гурьянов не уклонился от своей линии и продолжал работы. Не специально, нет: на его руках все электрооборудование цеха, сложное хозяйство, за которым нужен постоянный присмотр. Свободное от работы время, выходные дни, минуты сравнительного затишья — вот пора раздумий и расчетов.

Гурьянов включил в свою автоматику много раз испытанную аппаратуру: реле, контакторы,— а фотоэлементы пока отклонил. Пришлось придумывать главное: разум всей системы — счетно-решающее устройство, реверсивный импульсный контроллер. Затем строились электровоздушные подъемники и другие узлы с таким расчетом, чтобы одновременно машинисту можно было управлять вагоном: на всякий случай.

Были промахи в расчетах, ошибки в программах включений. Были горькие неудачи.

Один раз вагон вышел из повиновения и с грузом заскочил в тупик, что на самой вершине домны. Пришлось остановить печь.

↓Слева направо: старший горновой домны № 1 П. В. Инютин, инженер В. Г. Гурьянов и мастер печи № 1 А. Д. Поспелов.

В другой раз «взбунтовались» вагоновесы и отправились путешествовать в подбункерное соседней домны, произошло столкновение. А то вдруг не отключился набор агломерата из бункера: засыпало пути; пришлось снова останавливать печь. Потом в стенгазете появился рисунок: Гурьянов, утопая в агломерате, толкает вагон плечом.

И если бы только стенная газета! Ошибки Гурьянова обсуждались на собраниях. Слушали изобретателя и на партийном бюро... Сколько было резких слов критики, сколько было предупреждений! Секретарь партбюро цеха Калибердин, например, откровенно называл Гурьянова очковтирателем и обманщиком. Мастер Зекцер прозвал всю автоматику на вагоне бутафорией. И даже передовые машинисты вагоновесов Кондратьев и Шашков не верили.

— Никогда не научится ваша автоматика работать по секундам! — говорили они.

А кое-кто пророчил, что Гурьянова в конце концов изгонят из цеха за нарушения графика, за срывы производства.

Василий Григорьевич Гурьянов.

Бывало и так.

Вдруг замирала автоматика. Гурьянов спешил в подбункерное, поднимался на площадку вагона. Через минуту в подбункерное прибегал дежурный машинист.

— Василий Григорьевич! Уровень засыпи в печи уходит! Мастер ругается, сказал, чтобы я...

— Не волнуйся! Сейчас пойдет!

Было, все было... Теперь электрики цеха автоматизируют вагоновесы других домен. Много гостей можно здесь встретить из Москвы, Магнитогорска, Запорожья, Днепродзержинска. Узнав об автоматике, они приезжают в Кузнецк и с недоверием глядят на работу домны, а затем завороженно наблюдают безотказную службу всей системы, изучают документацию. А уезжая, признаются:

— Мы думали, что у вас это только разговоры, а у вас дело!

А что дальше?

Автоматизация домны продолжается. На очереди регулировка хода печи, воздухонагреватели.

Гурьянов убежден, что и работа кауперов — воздухонагревателей — зависит от вкусов и настроений газовщиков.

Воздухонагреватели дают для дутья горячий воздух, раскаленный до 800—900 градусов. Каждый каупер — это гора, чуть пониже самой домны. В нем целый городок клеток из огнеупора — насадки. «Соты» эти разогреваются газовым пламенем «до белого каления», потом через их воздуходувки подают воздух на дутье, и пока он проходит сквозь раскаленные ячейки, сам становится горячим. Один каупер дает дутье, другие разогреваются.

И вот такая технология, принятая повсеместно, не нравится Гурьянову. Не нравятся ему колебания в режиме нагрева каупера, в температуре дутья: в первое время каупер дает воздух высокой температуры, а потом остывает. Снижается температура дутья, а значит, и производительность печи. Такая технология, когда каупер, нагревается в два раза дольше, чем работает, кажется устаревшей.

Гурьянов убежден, что кауперы можно разогревать в два раза быстрее, — значит, можно чаще их переключать на дутье, температуру воздуха держать на уровне 900—950 градусов, а в итоге выше производительность, больше чугуна.

Вот цель. Десятки механизмов, обслуживающих воздухонагреватели каждой домны, управляются одной машиной. Вся система строится на принципе контроля тепла и времени: роль зондов здесь будут выполнять термопары, от них к машине и пойдут сигналы. Она будет знать все: как идет нагрев насадок, готов ли каупер, какая температура дутья... И эта вторая машина уже построена, испытана, результаты отличные.

Гурьянов объяснял:

— Понимаете, тут все и сложно и просто. Ведь как нагреваются кауперы? Смесью газа и воздуха. Бывают смеси богатые, бывают бедные, ну, как в моторе автомашины. И тут наши газовщики делают каждый по-своему. Один — опытнее, смелее, ловчее, что ли, другой — поосторожнее: оплавить насадки — это, знаете, не шутка! Наша умная машина все будет делать по точным сигналам. Она будет вести свое огневое дело, как говорится, на верхнем пределе! Без участия газовщиков и мастеров. Домны пойдут без мастеров, и это хорошо, потому что мастера допускают мастеровщину. Одному кажется, что домна остывает, другой все поворачивает наоборот; один снимает рудную шихту, другой — только известняк. И от такой мастеровщины, представьте, только потери и убытки.

— Послушайте-ка, Василий Григорьевич! Вы забыли литейный двор, горновых.

— О, нет! Не забыл. На литейном еще непочатый край дел. Но там все просто. Канавы для чугуна сделает комбайн. Электробур, который подтаскивают к летке всей артелью, будет двигаться сам. Может быть, в первое время у горна установят дежурство и наблюдение за машинами...

И Гурьянов добавил, улыбнувшись:

— Да, домна-автомат — мечта реальная. И мы ее осуществим. А без мечты, знаете, скучно жить.

МОЛОКО

А. НОВИКОВ

Знаете ли вы, что летом Москва потребляет в сутки до двух с половиной тысяч тонн молочных продуктов?

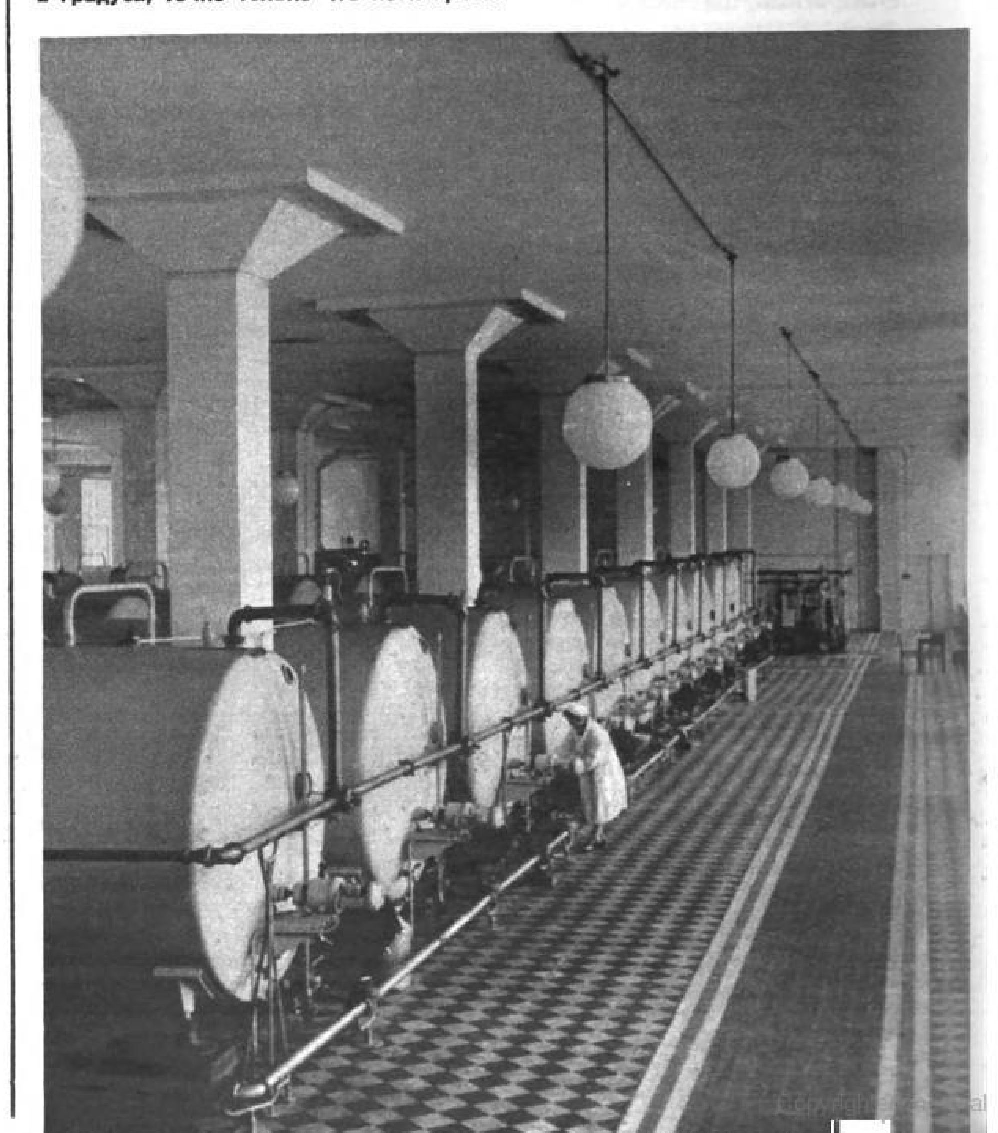
Эти «молочные реки» стекаются к столице из колхозов и совхозов Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Калининской, Липецкой и Владимирской областей.

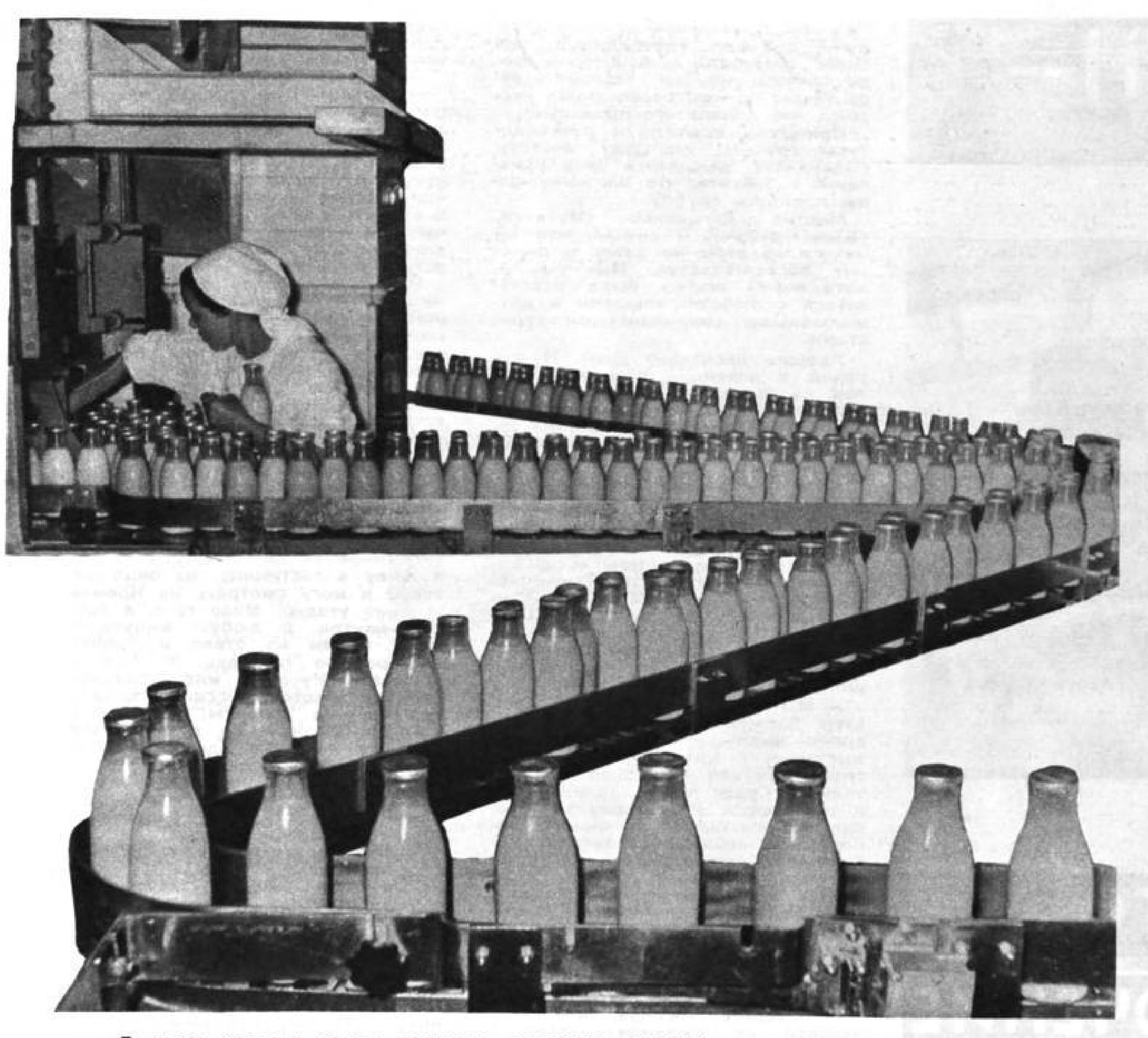
В железнодорожных и автоцистернах, в вагонах-ледниках, на речных катерах совершает свой путь молоко к Москве. Каждый москвич может засвидетельствовать, что никогда еще столица не снабжалась так бесперебойно одним из самых любимых и полезных пищевых продуктов, как в нынешнем году.

Расстояние от «истоков» до «устья» — от фермы до обеденного стола — молочный поток покрывает не более чем за сутки, а во многих случаях и всего лишь за несколько часов. Не менее пятой части этого потока поступает в ясли и детские сады.

...Цистерны пришли на Останкинский комбинат. Дальнейший путь молока, покуда оно не будет разлито по бутылкам, недоступен нашему взору: за ним наблюдают приборы.

Из приемного отделения молоко подается насосами в аппаратный цех. Здесь оно очищается от механических загрязнений, пастеризуется. То нагреваясь, то охлаждаясь, молоко устремляется из аппарата в аппарат, покуда не попадет в цех разлива. Конечная температура его — плюс 2 градуса, точно только что из погреба.

В цехе разлива стоят сложные агрегаты, каждый из которых наполняет и закупоривает 12 тысяч бутылок в час. Если в горлышке бутылки есть какие-либо дефекты, машина не нальет туда молока.

Останкинский комбинат ежесуточно выпускает более двухсот тонн молока в бутылках. В обороте находится более 6 миллионов бутылок. Кстати, при лучшей организации торговой сети их могло бы быть меньше. Но, главное, они могли бы быть... бумажными. Это доставило бы большую радость хозяйкам: легче носить и не надо сдавать. За чем же задержка? Машиностроительная промышленность пока не может наладить выпуск автоматов, изготовляющих бумажные бутылки.

Один из первых утренних звонков в наших квартирах — звонок молочницы. Не так давно, открывая двери, вы видели женщину, нагруженную тяжелыми бидонами. Переливая жидкость иной раз с подозрительно синим оттенком, она что-то бурчала по поводу цены и качества сена. С весны этого года иными стали московские молочницы. Вместо бидонов у них металлические сетки с бутылками. Вы видите одну из таких молочниц на улице в ранний утренний час.

Молоко продается повсюду, даже на таких оживленных магистралях, как улица Горького. Идя на работу или с работы, вы всегда можете купить бутылку молока.

Молоко есть и на Тишинском рынке. Преимущество рынка в том, что открывается он в семь часов утра, а не в восемь. Но, как видите, любителей рыночного молока стало не так уж много...→

РОБЕРТСОН — ЭТО ИСКЛЮЧЕНИЕ

Мы получили задание редакции рассказать об иностранных туристах в Москве. Несколько дней с утра до вечера мы ездили по городу: фотографировали французов, знакомились с итальянцами, интервьюировали бельгийцев.

Корреспондентов туристы встречают приветливо: охотно дают интервью, сами много расспрашивают о жизни в СССР.

Как-то раз мы познакомились с группой американских туристов — владельцев провинциальных газет США. Они уже побывали в Ленинграде и Киеве и именно в этот день прибыли в Москву, намереваясь провести здесь около недели.

Они охотно согласились, чтобы два корреспондента «Огонька» сопровождали их в первой поездке по городу, а также по сельскохозяйственной и промышленной выставкам.

Двенадцать пожилых и средних лет леди и джентльменов заняли свои места в обширном, почти целиком стеклянном интуристском автобусе. Девушка-переводчица взяла в руки микрофон, и осмотр города начался.

В общем, это были туристы как туристы — с записными книжечками, которые поминутно вытаскивались из карманов или сумочек, с фотоаппаратами на животах, значками на лацканах пиджаков. Они задавали многочисленные вопросы и по просьбе экскурсовода покорно поворачивали головы вправо и влево. Многие из них очень быстро подружились с нами, расспрашивали о советских газетах, вручали визитные карточки, просили сфотографироваться вместе на память.

Только один человек ничем не интересовался, ничего не переспрашивал. У него не было фотоаппарата, а записную книжку он вынимал, только когда мы проезжали либо мимо старенького дома, либо мимо очереди возле магазина. Высокий, прямой блондин, одетый аккуратнее других, он сидел на своем месте, уставившись прямо перед собой. Как-то так получалось, что всякий раз, когда все рассаживались в автобусе, он оказывался один на скамье.

На площади против Моссовета американцев окружили приветливые прохожие. Одна из туристок отошла на несколько шагов в сторону, чтобы сфотографировать всю группу. Робертсон — так звали высокого блондина — бросился к ней, что-то сказал, и она поспешно возвратилась к остальным.

В другой раз он резко крикнул президенту издательской компании, который увлекся разговором с нами:

— Мистер Дин, не мешайте, смотрите по сторонам!

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Робертсон совсем не задавал вопросов. Мы проезжали мимо здания университета на Ленинских горах.

— Скажите,— обратилась к экскурсоводу пожилая дама,— есть ли в здешнем университете иностранные студенты?

— Конечно.

Дама очень удивилась и на всякий случай переспросила:

— Я имею в виду студентов из других стран, а не с Украины или, например, из Узбекистана.

— В Московском университете учатся студенты из Китая, из Франции, из Норвегии, из Индии и из многих других стран,— снова ответила переводчица.

Одиннадцать вечных ручек коснулись одиннадцати записных книжек.

Тогда вмешался двенадцатый пассажир.

— Назовите точную цифру студентов-французов,— мрачно потребовал Робертсон.

— К сожалению, этого я не знаю,— ответила переводчица.

— Назовите точную цифру студентов-норвежцев,— снова раздался тот же голос.

— Я же говорю, что сейчас не знаю точно, но могу выяснить сегодня же в университете и сказать вам.

Робертсон обвел всех торжествующим взглядом, как бы говоря: «Вы видите, как вас надувают!» — и скрипуче засмеялся...

Нам показалась забавной поза Робертсона, когда он напряженно всматривался сквозь стекло автобуса в постового милиционера, и мы навели на американца объектив фотоаппарата. Он немедленно повернулся к нам затылком. Всякий раз, как аппарат направлялся на группу американцев, он отскакивал, как ужаленный, и чувствовал себя спокойно только вне поля зрения объектива. А однажды, когда неудобно было отскочить, он закрыл лицо руками и медленно, со злобой произнес:

— Прошу меня не фотографировать!

Наконец, на ВСХВ к нам подошла переводчица и сказала: мистер Робертсон только что ей выразил свое недовольство тем, что два корреспондента сопровождают группу туристов.

Мы опешили: не может быть! Переводчица, видимо, ошиблась! Человек, приехавший в нашу страну с добрыми намерениями, тем более газетчик, в некотором роде коллега, не мог позволить себе такое. Но нет, переводчица уверена, что поняла его правильно.

Пришлось подойти к руководителю группы, плотному мистеру Дальквисту, высказать свое удивление и заявить, что мы вынуждены покинуть группу.

Мистер Дальквист смутился, развел руками и сказал, что он ничего об этом не знает и выяснит обстоятельства. Мы уехали, хотя очень жалко было расставаться с любознательными и дружелюбными американскими туристами.

Прошло несколько дней. И вот утром в редакции раздается звонок из гостиницы «Москва». Нам сообщают, что несколько американских туристов очень хотели бы видеть корреспондентов журнала «Огонек» сегодня в 19 часов в 323-м номере гостиницы.

Мы ответили согласием и ровно в 7 вечера были в условленном месте. Нас ждали три человека: мистер Дальквист — руководитель группы, издатель газеты «Сиф ривер фоллс таймс» в штате Миннесота; владелец газеты «Стар трибюн» в городе Чатаме мистер Престон Мозес и мистер Герман Дин — президент издательской компании «Стандард принтинг энд паблишинг» в Западной Виргинии.

— Мы очень рады,— сказал мистер Дальквист,— что вы нашли время выслушать нас. Тогда, на выставке, я ничего не мог ответить, так как не знал обстоятельств. Сразу после вашего ухода я подошел к Робертсону и спросил, действительно ли он говорил подобные вещи переводчику. Робертсон подтвердил. Я сообщил об этом всем своим друзьям, и на другое утро мы, собравшись все вместе, попросили, чтобы Робертсон оставил нас и не считал себя больше членом нашей туристской группы...

Дальквист помолчал немного, чувствовалось, как он волнуется.

— Поверьте, господа, что этот человек не выражает взглядов других членов группы. Он не выражает и взглядов большинства американцев. Среди нас это — просто досадное исключение. Я вам скажу больше: никто из нас не знает его. Он присоединился к нашей группе в Осло, сказав, что является владельцем газеты, которую приобрел некоторое время тому назад. Но ведь быть владельцем газеты еще не значит быть газетчиком. Мистер Робертсон не газетчик в душе... Прошу поверить, что нам стыдно за нашего соотечественника.

— Нам особенно стыдно еще и оттого,— тихо добавил г-н Дин,— что за все время пребывания в СССР мы не слышали ни одного враждебного слова в наш адрес...

Признаться, насколько удручены мы были случаем с Робертсоном, настолько радостно было слышать искренние слова трех американцев, видеть их огорчение, сознавать, что таких, как Робертсон, мало в США, что по таким нельзя составлять свое мнение о нации.

Разговор наш продолжался. В нем больше не фигурировало имя высокого прямого блондина: мы, не сговариваясь, решили забыть о нем. Мы беседовали о том, о чем могут беседовать граждане двух великих стран при дружеской встрече.

— У нас разные политические системы, но у нас одинаковые человеческие сердца, которые хотят дружбы,— сказал президент издательской компании.

— Что же мешает дружбе?

— Мешает предубеждение,— решительно ответил Престон Мозес,— мешает незнание друг друга. Перед поездкой в Советский Союз я был уверен, что русские ненавидят каждого американца, что русские не пустят нас к себе в страну, а если и пустят, то ничего не покажут, что в России я должен буду опасаться каждого встречного...

И вот я приехал сюда. Вместо нищеты и подавленности, о которой мне говорили, я вижу бурную, полную жизнь. У вас есть трудности, это безусловно, вы не так обеспечены товарами и продуктами, как мы, но это вопрос нескольких лет. Каждый, кого я встречал здесь,— будь то прохожий на улице, шофер автобуса или продавщица мороженого,— все были искренни и приветливы.

Мне говорили перед поездкой,— смеется Мозес: — «Кремль?!. Они близко вас не подпустят к Кремлю! Красная площадь?! Они даже фотоснимков ее не покажут!» И вот я живу в гостинице, из окна которой я могу смотреть на Кремль сколько угодно. Мало того, я был там внутри. В любую минуту я могу выйти из отеля и пройти на Красную площадь. Я был в Мавзолее. Русские мне показали все, что я хотел, русские отвечали мне на все вопросы, которые я задавал. Должен ли я опасаться каждого человека здесь? Чепуха! Советские люди приветливы, гостеприимны. Единственное, чего они хотят,— это, чтобы я получше узнал их страну... От предубеждения не осталось и следа!

— Кто же виноват в таком предубеждении?

Все трое немного задумались, потом ответили: «Холодная война».

После паузы Дальквист добавил:

— Может быть, еще инструкции...

— ???

— Да, инструкции, те, что мы получили перед поездкой.

И тут мы многое поняли. Каждый американский турист перед поездкой в СССР тщательно инструктируется. Он должен опасаться преследований, опасаться похищений, опасаться разговоров с прохожими, опасаться знакомств, не оставлять даму без охраны, по крайней мере, двух мужчин. Опасаться, опасаться, опасаться...

— Кто же распространяет подобные инструкции?

— Отчасти госдепартамент, отчасти туристское бюро...

Видя наше удивление, Дальквист смущенно улыбается, а Мозес говорит:

— Вы знаете, что я приехал в Россию со своей дочерью. Я очень хорошо запомнил инструкцию о том, что женщин в Советском Союзе нельзя оставлять без охраны. И вот однажды, когда я фотографировал Кремль, к моей дочери — она ждала меня невдалеке — подошли два молодых человека. Я замер. Повидимому, именно сейчас произойдет то страшное, что предусмотрено в инструкции. Но получилось что-то непонятное: моя дочь и русские парни разговорились, а потом пошли гулять. Да, да, гулять! Скажу вам откровенно, я очень волновался. Но дочь вернулась в гостиницу радостная, в восторге от галантности своих новых друзей...

Мозес улыбается:

— В тот вечер я окончательно поверил в сосуществование...

Еще долго длился этот разговор, эпиграфом к которому можно поставить слова Дина: «У нас разные политические системы, но одинаковые человеческие сердца».

Не надо думать, что мы ни о чем не спорили и во всем друг с другом согласились, ибо нам не нравится капитализм, а наши американские коллеги не являются поклонниками социализма. Но беседовали мы дружески и расстались, как друзья.

Поднимаясь из-за стола, Дальквист просит разрешения описать в своей газете эту встречу. Мы соглашаемся и говорим, что читателям «Огонька» тоже было бы интересно прочесть о ней.

— Конечно, конечно,— говорит мистер Дальквист.— Только об одном мы хотим просить вас: расскажите обо всем так, чтобы ваши читатели поняли главное: Робертсон — это исключение!

Мы обещали выполнить эту просьбу.

Г. БОРОВИК
Ю. СЕМЕНОВ

Мистер У. Дальквист.

Мистер П. Мозес.

Мистер Г. Дин.

«Илья Муромец»

На наших вкладках печатаются кадры кинокартины «Илья Муромец», работа над которой подходит сейчас к концу. Это интересный опыт создания фильма по мотивам русского народного эпоса, попытка показать на экране богатырские образы древней Руси, ее быт и культуру. Необычность сюжета фильма, его масштабность усиливаются тем, что это и первый широкоэкранный художественный фильм с применением стереофонического звука, создающий большие возможности и для киноработников и для исполнителей.

Со школьной скамьи многим из нас полюбились чудесные образы народных сказаний о могучих русских людях, обладавших легендарной силой,— Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче. Именно их изобразил на рубеже XIX—XX веков великий русский художник В. Васнецов в своей знамени-

Артист Б. Андреев в роли Ильи Муромца.

Впереди русской дружины три богатыря: Илья Муромец (Б. Андреев), Добрыня Никитич (Ю. Демин) и Алеша Попович (С. Столяров).

той картине «Богатыри», ставшей своеобразным символом мощи нашего народа. В залах Третьяковской галереи это полотно неизменно привлекает зрителей. А теперь чудесные дела славных воителей за свободную и сильную Русь развернутся перед глазами зрителей в наших кинозалах.

Создатели нового фильма — режиссер А. Птушко, уже обращавшийся с успехом к сказочным сюжетам, сценарист М. Кочнев, операторы Ф. Проворов и Ю. Кун, художники Е. Куманьков, Е. Свидетелев. Но и на долю работников многочисленных цехов студии «Мосфильм» выпало немало трудов. Пожалуй, никогда еще не требовались такие сложнейшие комбинированные съемки, такое обилие трюков, такие массовые баталии и, главное, такое сочетание реальных лиц и событий с фантастическими образами легенд. В съемках принимали участие «чудища», которые создавались здесь же, в студии, вроде Идолища, Соловья-разбойника, Змея-Горыныча, Лиха Одноглазого.

Съемки фильма проводились и вне павильона, на натуре — в Крыму, а также в Молотовской области, где на берегу Камы выросло былинное село Карачарово, по преданию, место, где родился Илья Муромец.

Е. КОЛЕСНИЧЕНКО

Артистка Н. Мышкова в роли Василисы.

Илья Муромец и Василиса смотрят на приближающийся караван.

Первая плавка выдана

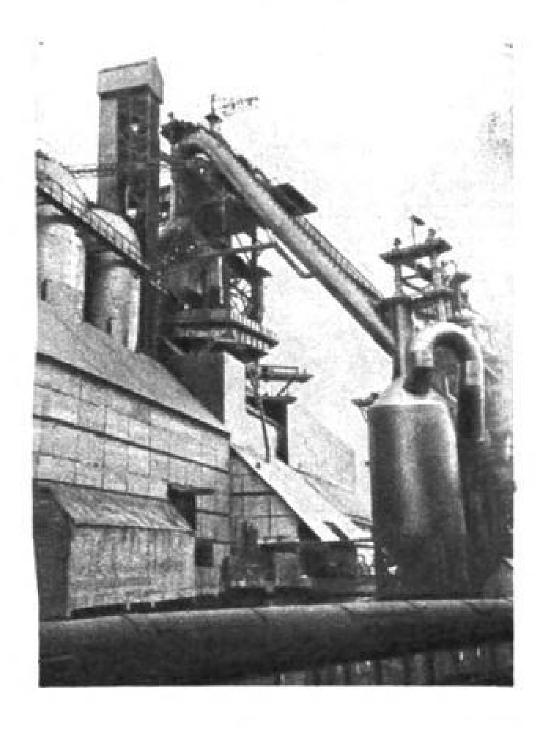

Фото М. Волынского.

На Металлургическом заводе имени Дзержинского задута новая мощная доменная печь № 12 полезным объемом в 1 386 кубометров, построенная коллективами треста «Дзержинскстрой» и 14 специализированными организациями. Новый агрегат сооружен за рекордно короткое время — менее чем за шесть месяцев.

В комплекс новой печи входят три воздухонагревателя, блок пылеуловителей, узел газоочистки, вагон-весы, литейный двор, трубопроводы и разветвленная сеть железных дорог и различных подземных коммуникаций.

На строительстве доменной печи широко применялись последние достижения науки и техники, были внедрены десятки предложений новаторов, что позволило сэкономить сотни тысяч рублей.

Сооружение домны явилось большой школой домностроения. Здесь побывали делегации многих металлургических заводов и строительных организаций страны, а также предприятий стран народной демократии. Здесь же прошли производственную практику более тридцати специалистов Китайской Народной Республики.

Новая доменная печь оборудована сложной автоматикой для регулирования всех технологических процессов. Высокая стойкость колошникового устройства позволит поднимать давление газа под колошником до полутора атмосфер—почти в два раза больше, чем на действующих печах. На горне установлена мощная пушка новой конструкции, которая обеспечит закрывание чугунной летки на полном ходу, не снижая давления газа. Усовершенствованы и другие узлы, а рабочие места оборудованы мощными вентиляционными установками, что оздоровит условия труда.

29 августа на печи выдана первая плавка чугуна. Заводские экономисты подсчитали, что благодаря досрочному пуску новой домны народное хозяйство нашей страны получит дополнительно почти триста тысяч тонн чугуна.

Инженер А. ЯЛОВОЙ

ЭЛЕКТРОПОЕЗД НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

В шестой пятилетке будет построена электрифицированная железнодорожная линия от Сухуми, Закавказской дороги, до Туапсе, Северо-Кавказской. Сейчас на этом участке главной курортной линии с двух сторон ведутся большие работы.

Уже сдан в постоянную эксплуатацию 32-километровый участок от Сухуми до Гудауты. Теперь между этими станциями, расположенными на побережье Черного моря, курсирует пассажирский электропоезд. Скоро пойдут здесь и грузовые поезда на электротяге.

Фото Б. Аксельрада.

Кинорассказ Йоргоса Дзавелласа

«Фальшивая монета». Гравер Анаргир — артист Василис Логофетидис — дает фальшивую лиру нищему — артисту Мимису Фотопулосу.

Несколько лет назад в одном из греческих журналов появился небольшой рассказ Йоргоса Дзавелласа. Это была история «иногда грустная, иногда веселая, а подчас драматическая» о том, как бедняк-гравер сделал однажды фальшивую золотую лиру. Долго гуляла она по свету, попадая в руки разных людей. Автор, став позднее кинорежиссером, создал на основе своего рассказа фильм, который с большим успехом прошел в Греции. На днях в Москве состоялась премьера этой первой греческой картины, показанной на советских экранах. На премьеру прибыли Йоргос Дзавеллас, молодая актриса Элли Ламбети, участвовавшая уже во многих фильмах, и продюсер кинофирмы «Анзервос» Йоргос Зервос.

Йоргос Дзавеллас — прогрессивный художник Греции, охотно рассказал о своей работе в кино.

Не без основания Йоргос Дзавеллас считает, что «основной его жанр — современная комедия». Он говорит: «Параллельно с работой театрального драматурга я поставил по своим сценариям уже восемь художественных картин. И почти в каждой из них юмор сплетается с грустью, с раздумьями о жизни, а герои — простые труженики».

Из рассказа гостей мы узнали, что киностудия «Анзервос», выпустившая фильм «Фальшивая монета», одна из крупных в Греции. Всего в стране восемь частных киностудий, выпускают они около 20 картин в год. Реалистические отечественные фильмы — драмы, комедии — пользуются у греческих зрителей большим успехом. Однако подавляющую часть находящихся в прокате фильмов составляют американские и французские. Играющий в «Фальшивой монете» роль наивного чудака-гравера Василис Логофетидис — один из лучших греческих комиков, глава театральной труппы.

Йоргос Дзавеллас с благодарностью отметил удачный, как он считает, дубляж «Фальшивой монеты» на русском языке.

— Прежде я с недоверием относился к дублированным картинам и считал, что перевод никогда не передает красочности языка оригинала. Но тщательная творческая работа режиссера Андриевского и актеров киностудии имени Горького переубедила меня. Успех картины в Советском Союзе,— заканчивает свой рассказ Йоргос Дзавеллас, — воодушевил меня. По возвращении домой я с новыми силами продолжу работу над сценарием для следующего своего фильма. О чем? Это пока моя творческая тайна.

Н. КОЛЕСНИКОВА

Гости «Огонька»

Недавно редакцию нашего журнала посетил известный австралийский писатель Фрэнк Харди, рассказы которого публиковались в «Огоньке».

Фрэнк Харди поделился с работниками редакции своими творческими планами.

Фрэнк ХАРДИ.

Фото Г. Санько.

Смерч под Москвой

Дерево, поломанное смерчем.

Фото автора.

Холодная, пасмурная и дождливая погода в конце лета в центральных областях Европейской части СССР сменилась 25 августа резким потеплением. В Москве, например, 24 августа было только 14 градусов, а на следующий день 25. От обилия влаги в воздухе было душно. Сильно парило.

Уже после полудня появились грозовые облака. Особенно сильная гроза, с ураганным ветром и крупным градом, разразилась западнее Москвы. А над станцией Голицыно, Калининской железной дороги, пронесся смерч, повалывший вековые деревья.

Очевидцы рассказывают, что около 19 часов на юге показалась огромная мрачная туча с очень высокой вершиной и низким основанием пепельного цвета. На краю тучи было ясно видно хаотическое движение облаков, свисавших почти до земли. Налетела гроза, ветер усилился до бури. Ливень, град, ураган свели дневной свет до мрака. Все это продолжалось несколько минут. Но какие разрушения причинены лесу! Смерч проложил просеку шириной 100—200 метров и длиной около 3 километров. Повалены и сломлены сотни деревьев. Части деревьев, обломанных не у корня, а выше, отброшены от стволов на многие метры. Толщина отдельных «пострадавших» стволов достигает 60—80 сантиметров. Такова была сила ветра.

Теория зарождения смерчей еще полна неясностей. Это — явление редкое. Появляется смерч внезапно и так же внезапно исчезает. Скорость вращения воздуха в смерче колоссальна — 50—100 метров в секунду и более. Вот почему так велики разрушения, причиняемые смерчем.

Сильные грозы наблюдаются каждый год, а смерчи случаются очень редко, и продолжительность их существования невелика. Это говорит о том, что для образования смерча нужно исключительно бурное состояние атмосферы. Такие условия и создались 25 августа, когда теплые и влажные массы воздуха с юга стали вытесняться холодным морским воздухом из западных районов нашей страны.

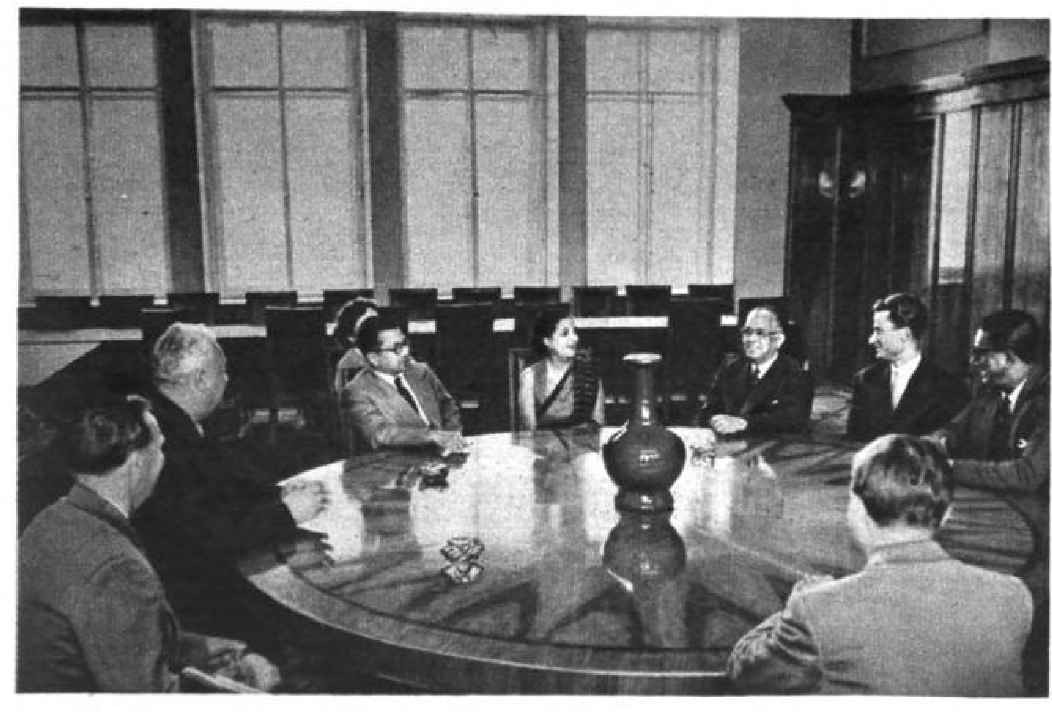
Н. КОЛОБКОВ

В районе Киевского вокзала, возле строящейся гостиницы «Украина», возводится новый цельносварной мост через Москву-реку.

На снимке: строительство Ново-Арбатского моста.

Фото Дм. Бальтерманца.

Правительственная делегация Цейлона, прибывшая в Советский Союз, закончила переговоры об установлении дипломатических, экономических и культурных связей между двумя странами. Делегация во главе с Верховным комиссаром Цейлона в Англии сэром Клодом Корea была принята Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым, Министром Иностранных Дел СССР Д. Т. Шепиловым.

«Наша работа в Москве,— заявил сэр Клод Корea,— закончилась более чем удовлетворительно».

Цейлонские гости осмотрели Москву и совершили поездку по стране.

На снимке: делегация Цейлона в кабинете ректора МГУ.

Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

XII ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА НАЧАЛАСЬ

В Центральном шахматном клубе закончил свою работу конгресс ФИДЭ. Президент Ф. Рогард заметно устал: ведь он не пропускает ни одного совещания или заседания комиссий и подкомиссий, на которых выступает на трех языках — на английском, немецком и французском.

Портреты М. И. Чигорина, А. А. Алехина, М. М. Ботвинника и 16 других гроссмейстеров в Центральном шахматном клубе напоминают о славном прошлом и настоящем русского и советского шахматного искусства. Теперь к этим портретам прибавился портрет Виктора Корчного. Ему конгресс ФИДЭ присвоил звание международного гроссмейстера.

Пока участники конгресса заседали, совещались и, конечно, «банкетировали», в Москву со всех концов земного шара съезжались гости.

Из Голландии, Швейцарии, Австрии приехали пораньше: надо отдохнуть от «долгого» пути. Как утомительно двое суток добираться в Москву! Узнав, что Москва не конец Советской страны, некоторые гости заметили: «Хорошо, что Олимпиада проводится в Москве, а не во Владивостоке!»

«Москва — огромный город,— говорят англичане У. Фейрхерст и Г. Голомбек,— и трудно сказать, где больше автомобильное движение — в Лондоне или в Москве». «Я лично не подсчитывал,— отвечаю старым друзьям,— но, во всяком случае, московские пешеходы молодцы, что при таком развитии автотранспорта не попадают под машины, тем более, что звуковые сигналы запрещены».

Москвичи теперь на любой улице встречаются с многочисленными иностранными делегациями, туристами из разных стран, слышат многоязычную речь. В ресторанах, например, всюду зарубежные гости — это, видимо, и есть то, что американцы называют «железным занавесом».

К тысячам иностранных туристов и делегатам в эти дни присоединились шахматисты 33 стран. В лучших гостиницах поселились шахматные «олимпийцы». Создан целый штаб переводчиков. Представители Израиля шутят: «На нас советские организации могут сэкономить на переводчике. Четверо из нас говорят, а двое хорошо понимают по-русски». Есть шахматисты, как, например, Г. Пильник или Г. Штальберг, которые говорят на нескольких языках. Но есть и такие, которые знают русский язык, однако не так хорошо, чтобы облегчить разговоры с русскими друзьями. Конечно, слова «икра» и «водка» знают, пожалуй, во всем мире. Но приходится кушать и менее «известные» блюда. Один из заокеанских гостей заказал в ресторане такое блюдо: «зверь, который кладет яйца». Только с помощью переводчика удалось выяснить, что наш гость хотел заказать... обыкновенную курицу!

На торжественном открытии Олимпиады президент ФИДЭ Ф. Рогард заявил: «Начинается величайшая демонстрация шахматного искусства, величайшая демонстрация дружбы».

И вот на сцене великолепного ЦТСА на 68 шахматных столиках расставлены новые шахматные фигуры, специально заказанные к этому соревнованию. Борьба началась.

Большинство участников турнира приезжает на автомобилях или в автобусах, кроме М. Ботвинника, который предпочитает перед партией прогуляться пешком.

Здание театра украшено 34 флагами. Кроме здания ООН или стадиона Олимпийских игр, такое солидное международное содружество не часто увидишь.

Здание Центрального шахматного клуба СССР.

Фото Г. Санько.

На улице у здания театра еще нет толпы, да и зал пока не переполнен. Ведь идут только полуфинальные игры, шахматная душа болельщика пока спокойна. Для ведущих команд, таких, как СССР, Аргентина, Югославия,— это лишь репетиция к решающим боям.

В первый день команда СССР встретилась с шведами. М. Ботвинник выигрывал у гроссмейстера Г. Штальберга и раньше; нынешняя победа его была принята как явление вполне закономерное. Все же выигрыш нашей команды у Швеции со счетом 3 : 1 кое-кого разочаровал. Почему у В. Смыслова и Д. Бронштейна только ничьи? Но эти болельщики забывают, что и не такого сюрприза можно ожидать от любого участника этого парада сильнейших шахматистов мира.

С наибольшим интересом зрители следили за игрой «дебютантов» — за шахматистами Индии, Монголии, Ирана, Филиппин... Первые же туры подтвердили, что шутить нельзя ни с одной из команд.

Шахматисты Индии привыкли играть по своим правилам, по которым, например, нельзя рокироваться. Это одна из причин, почему Индия поздно включилась в международную шахматную жизнь.

Довольно озабоченный вид был у аргентинских гроссмейстеров М. Найдорфа и О. Панно во встрече с командой Индии. О. Панно попал в сильнейший цейтнот и имел тяжелую позицию. Жаль, что из-за досадных ошибок индийские мастера под конец растеряли свои хорошие шансы.

Шахматисты Монголии выиграли у французов 2,5 : 1,5 — прекрасный дебют!

Немецкий мастер Р. Фукс поздравил своего противника, иранского шахматиста А. Лотфи, с победой. «Неплохо в Иране играют в шахматы»,— сказал, улыбаясь, немецкий мастер.

Соревнование только еще началось, и, видимо, множество неожиданностей впереди.

* * *

Даже на фоне такого крупнейшего события, как XII Олимпиада, нельзя забывать и о первенстве мира среди женщин.

Там в течение восьми туров москвички Е. Быкова и О. Рубцова заметно «обижали» ленинградку Л. Руденко. Разве это хорошо?

С. ФЛОР

С успехом, друзья!

На школьных площадках, сельских и городских стадионах несколько миллионов спортсменов боролось за право участвовать в Москве на традиционной III Спартакиаде учащихся страны. Это внушительный резерв «большого» спорта! На Спартакиаде было установлено 7 всесоюзных юношеских рекордов. Командное первенство завоевали москвичи. На втором месте спортсмены Российской Федерации, на третьем — Украины.

Фото А. Бочинина, Н. Волкова и Б. Светланова.

Болгарские школьники проездом из «Артека» на родину побывали на Спартакиаде.

И. Тер-Ованесян дальше всех прыгнул в длину — 7 метров 37 сантиметров.

Московские спортсмены Н. Клейменова, К. Петрин и Н. Соловьева с переходящим призом, завоеванным их командой.

Школьница из Туапсе С. Юрьева завоевала первенство в плавании на дистанции 400 метров вольным стилем.

Чешский спортсмен В. Кынос, участвовавший в Спартакиаде вне конкурса, показал лучший результат в беге на 100 метров — 10,9 секунды. На снимке: победитель со своими новыми друзьями. Слева направо: Т. Китсинг (Эстония), В. Суханов (Белоруссия), В. Кынос (Чехословакия), Е. Гетман и О. Валк (РСФСР).

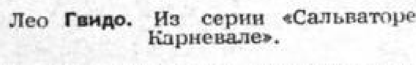

Художники-репортеры

Ренцо **Веспиньяни.** Из испанского альбома 1955 года.

Лео **Гвидо.** Из серии «Сальваторе Карневале».

Уго **Аттарди.** Шахтеры.

Уго **Аттарди.** Партизанка.

Уго **Аттарди.** Уличные музыканты.

Несколько лет назад известный итальянский кинорежиссер Витторио де Сика предложил художникам написать картину на сюжет какого-либо факта, запечатленного кинохроникой. Его предложение, поддержанное прогрессивным сценаристом Дзаваттини, было как бы вызовом мастерам изобразительного искусства, которые явно отставали от кино, обратившегося к событиям дня. Идея де Сика была подхвачена сразу многими итальянскими художниками. Так возникла выставка под названием «Факт хроники», организованная в июле 1955 года профсоюзом римских хроникеров и получившая горячее одобрение публики.

Среди представленных художниками работ были такие произведения, как драматически трактованное полотно «Спасение на Тибре» Аттарди, получившее премию. Талантливый молодой живописец Уго Аттарди много работает и в графике. Часто читатели журналов «Лаворо», «Мондо», «Ринашита» с интересом рассматривают его репортажные рисунки, в которых находят отражение события дня.

«Партизанка»... Этот рисунок был выполнен Аттарди к 10-летию освобождения Италии от фашизма. Быстрыми и уверенными линиями, смелыми штрихами передает художник открытое лицо девушки с устремленным вперед взглядом и решительно сжатыми губами, с волосами, небрежно откинутыми на плечи. Вся она олицетворение героини движения Сопротивления.

Репортажный рисунок, иллюстрация к злободневной статье, композиция, посвященная какому-либо значительному событию или знаменательной дате, завоевывают все больше прав на жизнь в современном искусстве Италии.

Вскрыть сущность события, показать его в истинном свете стремится в своих произведениях молодой художник Лео Гвидо. Художественная общественность, давая оценку персональной выставке Гвидо, признала его «репортером действительности».

Когда в Сицилии «маффией» было совершено убийство секретаря профсоюза, молодого социалиста Сальваторе Карневале, Гвидо, земляк Карневале, сразу же отзывается на это событие, потрясшее Италию. В нескольких рисунках художник изображает это предательское убийство из-за угла. Высокий драматизм сочетается здесь с документальной точностью.

Доменико Пурификато ко Дню «женщины-матери в защиту мира» создает монументальное полотно «Сбор подписей под Воззванием мира». Большой размер картины, изображение людей в натуральную величину, умелое использование цветовых сочетаний характерны для всех произведений Пурификато. Художник показывает рынок, где идет сбор подписей под Воззванием мира: пестрая толпа женщин, их зеленые, голубые, белые, розовые платья, яркие тона фруктов,— все создает здесь впечатление жизненной полноты, мирной радости. Эту радость мирной жизни женщины хотят защитить от невзгод войны. Несмотря на большой размер полотна, фигурам будто тесно, они толпятся, загораживают друг друга — отсюда впечатление большой массы людей. Пурификато показывает, как много их и как торопятся все подписаться под Воззванием.

Распространенной формой стали путевые зарисовки художников. Характерны работы такого рода, выполненные Трекани во время его поездки в Китай. Интересно, что в этих рисунках проявляются и характерные черты китайского национального рисунка: легкость, лаконичность формы, меткость изображения.

А вот рисунки Ренцо Веспиньяни, которые он сделал во время поездки по Испании в 1955 году. Толедо. Внизу листа зарисовка старинного города, в верхней части даны фигуры двух крестьянок. Одна из них быстро обернулась, и ее настороженный взгляд поймал художник. Рядом старая крестьянка с характерным профилем опущенного скорбного лица. И в этих рисунках проявляется национальный характер искусства, в данном случае испанского.

Эти произведения итальянских «неореалистов» не фотография, не сухой репортаж, а целенаправленные «рассказы» людей, с острым интересом наблюдающих жизнь.

Е. ХЕРСОНСКАЯ

МОШЕННИК И ТУНЕЯДЕЦ

РАЗОБЛАЧЕН

Недавно работниками службы борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (СБХСС) Управления МВД г. Москвы был задержан некий А. Е. Кукин. Фотокорреспондент «Огонька» Е. ТИХАНОВ сделал ряд снимков, на которых запечатлен ход разоблачения отъявленного мошенника.

Редакция обратилась к начальнику СБХСС тов. Б. ГРИШИНУ с просьбой рассказать читателям «Огонька» об этом деле.

А. Е. Кукин (слева), задержанный с поличным в сберкассе, когда он получал выигрыши по 17 облигациям.

Еще в 1947 году сотрудники милиции на Перовском рынке заметили человека, который скупал облигации государственных займов. Среди завсегдатаев рынка он был известен под кличкой «Агроном» и действовал весьма осторожно. Когда «Агронома» задержали, он успел выбросить свой портфель с находившимися в нем облигациями на 120 тысяч рублей, а затем категорически отрицал, что портфель и деньги принадлежат ему. После этого «Агроном» исчез из поля зрения сотрудников милиции. Вновь обнаружить его удалось лишь спустя девять лет в подмосковном городе Костино.

«Агроном» с Перовского рынка оказался Александром Евграфовичем Кукиным, владельцем комфортабельной дачи, купленной незадолго перед тем за 280 тысяч рублей, и двух легковых автомобилей — «ЗИМ» и «Победа». Хорошие дачи были приобретены Кукиным для сына и дочери.

Александр Евграфович и впрямь числился агрономом в колхозе «Память Ильича», Мытищинского района. Но отнюдь не трудодни, заработанные в колхозе, служили источником его благосостояния. Регулярно совершая своего рода турне по сберкассам, он получал там выигрыши по облигациям государственных займов. В нескольких сберкассах и в двух отделениях Госбанка на имя А. Е. Кукина и членов его семьи были открыты текущие счета на общую сумму в сотни тысяч рублей. При обыске на даче в Костино обнаружены облигации на несколько миллионов.

Как выяснилось на следствии, мошенник, скрывавшийся под маской колхозного агронома, систематически, начиная с 1947 года, скупал облигации займов по пониженным ценам. Эти спекулятивные операции гарантировали Кукину постоянный доход от выигрышей по тиражам не менее чем по пятьсот тысяч рублей в год. Обманывая государство, нарушая законы, он непрестанно обогащался, пытаясь возродить в нашем советском обществе тип тунеядца — рантье и биржевого дельца.

Для честных людей облигации являются формой трудовых сбережений и помощи государству, а для мошенника Кукина они стали средством паразитического существования.

Скоро А. Е. Кукин и его сообщники предстанут перед судом. Можно не сомневаться, что все они понесут заслуженную кару. Но из дела Кукина следует извлечь серьезные уроки многим, и прежде всего нам самим, работникам милиции. Совершенно непростительно, что девять лет назад мошеннику удалось замести следы и уйти от ответственности. Будь наши работники более настойчивыми в своих поисках, они, несомненно, напали бы на след мошенника значительно раньше.

Беспечным выглядит и поведение тех, кто изо дня в день сталкивался с А. Е. Кукиным в повседневной жизни: его соседей по месту жительства, его сослуживцев по работе.

На протяжении почти пяти лет Кукин работал главным агрономом в Мытищинском районном отделе сельского хозяйства. Почему же никто из руководителей района не интересовался тем, на какие средства живет этот человек, владелец великолепной дачи и двух автомашин? Странно, что ни у кого не вызвал подозрений образ жизни Кукина, столь необычный для рядового колхозного агронома. Не сумели по-настоящему приглядеться к Кукину и в соседнем, Пушкинском районе, где он также несколько лет подряд владел прекрасной дачей с богатым фруктовым садом.

Дело А. Е. Кукина, мошенника и тунеядца, умело замаскировавшегося под труженика, всех нас учит бдительности.

В одном из уголков дома А. Е. Кукина. Украшения на стенах дают представление о вкусах и моральном уровне хозяина.

Супруга Александра Евграфовича Клавдия Прокофьевна пытается сохранить хорошую мину при плохой игре.

После долгих поисков в сарае под грудой досок был обнаружен тайник. Там хранились чемоданы с облигациями. Вот сколько этих чемоданов!

Подсчет облигаций занял немало времени.

Так начались гастроли

Ник. ХАРЬКОВ

Рисунки К. РОТОВА.

Среди прочих разнообразных черт, из которых в целом гармонично слагался весьма симпатичный облик Ивана Степановича, наиболее сильно была развита одна: он самозабвенно любил прекрасное искусство театра. Любил так, что нашел в себе мужество давно уже наотрез отказаться от ликеро-водочных соблазнов, а вслед за тем и табачных изделий, только бы отложить лишний рубль на театральный билет. Даже Марья Васильевна — очень строгий домашний казначей — под влиянием влюбленного в театр мужа стала не то чтобы заядлой театралкой, но не ворчала и не упрекала мужа, когда он торжественно возвещал, словно о выигрыше:

— Манечка, в субботу идем в театр! Вот билетики.

Можете себе представить, что было с Иваном Степановичем, когда по городу расклеили анонсы о приезде к ним известного театра и об открытии гастролей спектаклем «Воскресение»? Целыми вечерами он просиживал над романом Льва Толстого. Перечитал дважды от корки до корки со вступительной статьей, примечаниями, разночтениями и библиографическим указателем. Три раза видел во сне Катюшу Маслову и даже вступил в жаркий диспут с князем Нехлюдовым. Диспут на самом интересном месте был прерван: Марья Васильевна толкнула в бок мужа и спросонья прокомментировала:

— Начитаешься до одури и кричишь, как оглашенный, спокоя от тебя нет!

И вот объявлена продажа билетов! Иван Степанович после долгого стояния в очереди достиг наконец заветного окошечка театральной кассы. Но каково же было его огорчение, когда на «Воскресение» оказался только одинединственный билет. Почти все билеты на гастрольные спектакли были разосланы в «персональных» конвертиках, а для публичной продажи остались только крохи. Ничего не поделаешь, Иван Степанович ухватился и за этот единственный билетик! Второй же билет — и опять-таки единственный! — ему предложили на современную комедию «Ошибка председателя райисполкома».

Иван Степанович явился домой с двумя разными билетами. Порешили с женой тянуть жребий. Фортуна улыбнулась Ивану Степановичу: ему вышло «Воскресение». Марья Васильевна, сама требовавшая вначале беспристрастного жребия, теперь как-то криво поджала губы и скосила глаза. Но счастливый Иван Степанович этой мины не заметил и вновь ухватился за роман.

Как на грех, именно в день спектакля на Ивана Степановича нахлынули спешные, безотлагательные служебные дела. Пришлось прямо с работы, не пивши, не евши, почти бегом устремиться в театр.

В зрительный зал он влетел в тот торжественный момент, когда огромные люстры начали медленно гаснуть, источая последние лучи света и постепенно погружая зрителей в таинственную, волнующую темноту. Мягко раздвинулся занавес, и началось...

Вот тут-то именно и началось! На сцене у телефона сидела молодая вертлявая женщина с папироской в зубах и энергично кричала в телефонную трубку:

— Председателя райисполкома нет! Что? Сегодня неприемный день! Что? Это говорит личная его секретарша. Запишитесь на прием. В очередь! Все!

Рядом стоял кругленький, пухленький мужчина с удилищем в руках и одобрительно кивал секретарше:

— Правильно! Они полагают, что председателю райисполкома только и заботы, что принимать посетителей? Сегодня суббота! День рыбакова! Ну, значит, я пошел...

Иван Степанович сначала, с разбега-то, ничего не понимал. Затем кое-как уяснил, что речь идет о каком-то председателе райисполкома, которого, как известно, не найдешь ни в одном произведении Льва Николаевича Толстого. Иван Степанович встрепенулся, будто его укололи в бок. Взглянул на билет, посмотрел на сцену, оглядел соседей, опять поднес билет к близоруким глазам. На билете было ясно отштамповано: «Воскресение».

— Извините, — шепнул он соседу, — сегодня ведь «Воскресение»?

— Гм... кажется, среда, — ответил сосед, — впрочем, ей-богу, точно не помню.

— Чш-ш-ш...— зашикали на них сзади.

— Простите, сегодня же «Воскресение»? — не успокоился Иван Степанович и повернулся к соседке.

— Мне безразлично. Хоть пятница, — холодно отрезала соседка. — Что за манера заговаривать с незнакомой женщиной?

— Чш-ш-ш!.. — опять зашипели со всех сторон.

Страшное волнение охватило Ивана Степановича. Теперь-то он уж не помнит, как это случилось. Нервы, что ли, не выдержали? Он вдруг привстал, поднял руку с билетом и, оглядываясь во все стороны, возбужденно забормотал:

— Сегодня же «Воскресение»? Где же «Воскресение»? Где?..

В публике зловеще зашикали. Кто-то сердито крикнул:

— Уведите пьяного!

Возникла сумятица. Мягко по ковровым дорожкам спешили к месту происшествия билетеры. А Иван Степанович, ровно в забытьи, все бормотал: «Сегодня же «Воскресение»!» — и тыкал билетом во все стороны. Его вывели из зала.

— Нехорошо, гражданин! Просто даже неприлично, — отечески выговаривал старый, седоусый билетер, ведя Ивана Степановича под руку. — Не могли воздержаться. За это могут взыскать. В театре и в нетрезвом виде...

В вестибюле Ивана Степановича бережно передали дежурному милиционеру.

А в это время...

В это самое время за кулисами театра, в дальней комнате вокруг дивана полукругом стояли, скорбно склонив головы, директор театра, председатель райисполкома, администратор, личная секретарша, врач в белом халате и какой-то рыбак в тельняшке. На диване лежал князь Нехлюдов. Собственно, это были только бренные останки князя. Его сюртук и белые перчатки валялись на полу. Парик с завитками на висках мок в тарелке, залитой коньяком. Пожилой дежурный пожарный всей тяжестью тела привалег на княжьи плечи, а второй молодой пожарный сидел верхом на княжеских ногах. Тем не менее князь дергался, сотрясая живой груз двух пожарных и кричал:

— Не-э-эт... Я буду игр-р-рать!.. Нас-с-с...сцен-ну...у-у!

— Вася, успокойся, голубчик,— тоскливо умоляла личная секретарша, смачивая княжьи виски нашатырем.

— Васюта, уймись, — ласково бормотал председатель райисполкома. — Собери разум! Ведь вместе пили, а я... смотри. Хоть бы хны! Ведь сделали замену. Мы уже начали «Ошибку председателя райисполкома».

— К черту председателя!.. — изрыгал Василий Иванович Чванов-Перелейкин. — Я го-го-тов! Я в фор-р-ме!.. Идите вы...

Из подкрашенных уст премьера труппы непрерывно извергалась гнусная «словесность».

— Н-да-с, состояние полнейшей невменяемости, — как бы извиняясь за пьяного, констатировал доктор.

— О-о-ох! — сокрушенно вздохнул директор. — Теперь на неделю репертуар поломает.

— Сегодняшняя замена влетит нам в копеечку, — заворчал администратор. — Мыслимо ли перед самым спектаклем экспромтом объявлять замену? Многие возвратили билеты.

— Вот именно, только что начали гастроли, и уже экспромт! — почесал за ухом директор.

— А сколько еще этих экспромтов будет? — озадаченно шептал администратор. — За минувший сезон из-за него двенадцать перемен было. Подсчитано — сорок шесть тысяч убытку!

— Ах, тише вы! — замахала руками личная секретарша, она же супруга Чванова-Перелейкина. — Это талант! Он единственный! Он с искрой божьей!..

— Начинаем второе действие! На выход! — выпалил помощник режиссера, приоткрыв дверь.

Все вышли из комнаты, поручив пожарникам «побыть около больного», который вдруг захрапел так, что тонкая пустая рюмка на столе зазвенела.

— Гм, нечего сказать, больной! — иронически скривил губы молодой пожарный, растирая себе бок. — А, по-нашему, просто, извиняюсь, пьяница плюс хулиган...

— Ну и ладно, — пробасил усатый пожарный, опрокидывая пустую бутылку. — Помалкивай в тряпочку.

— Как это в тряпочку? — не унимался молодой. — Он меня два раза в бок ногой ударил. Матершину от него целый час слушали. Слыхал, от его характера сколько тысяч убытку? За такое судить надо!

— Молод еще рассуждать! — басил усатый, разминая папиросу. — Перед тобой кто? А?.. Василий Чванов-Перелейкин!.. Знаменитость! Премьер называется.

В кино его снимают. Звание на нем! Величается «любимец публики».

— Посмотрела бы сейчас публика на этого любимца. Тьфу! — плюнул молодой и с отвращением отошел к окну.

А в это время...

В это самое время Иван Степанович шел из милиции, молча стиснув зубы и нервно вздрагивая. Идти надо было мимо театра. У театра он приостановился. На дверях висел плакат.

— «Сегодня перемена»...— читал Иван Степанович. — «По болезни... вместо «Воскресения» идет «Ошибка председателя райисполкома»... Нежелающие... возвратить билеты по месту покупки»...

Буквы запрыгали в глазах. Стало зябко. Пересохло во рту. Иван Степанович поплелся домой.

Дома было темно и тихо. Иван Степанович повернул выключатель. В комнате был беспорядок, как после очень нервных воров, которые торопились. Иван Степанович шагнул к столу, на котором белела записка. Он поднес ее к глазам и шепотом прочел:

— «Ты сегодня еще и еще показал черствую натуру. Билет, разумеется, — мелочь. Но мне от тебя душно! Ухожу к сестре и буду ночевать там. Эгоист! Наслаждайся один «Воскресением». Салат и сметана в холодильнике».

К записке был приколот билет на «Ошибку председателя райисполкома».

В изнеможении Иван Степанович опустился на диван и впал в забытье... Из шкафа вдруг вышел князь Нехлюдов и, взглянув на

Ивана Степановича, покачал головой. Что-то кричала из кухни Катюша Маслова. Потом в окно впрыгнул председатель райисполкома и потянул Ивана Степановича за рукав, приговаривая:

— А ну давай! Запишитесь в очередь! Сегодня нет приема! Не принимаю!..

Пока мы не выросли

Весь вечер мама волновалась и была очень рассеянна. Она перемывала совершенно чистые чашки, поставила термос с чаем в холодильник и, наконец, отдала коту Ваське любимое папино блюдо — гуляш по-швейцарски.

Но и после не успокоилась, а еще отшлепала кота, который съел гуляш. Кот разобиделся, залез под шкаф и, очевидно, чтобы разжалобить маму, горько заплакал. Мама не обращала на него никакого внимания, а все ходила и ходила вокруг телефона. Затем вдруг сняла трубку и быстро набрала номер.

— Это Варечка? — спросила она у Варвары Ивановны, деловода школы.— Здравствуйте, милая, вы не знаете, где Иван Терентьевич, его до сих пор нет дома, а у него сегодня всего три урока. Что? Что? У вас мероприятия?..

Было уж очень поздно, когда папа вернулся домой.

— Что с тобой? — воскликнула мама, снимая с него плащ.— Какой ты утомленный! На тебе же лица нет.

— Есть лицо, смотри,— улыбнулся папа, но это была не обычная папина веселая улыбка, а какая-то жалкая гримаса.

— Почему так задержался? Что случилось? — снова спросила мама.

— Понимаешь,— усталым голосом ответил папа.— У нас был экспериментальный урок, и мы все очень измучились.

— Какой, какой урок? — переспросила мама.

— Эк-эк-спе-ри-мен-тальный.

— Это что за новые выдумки районо?

Папа прищурил правый глаз, и я сразу понял: мама сказала что-то непедагогическое. Папа всегда так делает, когда мама говорит такое, что может плохо повлиять на мое воспитание.

И это правильно, ибо я должен твердо помнить и знать, что наше районо всегда делает только хорошее и очень хорошее.

— Так что же все-таки у вас там было? — опять спросила мама.

— Потом,— шепнул папа и громко добавил, обращаясь ко мне: — А ты, сынок, отчего так поздно не спишь?

— Когда же ему, бедняжке, спать, если столько задают уроков, что головы от книг поднять некогда? — отозвалась мама.

Всегда, когда мама так говорила, папа очень сердился и даже кричал, что мы с мамой недопонимаем основ правильного воспитания, что задавать уроков учащимся надо еще больше, чтобы они не выросли лодырями и трутнями, от которых общество отвернется.

Но на этот раз папа почему-то ничего не ответил. Он только погладил меня по макушке и сказал:

— Спи, сынок!

Я натянул одеяло, подложил руку под щеку, закрыл глаза и засопел — вроде заснул. А на самом деле с нетерпением ждал, что же папа расскажет маме про этот страшный экспериментальный урок, который выдумали в районо.

И дождался. Тихим голосом папа сказал, что какие-то врачи начали мутить воду, они кричали, что учащихся перегружают заданиями на дом. Это не дает детям дышать воздухом и гармонически развиваться. Сначала в районо им дали бой и отвечали, что детям задают уроков еще очень и очень мало. Но затем сдались и согласились провести экспериментальный урок. Без всякого предупреждения папе и другим учителям предложили приготовить уроки, которые были в тот день заданы ученикам.

Папе попались «треклятые задачи», которые не получались по ответу, двухэтажный пример с дробями и процентами, стихотворение в три аршина (почему папа мерит стихи на аршин, я не понимаю), изложение на тему «Отцы и дети», выучить двенадцать страниц зоологии, сделать чертеж, составить и разобрать восемь сложно-сочиненных предложений.

Конечно, ничего страшного. Нам задают иногда побольше, особенно под воскресенье. Но папа все время стонал и жаловался на головную боль, а мама всплескивала руками, говорила «боже мой» и приносила валерианку и примочки. А потом позвали Петра Филипповича, нашего соседа-доктора. Он строго сказал, что у папы повысилось давление и что так перегружать себя — значит сокращать жизнь и варварски относиться к своему здоровью.

Мама заплакала и сказала, что теперь не пустит папу в школу, пока не отдохнет организм. А папа лежал такой тихий и послушный.

Бедный папочка!

Рано утром, когда он еще крепко спал, я уже закончил уроки и собрался в школу. Мне так хотелось обнять его, но я боялся разбудить. Поэтому взял листок бумаги и написал письмо:

«Дорогой папочка!

Выздоравливай и набирайся сил, а я буду вести себя хорошо и отлично учиться. А если у вас будут еще экспериментальные уроки, то я их сам за тебя приготовлю. Ведь я еще ребенок, и мне это не страшно.

Целую тебя крепко. Твой сын
Вова».

По дороге в школу я не бегал, как всегда, и не баловался. Слезы катились у меня из глаз, и я думал: надо больше жалеть бедных взрослых, беречь их здоровье и не проводить с ними таких ужасных экспериментальных мероприятий.

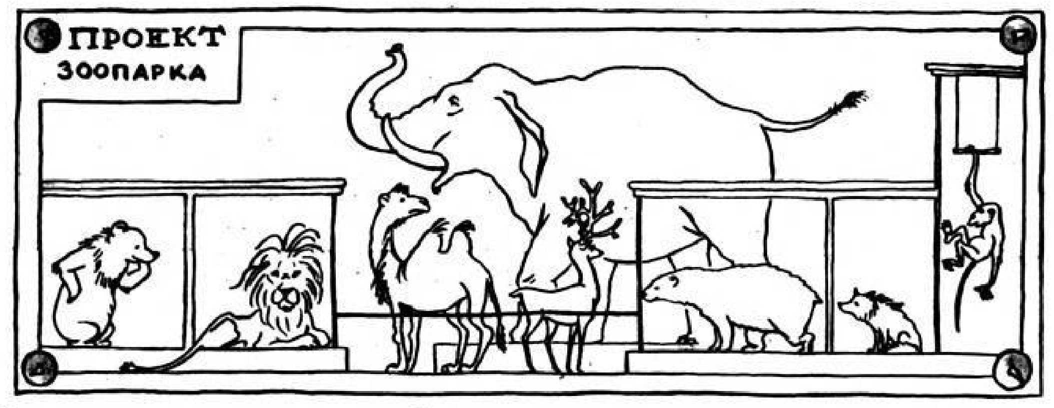
А нам, ученикам, надо еще больше задавать уроков, пока мы не вырастем. Потому что, когда мы станем взрослыми, они нам будут тоже не под силу.

В. ПОДОЛЬСКИЙ

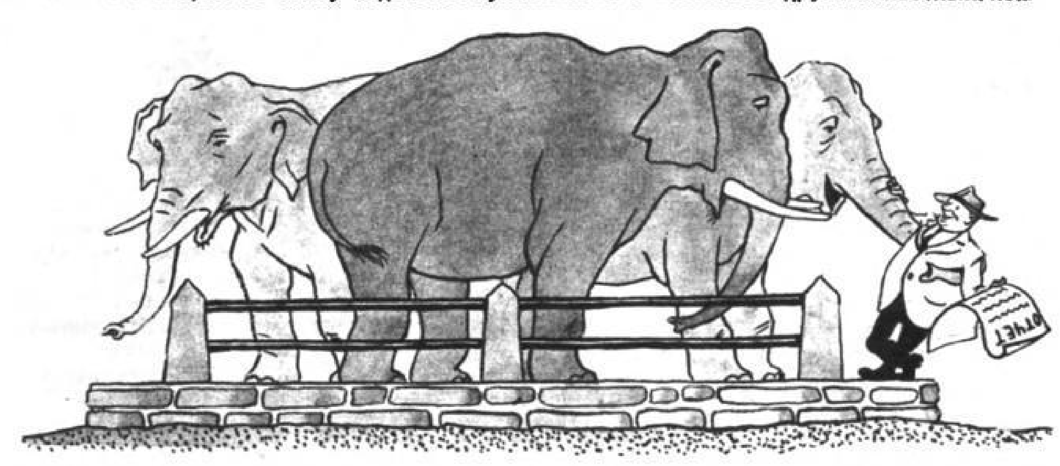
гор. Николаев.

НЕКОМПЛЕКТНЫЙ ЗООПАРК

Изобасня

Для нового зоопарка по плану надо было купить слона и множество других животных, но...

...директор приобрел лишь партию слонов, легко выполнив план в денежном выражении.

Рис. Е. Гурова.

РЕДКИЙ ТРОФЕЙ

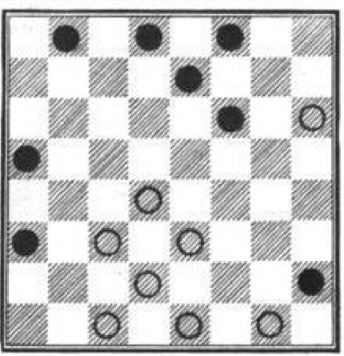
Я старый грибник, большой любитель этого вида спорта. На своем веку мне довелось повидать много любопытного в мире природы. Но недавно особенно повезло. На опушке леса мне посчастливилось найти редкостную грибную семью. В одном грибном «кусте» оказалось 39 белых грибов! О таком трофее не доводилось даже слышать.

Кузнец А. ФИЛИМОНОВ

Рузский район,
Московской области.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

УПУЩЕННАЯ ПОБЕДА

В партии Клеменес—Смирнов, игранной в одном из полуфиналов первенства СССР, получилась позиция, показанная на доске.

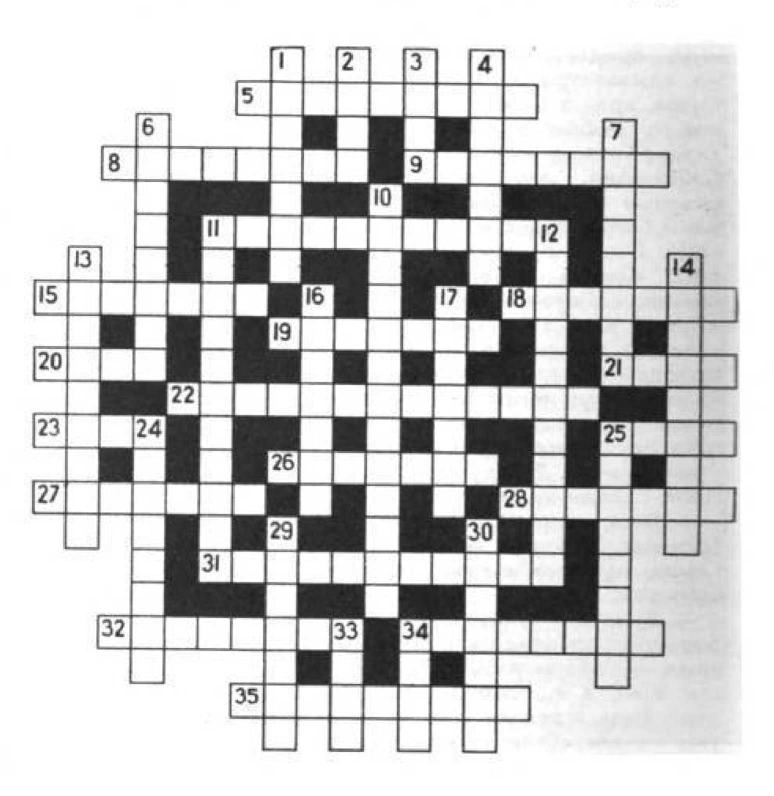
Белые сыграли 1. e1—f2, после чего черные добились выигрыша. Как сообщил И. Г. Мышляев, белые могли выиграть партию, используя комбинационные возможности позиции, а именно:

1. d4—c5!! f6—e5

если 1. ... b8—a7, то 2. c5—d6 e7:c5 3. c3—b4 a5:c3 4. d2:d6 и т. д. На 1. ... d8—c7, последовало бы 2. c5—b6 c7—d6 3. b6—c7 d6—e5 4. c7—d8 b8—c7 5. d8:b6 a5:c7 6. c3—b4! a3:c5 7. e3—d4 и выигрывают.

2. h6—g7! f8:h6
3. c5—b6! a5:c7
4. c3—b4 a3:c5
5. e3—d4 c5:e3
6. d2:f8 и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Профессия. 8. Мелкозернистый гипс. 9. Государство на Индокитайском полуострове. 11. Коробка для сбора растений. 15. Азотнокислая соль, употребляемая для удобрений. 18. Отзывчивость. 19. Склад оружия и военного снаряжения. 20. Выступ суши. 21. Растение семейства лилейных. 22. Коренное переустройство. 23. Приток Днепра. 25. Музыкальный инструмент. 26. Ответная реакция организма на внешнее раздражение. 27. Места для зрителей. 28. Помост на верфях для постройки и спуска судов. 31. Вещество, изменяющее скорость химических реакций. 32. Историческая область между нижним Дунаем и Черным морем. 34. Русский композитор. 35. Поверхность, образуемая вращением одного из геометрических тел.

По вертикали:

1. Род большой совы. 2. Стихотворный размер. 3. Возможная опасность. 4. Приток Нижней Тунгуски. 6. Ягода. 7. Город и порт в Индонезии. 10. Наука. 11. Спортивное общество. 12. Приспособление для поглощения энергии удара. 13. Столица автономной республики. 14. Вулкан на Средиземном море. 16. Перевал в Альпах. 17. Польский танец. 24. Полуостров в Северной Америке. 25. Судно. 29. Герой пьесы Т. Г. Шевченко. 30. Минерал, разновидность талька. 33. Русский график. 34. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

1. Патология. 5. Крым. 6. Иена. 8. Америка. 11. Ехидна. 13. Апсида. 15. Затея. 17. Салехард. 18. «Бурмистр». 20. «Дзяды». 21. Лебеда. 24. Кортик. 26. Пойнтер. 27. Зебу. 28. Опыт. 29. Накладная.

По вертикали:

2. Армата. 3. Либретто. 4. «Илиада». 5. Киви. 7. Айни. 9. Венесуэла. 10. Макаренко. 12. Доверие. 14. Селигер. 15. Заряд. 16. Якуты. 19. Лявониха. 22. Бриз. 23. Ампула. 24. Корова. 25. Торт.

ЮМОР ЗА РУБЕЖОМ

НЕВЫНОСИМАЯ АТМОСФЕРА

Учитель подал заявление об уходе с работы. Причину отставки он объяснил следующим образом:

— Атмосфера в школах стала невыносимой: учитель боится директора, директор боится инспектора, инспектор боится школьного совета, школьный совет боится родителей, родители боятся детей, а дети никого не боятся.

Перевод с английского.

В этом номере на вкладках: четыре страницы рисунков В. А. Свешникова и четыре страницы цветных фотографий.

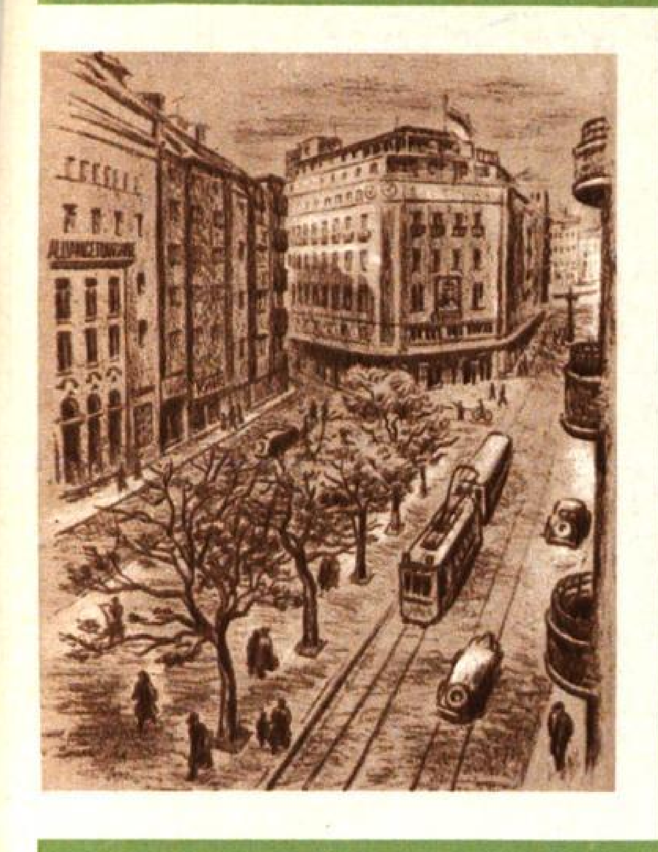
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

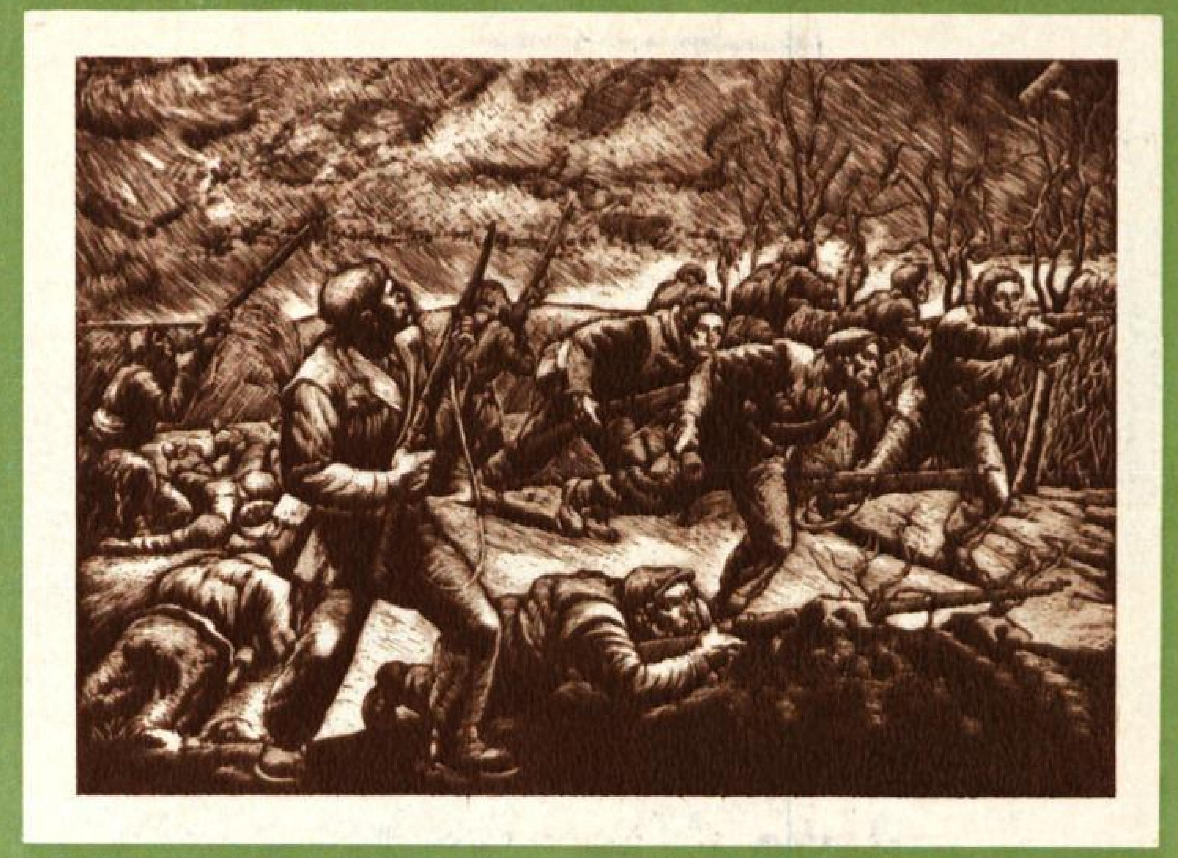
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

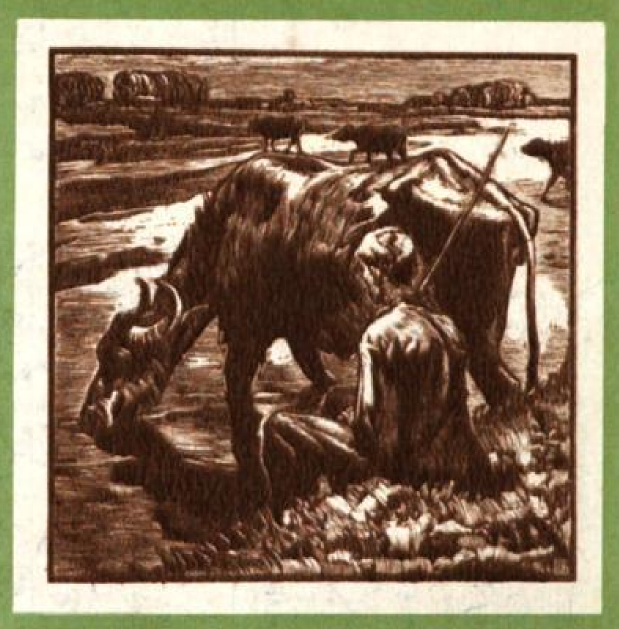
А 11143. Подп. к печ. 5/IX 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 865. Заказ № 2339. Рукописи не возвращаются.

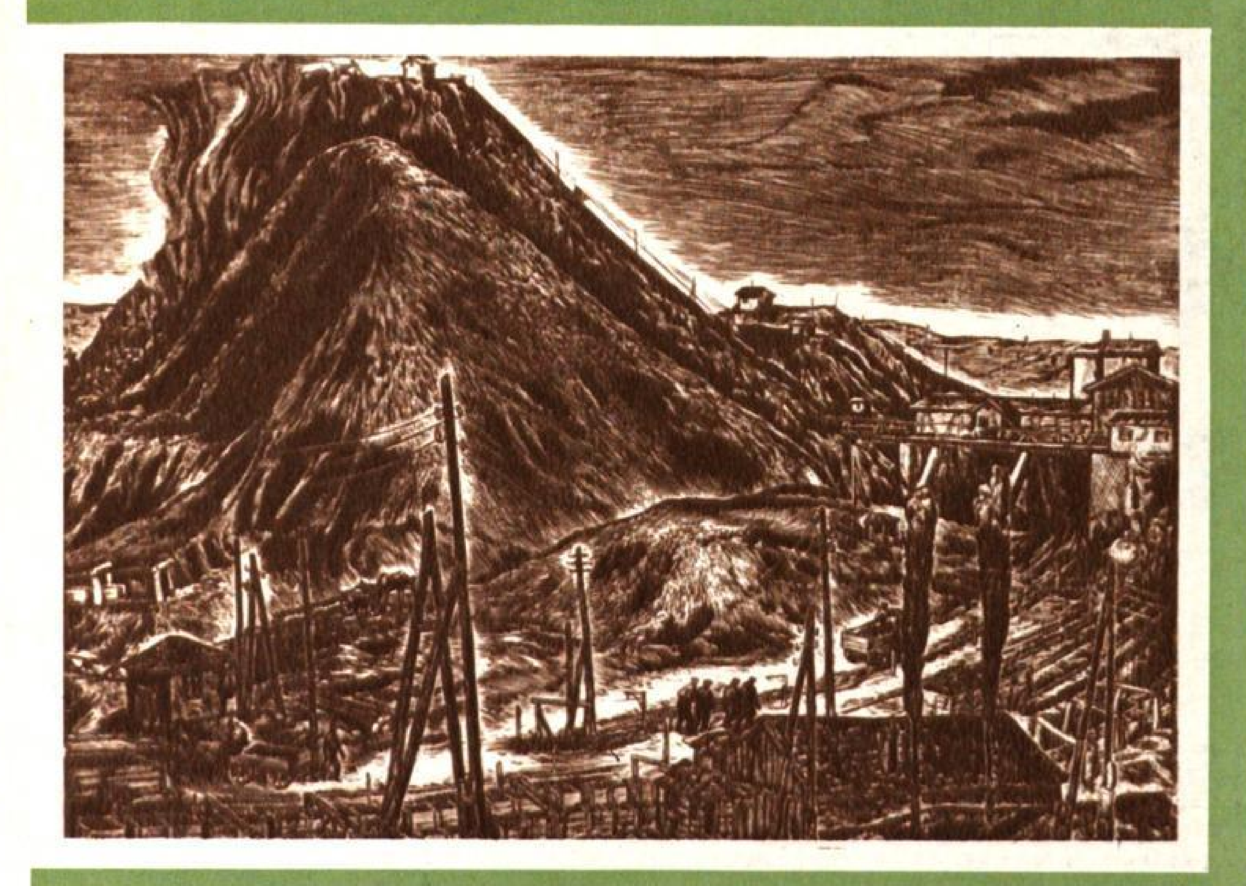
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ГРАФИКА БОЛГАРИИ

Мы воспроизводим на этой странице работы видных современных графиков Болгарии.

Люба ПАЛИКАРОВА. Вид Софии. Литография. 1950.

Л. Паликарова несколько лет изучала графику в Варшаве. Она занимается и живописью.

Димитр ДРАГАНОВ. Сражение партизан. Гравюра на дереве. 1946.

Д. Драганов — автор серии гравюр на дереве на темы партизанского движения и сентябрьского восстания 1923 года.

Георгий ГЕРАСИМОВ. Водопой. Гравюра на дереве. 1944.

Г. Герасимов окончил Софийскую Академию художеств. Затем он работал в Праге. Он создал большое количество офортов, литографий, гравюр на дереве.

Евтим ТОМОВ. Димитрово. Гравюра на дереве. 1949.

Е. Томов — автор гравюр и литографий. Ему принадлежит также монография «Болгарская графика», переведенная на русский и другие языки.

11-5
Цена номера 3 руб.